Козырев Михаил

Елена Батурина: как жена бывшего мэра Москвы заработала миллиарды

<kzrvm000.jpg>

Введение----------1

Глава 1. Юность Батуриной. Знакомство с Лужковым-----4

Глава 2. «Интеко». Первые шаги----------9

Глава 3. 1999-й. Подъём на поверхность----------17

Глава 4. Миллиарды Батуриной. Большая спекуляция--24

Глава 5. Расследование Forbes. Земля на Сетуни---------35

Глава 6. Батурина и СМИ. История побед жены мэра----48

Глава 7. Золотые годы «Интеко». Большие деньги и разрыв с братом----------54

Глава 8. Кризис-2008 и Елена Батурина. Кто протянул руку помощи?----------60

Глава 9. Аналоги «Интеко». Казанский ТАИФ и «БашТЭК» ----------70

Глава 10. Конец «лужковской» Москвы. Что дальше?- -80

Приложение. Елена Батурина: когда и деньги не спасают----------89

Помогал ли мэр Москвы Юрий Лужков своей жене растить миллиардное состояние? Что будет с принадлежащей Батуриной компанией «Интеко» после скандальной отставки Лужкова? Кем был дед Елены Батуриной и за что посадили её дядю? Как будущая миллиардерша познакомилась с Юрией Лужковым и что они делали вместе в подвалах Белого дома? Это и многое другое - в книге Михаила Козырева, того самого журналиста, чья скандальная статья стала началом «войны» между Батуриной и журналом Forbs.

Торговля компьютерами и подержанной военной техникой. Выпуск «ширпотреба» и изобретение одноразовой пластиковой стопки для водки. Застройка Ходынского поля и земель Московского государственного университета. Азартная игра на акциях и яростные «разборки» внутри семейства Батуриных. Автор год за годом анализирует события и явления, сделавшие Елену Батурину богатейшей женщиной-предпринимателем в России.

Для широкого круга читателей.

<kzrvm002.jpg>

Козырев Михаил

Введение

Временами это было даже смешно. За полчаса до выхода я набирал телефонный номер. К моему дому подъезжал и спокойно курил у подъезда здоровенный «боец» из какого-то ЧОПа. Я выходил. Садился за руль своей слегка побитой Nexia. Боец садился рядом на переднее сидение. И где-то с час, пока мы через пробки продирались на улицу Докукина, в родную редакцию, я вёл с «бойцами» (они менялись через день) долгие беседы. Например, о том, что Range Rover Discovery-3 - неудобная машина. Один мой знакомый утверждает, что у него от «табуреточной» посадки в этом автомобиле разболелась спина. А белобрысый «боец» (долговязый парень, отслуживший свои два года в каком-то десантно-штурмовом батальоне) в ответ говорил, что Disco-3 - это тачка его мечты. Или о том, как устроено журналистское ремесло. Я уверен, что лекции, которые я прочитал на эту тему, стоя в пробке на Алтуфьевском шоссе, не вредно было бы послушать и студентам журфака МГУ.

Но к исходу первой недели мне это уже до смерти надоело. В сопровождении охранника я возил свою дочку в бассейн. И надо было видеть лица местной «охраны» и нашего тренера. Но мне, повторюсь, это всё быстро надоело. Я написал генеральному директору заявление, и охрану сняли. Хотя «война» Forbes и Елены Батуриной была в самом разгаре.

Началось всё в октябре 2006 г. Я сидел за своим компьютером и стучал по клавишам, рожая очередную заметку, когда ко мне подошёл наш главный редактор Максим Кашулинский с вопросом - могу ли я съездить по-быстрому в Германию? Я был, естественно, готов. Дальше выяснилось, что Елена Батурина, жена мэра Юрия Лужкова, хозяйка «Интеко» и владелица состояния в $2,4 млрд (по оценке Forbes на весну 2006 г.), готова дать нашему журналу интервью. Но (и это действительно странное условие!) готова дать его исключительно в Мюнхене, исключительно на строительной выставке ExpoReal, прямо на стенде компании «Интеко». Вообще-то про девелоперов в журнале пишет моя коллега Мария Абакумова, но она как раз меняла свой загранпаспорт и не могла полететь. Выбор начальства пал на меня.

Журнал Forbes в России издаёт немецкая медиакорпорация Axel Springer. У немцев с семьёй американских миллиардеров Форбс, которым принадлежит журнал, заключено лицензионное соглашение. В Германии Axel Springer - это даже не знаю с чем сравнить. Наверное, как «Медиа Мост» Владимира Гусинского середины «лихих 90-х». У них есть таблоиды, выходящие миллионными тиражами, влиятельные деловые газеты, телеканалы и прочее. Но даже Axel Springer не удалось за три дня, а нужно было уложиться именно в это время, организовать для меня шенгенскую визу в немецком посольстве. Зато получилось в итальянском. На разбитом аэробусе Alitalia (поверьте, это действительно хуже «Аэрофлота») я долетел до Милана. А оттуда - на каком-то винтовом «кукурузнике» - в Мюнхен. С утра пораньше 23 октября я уже был на

месте. Munich Trade Fair Centre - это что-то вроде нашего ВДНХ - ВВЦ. Выставка RealExpo занимала несколько корпусов. Стенды участников с виду были уже готовы. Но чувствовалась какая-то нездоровая нервная суета, как это обычно бывает перед открытием. Наибольший градус этой нервозности я обнаружил у стенда «Интеко». Какой-то мужик в приличного вида костюме, без галстука, в рубашке с воротом, расстёгнутым на три пуговицы, и с цепочкой из белого золота в палец толщиной на шее стоял перед стендом и натурально орал на двух, судя по бейджикам, «интековцев». Те робко оправдывались, но матюги на них сыпались градом. Похоже, со стендом действительно что-то было не так, но что конкретно - я не стал дослушивать. Мне стало неловко, и я пошёл бродить по залам. Когда вернулся, стенд уже инспектировала сама Елена Батурина.

На этот раз никаких разносов не было. Но сказать, что лица работавших на стенде сотрудников «Интеко» были напряжены, это значит ничего не сказать. «Не хотел бы я работать в такой компании», - подумал я ещё про себя. В это время на выставку прибыл Юрий Лужков. В сопровождении свиты он быстрым шагом обошёл российскую экспозицию. Подошёл к стенду «Интеко», задержался. Дал пару коротких указаний из серии «это переставить, а это перевесить». А дальше вместе с Еленой Батуриной отправился на официальное открытие. Глядя на всё это, я думал о двух вещах. Во-первых, ну ёлки-палки, если Лужков даже на стенде у «Интеко» что-то поправляет, то как можно поверить, что он не в курсе более серьёзных вопросов бизнеса своей жены? О чём они могут разговаривать, когда остаются одни? О лошадях и гольфе? А второе - я поставил себя на место немцев, баварского «инвестора» или начальника управления зарубежных клиентов какого-нибудь Deutsche Bank. Вот он пришёл на выставку посмотреть на народ, перекинуться парой слов с коллегами-конкурентами, заодно посмотреть, кто есть кто. Да хоть бы и заглянуть в «русскую зону», что там у этих русских творится и кто на этот раз приехал показать свои макеты из неровно выпиленного пенопласта.

А второе - я поставил себя на место немцев, баварского «инвестора» или начальника управления зарубежных клиентов какого-нибудь Deutsche Bank.

И вот он видит небольшого роста лысого человека, который с начальственным видом осматривает стенды российских участников. Потом останавливается у одного из них, даёт пару ценных советов. Тут знакомые немца, конечно же, ему говорят, что крепыш - это мэр Москвы. А остановился он у стенда компании «Интеко», которая принадлежит его жене, Елене Батуриной. Потом наш немец лицезреет обоих, и Лужкова, и Батурину, на официальном мероприятии. Лужков стоит в группе официальных лиц. Батурина - чуть в стороне, к ней постоянно подходит кто-то из сотрудников «Интеко». Она даёт им короткие распоряжения, те куда-то убегают или принимаются звонить по сотовым телефонам. Иными словами, оба - и Лужков, и Батурина - работают. И в это время баварский премьер отдельно приветствует московскую чету. Лужков произносит ответную речь. Наш немец, конечно же, слышал о нравах в России, о

коррупции и вертикали власти. И он, конечно, сразу смекнёт, имеет ли «Интеко» особый, благоприятный режим ведения бизнеса в Москве или нет.

«Но так же нельзя. Нельзя так цинично и откровенно», - примерно так я думал тогда. Так же думаю и сейчас. Нельзя жене заниматься большим бизнесом в городе, где муж занимает должность мэра. Особенно девелоперским и строительным бизнесом, где всё завязано на распоряжениях и решениях городских властей. В конце концов, это просто неприлично. Не говоря уж о том, что ведь «все всё понимают».

Батурина потратила час своего времени, чтобы ответить на мои вопросы в Мюнхене. Потом я ещё раз ездил к ней в её офис в Москве, что-то уточнял. Батурина отвечала по делу, чётко, но коротко. Подбить хозяйку «Интеко» на какие-то развёрнутые рассуждения было невозможно. Она производила впечатление человека хваткого, упрямого и в целом неглупого. Но отделаться от своего первого восприятия всей этой ситуации - «ну нельзя же так откровенно и цинично» - я не мог. Видимо, это отношение проявилось в статье. И, видимо, именно оно, а не какие-то добытые нами подробности бизнеса «Интеко», вызвало у Батуриной (и, наверное, Лужкова) зуд раздражения.

Их представители раздобыли гранки со статьёй до её публикации. Они давили на редакцию и издателя российского Forbes. Тираж журнала со статьёй о Батуриной едва не был уничтожен и спасён в последнюю минуту благодаря вмешательству американцев. «Наши» немцы, которые здесь, в Москве, управляли бизнесом Axel Springer, были на взводе. Мне сразу же дали охрану. По итогам публикации Батурина подала на нас в суд. И выиграла его, докопавшись до каких-то филологических тонкостей. Когда ко мне обратился один мой хороший знакомый с предложением «поворошить прошлое» и написать про Батурину книжку, я некоторое время сомневался. Но потом вспомнил те свои мюнхенские ощущения и решил, что да, это надо сделать. Ситуация выглядит действительно просто неприлично.

А когда я уже дописывал последние главки, случилось то, о чём вы наверняка знаете, - президент Дмитрий Медведев уволил Юрия Лужкова с формулировкой по «утрате доверия». То, как была обставлена отставка Лужкова, ни у одного порядочного человека не вызвать протеста не может. Федеральные телеканалы вмиг «прозрели» и обнаружили, что рядом, в Москве, вырос целый криминальный «спрут». Мэр здесь вороватый и неэффективный. Пчёл он любит больше, чем своих страдающих от гари горожан. Жена-то у него, оказывается, бизнесом занимается и процвела благодаря негласной поддержке мужа. А уж что произошло со старой Москвой при Лужкове... Смотреть всё это было просто невозможно. Я и не смотрел.

При этом наша статья про Батурину вновь стала очень востребованна. Чуть ли не каждый день обложку декабрьского номера Forbes за 2006 г. показывал в своих «расследованиях» то один, то другой телеканал. Какие-то люди с НТВ всё хотели подъехать к нам в редакцию, снять, как

мы работаем. «Полистать», как они говорили, с авторами «тот самый» номер журнала. Но никто из нас, участвовавших в том, четырёхлетней давности скандале, гнобить Лужкова и Батурину сегодня по указке г-на Громова, заместителя администрации Владимира Путина, не согласился. Не скажу за остальных, но мне это показалось просто неприличным. «Джинса» (то есть опубликованный в СМИ материал, написанный не потому, что редакции это интересно, а потому, что его заказал и оплатил внешний заказчик) не перестаёт быть «джинсой», если её заказывают госструктуры. Но дальше встал вопрос - а уместно ли сегодня писать о бизнесе Батуриной? Ведь иначе, как прощальный «плевок в спину» это оценено не будет. Найдётся немало людей, которые скажут - ну что ж, парню заплатили, он и написал. Мол, сейчас же все «Лужка» «мочат». А теперь вот ещё и книжка появилась.

Я не скажу, что думал над этим долго. Мне кажется, журналист вообще не должен размышлять, уместна или не уместна сегодня его история и на чью мельницу он льёт воду. Если ему есть что рассказать важного и интересного людям, он должен это делать. В этом его работа. Время и обстоятельства могут меняться. Однако кое-какие вещи меняться не должны. И если «большее зло» в силу каких-то причин взъелось на «меньшее», это не повод говорить, что чёрное - это белое. А бизнес «Интеко» - прозрачная, выросшая исключительно благодаря предпринимательскому таланту Елены Батуриной корпорация. Люди должны знать реальную цену 20-летнего правления Лужкова в Москве. Хотя бы для того, чтобы новый столичный мэр не засиделся в своём кресле на столь длительный срок.

Глава 1. Юность Батуриной. Знакомство с Лужковым

Кто такая Елена Батурина? Откуда взялась и в какой среде выросла? В своих интервью Батурина не любит откровенничать на эти темы (как, впрочем, и в целом - не любит откровенничать). Но у Елены Батуриной есть старший брат, Виктор. Четыре года назад, в 2006 г., сестра выкинула его из бизнеса. Освободившись от «текучки», Виктор Батурин написал книгу. Вернее сказать, написал в соавторстве. Соавторами стали вождь ЛДПР Владимир Жириновский и его однопартиец Сергей Абельцев. Произведение под названием «Chantera pas!» описывает всемирную историю и историю России, сводя её к взаимодействию двух социальных групп - людей дельных и работящих, с одной стороны, и их антиподов, так называемой «шантрапы» - с другой.

Не возьмусь комментировать содержание этого «труда», скажу лишь, что оно, мягко говоря, спорно. Но меня заинтересовали многочисленные «лирические отступления» о прошлом и настоящем семьи Батуриных, которыми Виктор Батурин оснастил своё историософское повествование. До меня книжка дошла в варианте одной из предпечатных версий. Я связался с Виктором Батуриным, спросил, можно ли использовать изложенную в книге информацию. Он буркнул что-то вроде «можете

пользоваться, там нет никаких секретов». Не знаю, как насчёт «секретов», но кое-что о семье Батуриных из книги становится понятно.

Итак, начнём с самого начала. Если верить Виктору Батурину, то его (и Елены Батуриной) дед по отцовской линии родился в селе Катино Рязанской губернии, в крестьянской семье. У Егора Батурина и его жены Елены было девять детей. Старший сын, 1915 года рождения, стал одним из первых комсомольцев, а затем и коммунистов в селе. Участвовал в раскулачиваниях, организовывал местный колхоз, боролся с религией. Как-то раз, согласно семейному преданию, Батурин-активист даже ворвался в родительскую избу и принялся рубить иконы. Мать в ответ выплеснула на сына чугунок горячих щей. Тот, сильно ошпаренный, развернулся и вышел из избы, яростно хлопнув дверью. Как это часто бывало с «активистами», в 1939 г. дядя Елены Батуриной был арестован. Его судили, признали «врагом народа» и отправили на 15 лет в лагеря на севере Республики Коми.

Николаю, младшему из братьев и будущему отцу Елены Батуриной, было тогда 12 лет. В селе на семью «врага народа» стали поглядывать косо. Батурины, опасаясь дальнейших преследований, перебрались в Москву. Там дед Елены Батуриной устроился работать на железную дорогу.

В 1944 г. отца Батуриной призвали в армию. Но война уже шла к концу, на фронт он не попал, а был откомандирован на восстановление угольных предприятий Тульской области. Из «военных шахтёров» Николай Батурин демобилизовался в 1951 г. Устроился работать на московский завод «Фрезер». Женился, закончил станкоинструментальный техникум, стал мастером на участке трубного оборудования. Дела шли неплохо. В 1963 г. Батуриным, до того ютившимся в комнате коммуналки, дали целую двухкомнатную квартиру на Сормовской улице. В ней и выросла Елена Батурина.

Всего у Николая Батурина и его жены было трое детей - два сына и дочь. Однако старший сын, Геннадий, умер в раннем возрасте от воспаления лёгких. Елена, младший ребёнок, росла вместе со средним сыном Виктором. Виктор был на шесть лет старше. Достатка в семье не было. Например, когда Витя пошёл в первый класс, белой праздничной рубашки мать достать не смогла. Пришлось шить самой - из пелёнок дочери. В своих интервью Елена Батурина каждый раз вспоминает, что семья жила бедновато. Ей самой, как младшей, приходилось спать в одной комнате вместе с родителями.

К тому времени, как дети подросли, Николай Батурин тяжело заболел - что-то связанное с позвоночником. Виктор отучился в школе восемь лет, после чего по настоянию отца поступил в техникум. Тот хотел, чтобы сын получил профессию до того, как пойти служить в армию. Семья не должна была остаться без кормильца.

Про Елену Батурину с её собственных слов известно, что в школе она часто болела. Врачи говорили, что у неё слабые лёгкие, поэтому она

никогда не курила. В школе она, в отличие от брата, доучилась до 10-го класса. Успехами Батурина не блистала. После школы она пошла работать на завод, где работали мать и отец. Однако оставаться на «Фрезере» Елена вовсе не собиралась.

«Когда я окончила 10 классов, то просто места себе не находила - всё время думала, куда поступить. Ведь стоило мне хоть немного ошибиться - и уже ничего не исправить, не догнать тех, кто уйдёт вперёд лет на пять-шесть, а я буду плестись в хвосте», - позже говорила она.

Резюме? В отличие от, допустим, миллиардера Михаила Прохорова, Елена Батурина не происходит из семьи, вхожей в советскую элиту. Но безродной сиротой, как Роман Абрамович, она тоже не была. Батурина выросла в обычной рабочей семье. И отец, и мать Батуриной не имели высшего образования. Нравы в семействе были простые, я бы даже сказал, суровые. Это чувствуется в интервью Виктора и Елены Батуриных. Я имею в виду их настоящие, а не «писанные» интервью. «Я не интеллигентный человек, я простой парень из рабочей заводской семьи», - заявил как-то Виктор Батурин. «У меня отец говорил: говори человеку три года, что он свинья, он захрюкает», - это уже Елена Батурина в интервью в октябре 2010 г. журналу The New Times. Но вот, на мой взгляд, лучшая цитата из Батуриных на этот счёт. Она принадлежит Виктору: «У нас в семье не приняты поцелуйчики, обниманцы. Я, например, матери просто так не звоню. Если ей надо - она сама позвонит, сиди и жди. Мы с сестрой не были приучены проявлять родственные чувства, тем более на людях».

В общем, подготовить (мотивировать) дочь к тому, чтобы поступить сразу после школы в престижный вуз - наиболее распространённое начало хорошей карьеры во времена позднего СССР, - родители не смогли. Но упрямство, упорство, похоже, привить сумели. У девочки, выросшей в пролетарском районе Выхино, сформировалось умение идти к поставленной цели. Именно оно и, похоже, унаследованные от предыдущего поколения деловая хватка и крестьянская хитрость сделали Батурину не просто женой мэра, но и самой богатой женщиной России.

«„Батура“ в переводе со старославянского означает упрямец. Вот и я достаточно упёртый человек», - так в одном из интервью говорила о себе Батурина.

После школы упрямство Батуриной было очень нужно. Пройти ей удалось лишь на вечернее отделение Института управления имени Серго Орджоникидзе. На дневное у Батуриной поступить не получилось. А чтобы иметь возможность учиться на вечернем, ей, по советским нормам, требовалось работать. И она пошла на тот самый завод «Фрезер», где трудились отец и мать. Так продолжалось полтора года. Затем Батурина с завода ушла.

Свой поступок в разное время она объясняла по-разному. «Вскоре я бросила завод, потому что для меня было невыносимо рано вставать. Я по натуре сова, и просыпаться рано для меня трагедия», - рассказала

Батурина в своём интервью 2005 г. Тремя годами раньше 2002 г. те же обстоятельства Елена Батурина описывала по-другому: «Я жутко трудно уходила с завода. Меня вызвали к директору, и он прочёл лекцию про то, как аморально прерывать династию, поскольку у меня на этом заводе работали все: дядьки, тётки, братья, сёстры. Но мне деваться было некуда - поскольку училась в экономическом вузе, должна работать по специальности. И я ушла в Институт экономических проблем комплексного развития народного хозяйства города Москвы. Ушла я с жутким понижением. На оклад в 190 руб.».

Но, как бы то ни было, переход на работу в институт сыграл ключевую роль в дальнейшей судьбе Елены Батуриной. И дело не только в том, что Батуриной удалось устроиться на работу во вполне «тёплое местечко». Учреждение, где она теперь работала, было головным по разработке программ развития городского хозяйства: где и какие размещать производства, как их обеспечить трудовыми ресурсами и т.п. Ну а меньшую по сравнению с заводской зарплату (если, конечно, верить рассказу Батуриной о том, что ей сразу после школы на заводе платили 145 руб.) с лихвой компенсировали перспективы на будущее. Рассуждая по-житейски: какого мужа она могла себе найти в заводскому цеху? Другое дело - одно из ведущих научно-исследовательских заведений в столичном городском хозяйстве. Шанс не замедлил представиться. И Батурина его не упустила.

В 1987 г. затеянная Михаилом Горбачёвым перестройка докатилась до института, где работала Батурина. Весной того года Совмин СССР принял несколько постановлений, разрешивших частное предпринимательство в стране. Тогда же решением Мосгорисполкома был создан специальный орган с длинным названием «Комиссия по индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности». Председателем комиссии был назначен Юрий Лужков, на тот момент заместитель председателя Мосгорисполкома. А для обеспечения текущей деятельности комиссии была создана специальная рабочая группа в составе двух сотрудников подчинённого московским властям института народного хозяйства. Одним из них и стала Елена Батурина. Летом 1987 г. Лужков и Батурина познакомились.

Будущему мэру Москвы был 51 год. Карьеру Лужков сделал на нефтехимических предприятиях. Своим бывшим подчинённым Лужков запомнился неуёмной энергией. На одном из предприятий, которым руководил Лужков, за будущим столичным мэром закрепилась кличка «дуче». И не только за внешнее сходство. В 1986 г. Лужков работал начальником управления по науке и технике в Министерстве химической промышленности СССР. Оттуда его и «выдернул» Борис Ельцин. Только что назначенный первым секретарём столичного горкома КПСС, Ельцин искал «свежие» кадры для московских структур. Лужков получил должность заместителя председателя Мосгорисполкома и одновременно - председателя Московского городского агропромышленного комитета, где курировал обеспечение продовольствием населения Москвы. Ну и уж заодно, в качестве, общественной нагрузки, Лужкову была поручена

комиссия по кооперативам.

Ко времени знакомства с Батуриной, первая жена Лужкова, Марина, ещё была жива, но тяжело болела. Она умерла в 1989 г. от рака печени. У вдовца остались двое детей - Михаил и Александр. «Нет, это не была любовь с первого взгляда, мы довольно долго работали вместе и даже особенно не обсуждали наши чувства. Но на уровне подсознания я всегда знала, что буду его женой», - позже вспоминала Елена Батурина о своём «романе» с Юрием Лужковым. С родителями будущей жены Юрий Лужков познакомился примерно за неделю до свадьбы. Когда он в первый раз пришёл в гости к Батуриным, произошёл эпизод, описанный позже Виктором Батуриным, старшим братом Елены Батуриной.

Отец Батуриной, Николай Егорович, предложил будущему зятю сыграть в шахматы. Лужков согласился. Как пишет Виктор Батурин, Лужков начал партию агрессивно, было видно, что отца будущей жены он за серьёзного противника не держит. Но очень скоро Лужков оказался в трудном положении, стал подолгу задумываться над каждым ходом. Вскоре Батурин-старший, решив не мучить гостя, предложил Лужкову ничью, тот с радостью согласился. Когда Елена Батурина с женихом ушли, Виктор Батурин спросил у отца: «Зачем ты предложил ничью, у тебя была практически выигрышная позиция?» Тот в ответ лишь усмехнулся и ничего не ответил. «Теперь я, конечно, понимаю, что моей сестре было 29 лет и отец был рад, что она заводит семью», - пишет Батурин.

Вскоре Юрий Лужков и Елена Батурина поженились. У них родились две девочки - Алёна (1992 г.) и Ольга (1994 г.). Однако менять фамилию Батурина не захотела. «Я уже тогда серьёзно занималась бизнесом - моё имя было уже известным. Смена фамилии создала бы мне определённые технические трудности», - вспоминала потом Батурина.

О каком бизнесе идёт речь? В 1991 г. Елена Батурина на паях с братом Виктором зарегистрировала кооператив «Интеко».

Работая в комиссии по кооперативам, Батурина и сама прониклась духом предпринимательства. «Комсомолёнку» Михаилу Ходорковскому, как позже говорила сама Батурина, она помогала организовывать первые студенческие кооперативы. Она была знакома со всеми видными предпринимателями из числа первых легальных «советских» бизнесменов - Артёмом Тарасовым, Владимиром Гусинским и прочими. Иными словами, она была в самой гуще начинавшегося кооперативного движения, имела представление обо всех ходах-выходах. «Глупо было сидеть у воды и не напиться», - резюмирует Виктор Батурин, имея в виду причины создания кооператива «Интеко».

Иными словами, она была в самой гуще начинавшегося кооперативного движения, имела представление обо всех ходах-выходах.

Чем именно занимался кооператив «Интеко» в первый год после своего создания, до сих пор точно не известно. Неоднократно изложенная официальная версия, Еленой Батуриной, гласит, что разработкой программного обеспечения. Но что конкретно делал «Интеко»? Вот что

пишет об этом Виктор Батурин в своих воспоминаниях:

«…Как делались первые „большие“ деньги? Конечно, не на пирожках и ресторанах! Могу рассказать то, что знаю из личного опыта. Например, на всех советских предприятиях, особенно оборонных, были так называемые фонд технического перевооружения и фонд новой техники. У этих фондов была одна особенность - деньги надо было потратить в течение года, иначе они пропадали. Если ты не полный идиот и у тебя есть знакомые на каком-нибудь предприятии, то звонишь своему знакомому и спрашиваешь: „Сколько у тебя денег неиспользованных по фондам?“ Он, например, отвечает: „Сто тысяч рублей“. Ты его спрашиваешь, какие работы запланированы на эту сумму, оформляешь договор на кооператив, выполняешь работу. По договору от предприятия к кооперативу поступают безналичные деньги. Они кооперативом обналичивались в банке, и на наличные покупались компьютеры. Разница в ценах („нал“ - „безнал“) была колоссальная!»

Ещё в интервью «Ведомостям» Виктор Батурин описал свою крымскую одиссею: «Я поехал в Крым и сделал там в двух колхозах компьютерные классы, тогда как раз мода была на информатику. Говорят, до сих пор они работают. Помню, заработал на этом 150 или 160 тыс. руб. В двух чемоданах их оттуда вёз. Вот так всё и начиналось. Налогов тогда не было, кроме подоходных, да и законов не было». Это был 1990-й или начало 1991 г.

Но наиболее детальное описание запуска бизнеса «Интеко» содержится в книге Виктора Батурина. Утро 19 августа 1991 г., когда миллионы советских граждан узнали о ГКЧП, Виктор Батурин встретил в Риге, у ворот штаба Прибалтийского военного округа. За день до этого он приехал из Москвы и успел оплатить счета на списываемую военную технику - автомобили, электростанции, прицепы и прочее; 19-го числа он должен был получить накладные, чтобы ехать в части и забирать купленное имущество. Техника хоть и списывалась, но на самом деле была практически новой - она стояла на базах хранения и не использовалась. Часть её Минобороны решило продать. Об этой возможности Батурин узнал от своего знакомого в штабе округа, остальное было делом несложным.

Действуй путчисты в Москве более уверенно, Виктор и Елена Батурины, скорее всего, остались бы без денег и без техники. Да и в остальных начинаниях вряд ли им сопутствовал бы успех. Ведь именно в дни путча Юрий Лужков проявил себя как один из самых преданных и притом эффективных союзников Бориса Ельцина. Вопреки требованиям ГКЧП, Лужков отказался выпустить распоряжение о запрете митингов и демонстраций. Начал обзванивать руководителей московских предприятий, требуя от них выделить технику и стройматериалы для строительства баррикад. Если бы «путчисты» взяли верх, судьба Юрия Лужкова и его новоприобретённых родственников сложилась бы незавидно.

Между тем Виктор Батурин, узнав в Риге от своего знакомого о

введении чрезвычайного положения, тут же сел в машину и уже к утру 20 августа был в Москве. На подъезде к столице он встретил колонны бронетехники. Но спустя пару дней ситуация в Москве разрядилась. Сделки с военным имуществом удалось довести до конца. «Этот „бизнес“ принёс нам с сестрой в 1991 г. несколько миллионов рублей. Именно с этих „военных“ денег и берёт своё начало „Интеко“», - вспоминает сегодня Виктор Батурин.

Впрочем, более существенное для будущего бизнеса «Интеко» событие произошло 6 июня 1992 г. Указом Бориса Ельцина Юрий Лужков, в реальности и так уже полностью контролировавший столичную власть, был назначен мэром Москвы. В этой должности он отработал 18 лет, 3 месяца и 22 дня, лишившись её лишь в сентябре 2010 г. Ну а Елена Батурина, в 1992 г. - начинающий кооператор, сколотивший на посреднических операциях первый стартовый капитал, - сегодня занимает 27-ю строчку в списке богатейших россиян и владеет состоянием в $2,9 млрд.

Глава 2. «Интеко». Первые шаги

Принимал ли Юрий Лужков участие в бизнесе Елены Батуриной или нет? Был ли он в курсе решений, которые жена хочет принять? Делился ли с Батуриной своим видением положения дел в городе, мыслями о перспективах его развития? Конечно же, да. Странно, если бы было по-другому. И странно, если бы Батурина это отрицала. И она не отрицает.

«Большую часть жизни мы проводим на работе. Если у меня не запускаются на заводе пресс-формы, поставщики срывают сроки, горит заказ… Не сказать мужу?! И смешно, если Лужков, придя домой, не говорит о существующих в городе проблемах», - заявила Батурина в своём первом большом интервью, которое она дала в 1999 г. «Известиям».

Другое дело, что следует дальше. Батурина утверждает, что окончательное решение принимает тот, кто должен отвечать за него. Подразумевается, что Лужков не отвечает за дела «семейного» бизнеса. А Батурина - за городское хозяйство Москвы. Но в том-то и дело, что в случае с «Интеко» городское хозяйство сложно отделить от интересов семейной компании, полностью интегрированной в городскую экономику.

Но об этом чуть позже. А пока небольшой экскурс к истокам. Как и с чего начинал Юрий Лужков, обустраивая свою власть в Москве, систему крепкой и мало чем ограниченной власти?

Ещё раз вернёмся в август 1991 г.

Вечером 20-го, когда Виктор Батурин подъезжал к Москве по забитому военной техникой шоссе, в осаждённом Белом доме обстановка сгустилась. Ельцин сидел в своём кабинете вдвоём с Русланом Хасбулатовым. Раздался звонок, Ельцин взял трубку. На другом конце провода был российский премьер Иван Силаев: «Руслан Имранович, прощайте, Борис Николаевич, прощайте. Сегодня ночью с нами будет

кончено. Это достоверная информация. Пусть берут дома. Прощайте...» Ельцин побледнел. Попытался уговорить Силаева остаться в Белом доме, но тот был непреклонен и положил трубку.

Вскоре, оставив расстроенного Ельцина в одиночестве, Хасбулатов ушёл в свой кабинет. Там его застал звонок от московского мэра Гавриила Попова. В своих воспоминаниях Хасбулатов позже написал: «Попов спрашивал, как быть ему с Лужковым [на тот момент вице-мэром Москвы - М.К.]. Ведь у них никакой защиты. А их скорее всего “возьмут” одними из первых». Хасбулатов предложил им добираться до Белого дома пешком - автомобилем было проехать невозможно из-за военной техники.

«Около девяти часов вечера [20 августа 1991 г. - М.К.] мы получили срочную и настоятельную рекомендацию Белого дома немедленно переехать туда, к ним: обстановка стала резко обостряться», - написал Юрий Лужков в своих воспоминаниях, вышедших практически сразу после подавления путча 1991 г. Ещё вечером 19 августа Лужков разослал префектам административных округов и председателям райисполкомов телефонограмму, в которой приказал московским чиновникам не подчиняться ГКЧП. Тем, кто будет следовать указаниям путчистов Лужков грозил уголовным преследованием. Той же телефонограммой Лужков призывал к организации бессрочной забастовки, требовал от префектов и председателей исполкомов, чтобы те довели содержание телефонограммы до трудовых коллективов на подведомственной территории. Характерная деталь - под телефонограммой стояла подпись именно Юрия Лужкова, исполняющего обязанности мэра Москвы. Его начальник, Гавриил Попов, вернулся из поездки в Киргизию лишь вечером 19 августа.

В общем, действительно, Юрию Лужкову в случае победы ГКЧП светило как минимум лишиться своего кресла. А если бы Янаев и его команда решили разобраться со своими соперниками «по-взрослому», то и не только кресла. Лужков с Поповым ближе к вечеру 20 августа эту перспективу отчётливо себе представляли. «Мы всерьёз раздумывали, где и каким образом нас могут арестовать: в мэрии или дома, вместе или порознь», - позже писал Лужков. В итоге решили оставаться в мэрии, но связались с Белым домом, чтобы получить инструкции, что делать. Хасбулатов сказал - приезжать. Всё это время Елена Батурина, молодая жена Лужкова, сидела в их квартире и ждала развития событий. Ехать в Белый дом без неё Лужков отказался. Попову ничего не оставалось, как согласиться. С несколькими охранниками сели в автобус, доехали. Батурина спустилась вниз, вынесла сумки с едой. Дальше добрались до московского зоопарка, там пришлось выйти и пойти пешком.

В кабинет Хасбулатова они втроём - Попов, Лужков и Батурина - зашли спустя примерно два часа после телефонного разговора, мокрые от проливного дождя. Появление вместе с Лужковым его жены было для Хасбулатова неожиданным, а потому хорошо запомнилось. В своих воспоминаниях он упомянул об этом отдельно. Пришедшие подробно рассказали Хасбулатову о состоянии дел на улицах, прилегающих к

Белому дому, и в центре Москвы. Сказали, что из надёжных источников им известно: штурм намечается где-то в полночь или ближе к утру. Не успев толком дослушать рассказ, Хасбулатов пошёл к Ельцину - тот почему-то перестал отвечать на телефонные звонки. О своих гостях председатель Верховного Совета вспомнил лишь спустя пару часов. Куда они делись?

Хасбулатов вспоминал: «Кажется, Сергей Филатов сообщил, что они в подвалах. - “В каких подвалах?” - удивился я. - „Обнаружены огромные подвалы, подземные ходы, ведущие к Кремлю и к Старой площади”, - ответили мне». Хасбулатов спустился вниз. Впереди шёл охранник и освещал путь электрическим фонариком. Подошли к огромной стальной двери. Чтобы её открыть, пришлось несколько раз провернуть большое металлическое колесо. Внутри был довольно большой зал, где группками слонялись депутаты. На одной из дверей в зале была табличка с надписью «Председатель Верховного Совета». У двери стояло несколько человек из президентской охраны. Хасбулатов открыл и вошёл внутрь. Внутри были Попов, Лужков с Батуриной и президент Ельцин. Все четверо пили чай.

В своих воспоминаниях Юрий Лужков достаточно подробно описал ту самую ночь в бункере под Белым домом. Сняв пиджаки, пишет Лужков, почти «по-мирному» обсуждали новые принципы управления городом: его статус в будущей «новой России», работу строительного комплекса, ситуацию с продовольствием и прочее. Правда, Лужков пишет, что сидели втроём - он, Ельцин и Попов. Елена Батурина, которая, по утверждению Хасбулатова, тоже была в бункере, осталась «за кадром». Но её присутствие в критический момент путча 1991 г. в Белом доме - вполне характерная деталь. Батурина - человек решительный и уже тогда не стояла в стороне от дел мужа. Ключевые для семьи решения они принимали (и, надо полагать, до сих пор принимают) и выполняли (выполняют) вместе. Позже злые языки приписывали Юрию Лужкову, ссылаясь на семейный кодекс, 50% состояния Елены Батуриной. В таком случае, проведя ночь с 20 на 21 августа 1991 г. в бункере под «Белым домом», Батурина и Лужков поделили пополам и все риски, выпавшие на долю Юрия Лужкова.

Как известно, штурма толком ГКЧПисты организовать не смогли. Промозглым ранним утром 21 августа Лужков, Батурина и двое охранников вышли из Белого дома. Прошли через баррикады, сели в ждавшую у зоопарка машину. Без приключений добрались до дома. Батурина осталась в квартире. Лужков на всякий случай сказал ей никому не открывать, а сам уехал на Тверскую, в мэрию. К вечеру того дня стало понятно, что игра, ставки в которой были столь высоки для Юрия Лужкова, выиграна.

О верности Лужкова Борис Ельцин не забыл. В 1992 г. Попов ушёл в отставку. Лужков, по согласованию с Ельциным, занял его должность. И в 1993 г. новоиспечённый московский градоначальник вновь подтвердил свою репутацию верного «ельциниста». После президентского указа о роспуске Верховного Совета России Лужков организовал блокаду Белого дома, отключил все коммуникации, электричество и связь. И когда 3

октября 1994 г. толпа взяла штурмом здание мэрии на Новом Арбате, будь там Лужков, ему бы не поздоровилось. Батурина об этом помнит. «В 1993 г. один из участников осады Белого дома со стороны тогдашнего Верховного Совета во все мегафоны приказывал стрелять и орал, что повесит моего мужа. Сейчас он член Совета Федерации, уважаемый многими человек… Но я через наших общих знакомых просила передать, что никогда этому человеку руки не подам и не забуду его обещаний повесить Лужкова», - говорила Елена Батурина в своём интервью 1999 г.

Затем последовал расстрел здания Верхновного Совета из танков, а дальше - роспуск Советов народных депутатов по всей стране, то есть слом системы законодательной власти. В Москве это имело результатом установление региональной «диктатуры» Юрия Лужкова.

Когда в 1992 г. Гавриил Попов подал заявление об отставке, депутаты Моссовета потребовали проведения выборов мэра. Однако в условиях уже разгоравшегося конфликта между вчерашними победителями «путча-1991» Борис Ельцин выборы проводить не стал и назначил Юрия Лужкова на должность мэра Москвы своим указом. Моссовет законность указа пытался оспорить, дважды назначал выборы главы администрации Москвы. Однако оба раза суды признавали решение недействительным. Ни в одном из этих случаев Лужков не пытался выставить свою кандидатуру, с самого начала делая ставку на признание выборов незаконными.

Зато на выборах мэра Москвы 1996 г., объявленных уже Борисом Ельциным, Юрий Лужков выиграл с результатом 89,68%. На выборах 1999 г. - с результатом 69,89% голосов. Ни один из конкурентов и близко не смог подобраться к показателям Юрия Лужкова. Свою роль сыграли и харизма Лужкова, и активная социальная политика городских властей. Но есть и другие факторы. Ершистый Моссовет был заменён послушной Мосгордумой. Городской парламент возглавил «лоялист» Владимир Платонов. «Сепаратизм» московского самоуправления был в ходе административной реформы ликвидирован вместе с самоуправлением. В 1991 г. столица была разделена на префектуры, а префектуры - на управы. И префекты, и главы управ получают свои должности по распоряжению мэра. Иными словами, вертикаль власти в Москве была выстроена лет на десять раньше, чем на федеральном уровне.

Умение держать под контролем ситуацию в столичном мегаполисе и гарантированная лояльность президенту - всё это позволило Лужкову прочно стоять на ногах. И стоять на ногах особняком от других. Все 90-е годы Лужкову удавалось сохранять независимость от всесильных тогда «олигархических» бизнес-группировок. Хотя отстроить ситуацию именно так у столичного градоначальника получилось не сразу - в начале 90-х московский мэр близко сошёлся с Владимиром Гусинским, хозяином холдинга «Мост». Структуры Гусинского заняли несколько этажей в здании мэрии на Новом Арбате. «Мост-банк» был назначен уполномоченным банком Москвы. На обслуживание в банк Гусинского были переведены счета городского бюджета и бюджетных организаций.

«Дружба» закончилась одновременно с одним крайне неприятным для Гусинского инцидентом.

В 9.25 утра в пятницу 2 декабря 1994 г. хозяин «Моста» в сопровождении охраны выехал на работу со своей дачи в подмосковном посёлке Успенское. Сразу за воротами посёлка за кортежем банкира увязалось четыре машины с вооружёнными автоматами людьми в масках. Началась погоня: машины Гусинского старались оторваться, а преследователи вклинивались в кортеж, подрезали, обгоняли колонну, а потом резко тормозили. Через 45 минут Гусинский всё-таки доехал до здания московской мэрии на Новом Арбате, где располагался «Мост-банк», и бегом бросился в свой офис.

Ещё через семь часов сотрудники службы безопасности президента РФ - именно они оказались людьми в масках - под дулами автоматов укладывали охранников «Моста» в грязный снег прямо на автомобильной стоянке перед зданием мэрии. Перепуганный Гусинский наблюдал за этим из кабинета несколькими этажами выше. Представление длилось до 10 часов вечера, после чего люди в масках сдали задержанных охранников в 43-е отделение милиции и уехали. Гусинский после этого эпизода на три месяца уехал за границу. А Юрий Лужков принял решение дистанцироваться от опасного партнёра, который ввязался в конфликт со всесильным президентским охранником Александром Коржаковым. Уже в январе 1995 г. Лужков подписал распоряжение о создании московского муниципального банка - Банка Москвы, куда теперь и переводилось большинство бюджетных счетов города.

В дальнейшем вплоть до конца 1998 г. Лужков действовал крайне осторожно. По отношению к Ельцину вёл себя подчёркнуто лояльно. С людьми из окружения первого российского президента конфликтов избегал. О своей преданности Ельцину Лужков не стеснялся говорить вслух. «Готов во всеуслышание заявить: одна моя любовь - Москва, одна любовь - жена, одна любовь - президент. Никому и никогда не удастся поссорить меня ни с кем из них», - это из интервью Лужкова 1997 г.Стабильно-позитивные отношения с Борисом Ельциным позволяли Юрию Лужкову удерживать свою «первую любовь» - Москву и ожесточённо сопротивляться попыткам олигархов внедриться в городское хозяйство. Да и не только олигархам. В Москве была реализована собственная схема приватизации госсобственности.

Начнём с того, что московские органы, осуществлявшие приватизацию, были выведены из-под контроля федеральных. Одним из ключевых отличий московской модели было также то, что на чековые аукционы (в которых теоретически мог участвовать любой владелец ваучеров) выставлялись не 29% акций предприятий, как в целом по России, а лишь 12-15. За городом при этом сохранялись крупные пакеты акций, которые позднее стали реализовываться на специализированных аукционах и инвестиционных конкурсах. Как утверждали московские чиновники, такое решение позволило привлечь инвестиции в реконструкцию и развитие предприятий. Это с одной стороны, а с другой -

отсечь неугодных будущих собственников. Ну а инвестиции в приватизированные предприятия… В подавляющем большинстве случаев они остались лишь на бумаге. Кстати сказать, по схеме инвестиционного конкурса один из своих заводов в Москве приобрёл и «Интеко».

Между тем в 1995 г. Юрий Лужков добился от Бориса Ельцина специального указа, регламентирующего приватизацию в Москве. В нём в числе прочего была прописана модель 49-летних договоров земельной аренды, которая в дальнейшем стала основной формой земельной «квазисобственности» в столице. «Квази» - потому что реальным владельцем и распорядителем земли оставалось московское правительство во главе с Юрием Лужковым. А значит, лишь с его разрешения в Москве стала возможной реализация крупных девелоперских проектов. И лишь избранным счастливцам эти решения даются малой кровью.

Разветвлённую систему собственного, отличного от федерального, законодательства московские власти при попустительстве Кремля приняли и в других ключевых для городской жизни сферах. Всё это время «вторая любовь» Юрия Лужкова, - его жена Елена Батурина могла, имея крепкие тылы, делать свой бизнес.

Первым «регулярным» бизнесом Елены Батуриной стало производство изделий из пластмассы. Здесь Батуриной удалось сформировать пусть и небольшой (на фоне сегодняшних миллиардов «Интеко»), но стабильный финансовый поток.

С чего всё начиналось? Если верить самому первому из опубликованных интервью Виктора Батурина (газета «Время МН», 1999 г.) - то с создания конструкторского бюро, которое проектировало технологическую оснастку для пластмассового литья. Сперва был взят в аренду цех с несколькими термопластами (станками для штамповки изделий из пластика). Затем запущен первый завод. А к 1995 г. «Интеко», как говорил Виктор Батурин в интервью 1999 г., владел уже пятью производствами. Три завода были расположены в Москве, один в Московской области, ещё один - в Кирове. Выручка компании, по словам Батурина к 1998 г. достигла нескольких десятков миллионов долларов. А суммы, вложенные компанией в приобретение и развитие производства, составили, как утверждал Батурин, несколько миллионов долларов.А вот что говорила примерно в то же время Елена Батурина: «Я не приватизировала нефтяные компании, я не являюсь акционером „Газпрома“, мне не принадлежат банки. Один из своих заводов мы приобретали по инвестиционному конкурсу. Если ЗИЛ приватизировали за 5 млн долларов, то я ”живопырку“ свою (300 человек работающих) приватизировала за 1 млн долларов. Как говорят, почувствуйте разницу».

Чем помогал Лужков? Да ничем, хорошо, если не мешал - в таком смысле отвечает Батурина. Виктор Батурин, вплоть до конца 90-х годов владевший 50% «Интеко», говорит немного по-другому: «Я же не виноват, что моя сестра вышла замуж за мэра. Надо быть круглым идиотом, чтобы отказываться от такого родства. И понятно, что… он [Лужков] косвенное

влияние оказывал. Хотя бы то, что в бандитский период на меня не наезжали и не обкладывали данью». Но, как бы то ни было, отчётность предприятий, вошедших в состав «Интеко», и столичное законодательство позволяют добавить в эту картину дополнительные штрихи.

Флагманом пластмассового бизнеса «Интеко» стал расположенный в промзоне Котляковского проезда завод «Алмеко». Краткая история проекта такова. В 1992 г. на одной из выставок в Москве Юрий Лужков зашёл на стенд советско-итальянского совместного предприятия «Совпластитал». СП было создано в 1987 г. на базе Ташкентского предприятия «УзБытПластик». Занималось изготовлением садовой мебели, бижутерии, ёлочных игрушек и прочих изделий из пластмассы. Из всего ассортимента «Совпластитала» Юрию Лужкову больше всего приглянулись пластиковые стулья и столы. Директор СП Александр Мелкумов тут же пообещал наладить в Москве производство подобных изделий. Своё обещание он выполнил. Через три месяца завод «Алмеко», где «Совпластитал» выступил в роли соучредителя и поставщика кадров выпустил первую партию продукции.

Казалось бы, какое дело московским властям до проекта какого-то ташкентского СП? И тем не менее в конце 1992 г. московское правительство выпустило специальное распоряжение, касающееся «Алмеко». Некое НПО «Мосгормаш», как выяснилось, владеет на территории промзоны, выделенной под производство «Алмеко», деревообрабатывающим цехом. В цеху производились деревянные поддоны для хлеба, которые затем поставлялись на хлебокомбинаты. Так вот, документ за подписью вице-мэра Бориса Никольского потребовал от НПО «Мосгормаш» в двухнедельный срок передать цех новому собственнику - акционерному обществу «Алмеко». А вместе со зданием - необходимое оборудование и оборотные средства, чтобы новый хозяин мог, не снижая оборотов, продолжить выпуск. Все договора на поставку лотков были переоформлены на «Алмеко».

С одной стороны, конечно, можно предположить, что распоряжение Никольского преследовало цель сохранить производство важной для городской промышленности продукции. Но более вероятна другая причина - обеспечить пусть и небольшим, но верным доходом новорождённый «Алмеко». Возникает вопрос: откуда такое расположение к отдельно взятому проекту? Ответ прост. Всё дело в том, что это был не чужой для московской мэрии проект. Наряду с «Совпластиталом» учредителем нового предприятия стал Инновационный фонд мэрии. В 1993 г. фонд (в рамках «совершенствования системы управления научно-техническим развитием в г. Москве») был преобразован в Московский комитет по науке и технологиям (МКНТ). Если Инновационный фонд мэрии являлся муниципальным предприятием, то МКНТ - акционерным обществом закрытого типа. В чём разница? Прежде всего в упрощении процедур распоряжения вверенным попечению «инноваторам» муниципальным имуществом.

Совет директоров МКНТ возглавил Владимир Евтушенков. Тот самый Евтушенков, который уже в самое ближайшее время начнёт растить свою «империю», известную сегодня под названием АФК «Система» (нынешняя стоимость - около $9 млрд, главный актив - оператор сотовой связи МТС). Генеральным директором «Алмеко» был назначен Евгений Новицкий, один из ближайших соратников Евтушенкова. А среди акционеров завода появились компании, связанные с АФК «Система». Вместе с МКНТ они распоряжались контрольным пакетом «Алмеко». Но уже в 1995 г. предприятие от «Системы» и городского МКНТ перешло под управление другой не чуждой столичным властям структуры - «Интеко» Виктора и Елены Батуриных. В 1996 г. доля «Интеко» в акционерном капитале «Алмеко» достигла 53%.

Производство Батуриных росло быстрыми темпами. Если в 1995 г. «Алмеко» выпустило 271 т продукции, то в 1998-м - 2816 т (восьмой показатель в России). Число занятых на предприятии перевалило за 180 человек. Выручка в 1997 г. составила около $3 млн. В 1998 г., правда, продажи «Алмеко» упали до $1,4 млн. Но здесь виноваты кризис и драматическое падение обменного курса российской национальной валюты. Если же считать в рублях, то выручка «Алмеко» достигла в 1998 г. 29 млн против 18 млн руб. годом раньше.

Итак, что имеем? За семь лет в Москве выросло современное производство, одно из крупнейших в своей отрасли. Старт проекту дал оборотистый выходец из Узбекистана, уже имевший опыт выпуска изделий из пластика и хорошо представлявший рынок. Однако практически с самого начала проект попал под тесную опеку московских властей. Александр Мелкумов, предприниматель из Узбекистана, от управления был оттеснён. К 1993 г. кураторство над проектом перешло к группе столичных чиновников во главе с Владимиром Евтушенковым, руководителем Московского комитета по науке и технологиям.

А через пару лет Евтушенков передал опеку над перспективным производством в руки родственников столичного мэра. Где-то по ходу были решены и формальные вопросы собственности. С муниципальных структур контрольный пакет акций «Алмеко» был отписан на «Интеко». Как именно была структурирована эта операция и сколько средств смог выручить от этой де-факто приватизационной сделки город? В открытых источниках и доступном для изучения городском законодательстве выяснить это сегодня невозможно.

Однако такие подробности известны относительно другого актива «Интеко» - московского завода «Крион». Расположенное в Южном Чертаново предприятие специализировалось на изготовлении и обслуживании линий по производству пластмассовых изделий. Иными словами, это был критически важный элемент будущего «большого пластмассового бизнеса» «Интеко».

Могли Виктор и Елена Батурина пройти мимо? Разумеется, нет. В мае 1996 г. на нескольких инвестиционных конкурсах Московский городской комитет по управлению государственным имуществом продал 44% акций

«Криона» двум компаниям Батуриных. 30% акций купила непосредственно «Интеко». 14% было приобретено через «Алмеко», где Батурины уже распоряжались контрольным пакетом акций. (Ещё 5% акций предприятий Виктор Батурин оформил на себя, выкупив бумаги у менеджмента компании.) Всего за государственный пакет «Криона» «Интеко» заплатила 234 млн руб. Или $47 тыс. по тогдашнему курсу.

Это много или мало? Для сравнения - месяцем раньше, в апреле 1996 г., Московский комитет по управлению имуществом провёл конкурс, на котором было реализовано с десяток ведомственных квартир, ставших ненужными городу. Самый дорогой лот - двухкомнатная квартира (43 кв. м) в Кунцево - был реализован за 124 млн руб. Предприятие с сотней сотрудников, участком земли в 2,5 га и производственной площадью около 10 тыс. кв. м по цене двух «хрущёвок»... Сегодня Елена Батурина утверждает, что никаких подарков «Интеко» от города не получала. Что же, будем считать, что завод по цене двух квартир - это не подарок.

Впрочем, конкурс был «инвестиционным», и кроме денег «Интеко» подписалась в течение 3 лет не увольнять сотрудников, в течение 5 лет - не менять профиль производства и вложить в течение года не менее $170 тыс. инвестиций. Но, честно говоря, с трудом верится, что столичные чиновники были настроены особо рьяно следить за такими «мелочами», когда дело касалось компании жены мэра. Тем более что в тот период Елена Батурина имела и другое, более непосредственное отношение к структурам московской власти. В одном из квартальных отчётов всё того же «Криона», уже после того, как в совет директоров предприятия вошла Елена Батурина, в перечне её официальных должностей было указано: 1994-1997 гг., мэрия Москвы, главный специалист. Сфера деятельности - «развитие города».

Наконец, третье из московских «пластмассовых» предприятий «Интеко» своим рождением и вовсе обязано одной из инициатив столичных властей. «Я „Макдональдс“ не люблю, никогда туда не хожу, разве что на церемонии открытия», - заявил Лужков в августе 1995 г. столпившимся вокруг журналистам, когда открылось первое кафе сети «Русское бистро» в Большом Березняковском переулке. Создание национальной русской быстрой кухни для столичного градоначальника было, по крайней мере в какой-то момент его деятельности, если не делом чести, то очень личным делом. Достаточно вспомнить о патентах на кулебяку, расстегаи и пирожки из меню «Русского бистро», которые Юрий Лужков оформил на себя. Однако с точки зрения развития бизнеса «Интеко» большую роль сыграло стремление столичного градоначальника обеспечить родное детище надёжными поставками одноразовой посуды от проверенного поставщика. Так родилась компания «Бистро-пласт». «Образовано в рамках программы развития в г. Москве системы быстрого питания», - будет сказано о ней в проспекте облигаций «Интеко» спустя почти десятилетие.

«Бистро-пласт» была зарегистрирована в декабре 1995-го, спустя несколько месяцев после открытия первой закусочной «Русского бистро».

В роли учредителей выступили «Интеко» и «Мосстройэкономбанк» (получили по 50%). У руля новой компании встали «интековцы». И не их вина, что «Русскому бистро» так и не удалось догнать McDonald в России. «Интеко» исправно поставляла в закусочные пластиковые стаканчики и тарелки. Однако в 1999 г. на «Русское бистро» приходилось, как утверждал тогда Виктор Батурин, лишь 2-3% продаж одноразовой посуды. Что, видимо, правда - надежд «Интеко» стартовый заказчик не оправдал. И тем не менее производство пластиковой посуды «Интеко» бурно росло. Рынок был пуст, а платёжеспособный спрос уже сформировался. Национальные производители только вводили в эксплуатацию свои мощности, импортная продукция была вытеснена с рынка девальвацией рубля 1998 г. Результат: к концу 90-х годов «Интеко» стала одним из крупнейших производителей пластиковой посуды в России с долей 25% рынка. А Батурина при случае готова ввернуть, что одноразовая пластиковая «стопка» - это её изобретение.

В 2000 г. «пластик» приносил Елене Батуриной около $30 млн годовой выручки. «По всем европейским меркам это средний бизнес», - рассказала Батурина в одном из первых своих интервью. Средний, не средний - но слухи о том, что у Юрия Лужкова не просто жена, а вполне крупный предприниматель, начали циркулировать по Москве. И для этого были все основания, интересы жены московского мэра уже простирались далеко за пределы «пластикового рынка».

В 1995 г. Елена Батурина создала компанию «Интекострой». Специализация - отделка и реконструкция фасадов зданий. Компания сразу же получила несколько муниципальных заказов. Например, на восстановление исторического облика Камергерского переулка - здания в переулке выкрасили в яркие цвета краской производства «Интеко». Покопавшись в городском законодательстве, можно обнаружить, что красками и фасадами Елена Батурина занялась ещё в 1993 г. По крайней мере, именно тогда «Интеко» была упомянута в списке получателей финансовой помощи от города по статье «Поддержка экспериментального проектирования и строительства». Разработанные «Интеко» грунтовки и краски были рекомендованы к использованию московскими строителями. Сегодня ими покрашены стены сотен многоэтажных домов в Москве.

Батурина между тем в своей деятельности охватывала всё новые и новые сферы. Дочерняя компания «Интеко» - «Торговый дом „Москва-река“» в конце 90-х занялась оптовой торговлей продуктами питания. В 2002 компания будет назначена уполномоченным московскими властями поставщиком продовольствия в город. Через «Москву-реку» одно время шла львиная доля поставок зерна на столичные хлебокомбинаты. «Интеко» пришла и в нефтепереработку. Как позже было написано в проспекте эмиссии облигаций компании Елены Батуриной, «с 1999 г. в целях расширения своей деятельности «Интеко» начинает собственное нефтехимическое производство на базе Московского нефтеперерабатывающего завода в Капотне». Объём выпуска нового «производства» - 70-75 тыс. т полипропилена (сырья для производства

изделий из пластмассы) в год. Около 50% продукции идёт на экспорт. Остальное - в переработку на заводах «Интеко», выпускавших изделия из пластика. В 2002 г. оборот нефтехимического бизнеса Елены Батуриной составил около $40 млн. Однако «собственное производство» таковым отнюдь не было. «Интеко» лишь взяла в аренду имущество (производственное оборудование), которое находилось в собственности Московского нефтеперерабатывающего завода. А контрольным пакетом акций завода при этом распоряжалось московское правительство.

Что ещё? Ну, например, «Русский земельный банк», в совет директоров которого с 1997 г. входили Елена и Виктор Батурины. В середине 1997 г. Юрий Лужков своим распоряжением назначил это кредитное учреждение уполномоченным банком по обслуживанию городского бюджета в части взимания платежей за землю и арендной платы. Через счета банка, в совете которого заседали родственники Юрия Лужкова, пошёл мощный финансовый поток из городских доходов по земельному налогу и арендным платежам. Уточню: в постановлении Лужкова было указано, что перечисление средств на бюджетные счета должно производиться 25-го числа каждого месяца.Иными словами, мэрия официально разрешила РЗБ пользоваться своими деньгами в течение месяца. В дальнейшем заметно подросший «Русский земельный банк» станет расчётным центром империи «Интеко».

Итак, подведём итоги. К концу 1999 г. Батурина занималась производством изделий из пластика. Оборот - несколько десятков миллионов долларов. (Не вполне прозрачный, но, похоже, доходный и соизмеримый по масштабам с «пластмассовым» нефтехимический бизнес при московском НПЗ.) Поставками в Москву продовольствия. Обслуживанием городского бюджета. Хозяйство Батуриной слишком разрослось, чтобы не стать мишенью для политических противников Юрия Лужкова в ходе ожесточённой войны за власть, которая разразилась в России в последние месяцы президентства Бориса Ельцина.

Глава 3. 1999-й. Подъём на поверхность

Отмотаем политический календарь на 11 лет назад.

Российская экономика приходит в себя после шока августа 1998 г. Государственная дума и Совет Федерации - не сборище бессловесной номенклатуры «Единой России», а вполне дееспособные органы власти, достаточно независимые от президента. Борис Ельцин - тяжело болен. Его частые отлучки в Центральную клиническую больницу делают реальными хозяевами Кремля членов так называемой «семьи» во главе с дочерью Ельцина Татьяной Дьяченко и её «гражданским» мужем Валентином Юмашевым. Оперативные вопросы решает глава администрации Александр Волошин. Где-то рядом - Борис Березовский и Анатолий Чубайс. После дефолта и отставки Сергея Кириенко Юрий Лужков был включён депутатами Госдумы в список кандидатур на должность главы правительства. Это был скорее всего пробный шар. Лужков теоретически согласен. И даже готов ради премьерства уйти с поста мэра. Однако

Борис Ельцин остановил свой выбор на кандидатуре Виктора Черномырдина. Дума дважды отвергает его. Тогда премьер-министром становится Евгений Примаков. Главой правительства он работает до весны 1999 года.

В этой обстановке Юрий Лужков, судя по всему, начинает вполне серьёзно готовится к выходу на орбиту федеральной политики. То ли к президентству, то ли к посту премьер-министра. Между тем, весной 1999 г., после отставки Примакова, депутаты Госдумы утвердили премьером-министром Сергея Степашина. «Семья» начала отсев кандидатов на роль преемника Бориса Ельцина. Постепенно в Кремле зреет убеждение, что лучшей кандидатурой был бы тогдашний глава ФСБ Владимир Путин. В августе 1999-го Путин был назначен вице-премьером правительства и считай, что официально утверждён кандидатом от «семьи» на грядущих президентских выборах.

Насколько можно понять, в кастинге на роль «преемника» рассматривался и Юрий Лужков. И по крайней мере часть окружения Бориса Ельцина хотела бы видеть будущим главой государства именно московского мэра. Однако Ельцин принял доводы Дьяченко и Юмашева, которые были категорически против. Раз желаемого нельзя добиться через уговоры, значит, надо действовать принуждением - мэр Юрий Лужков начал сближаться с ушедшим в оппозицию «семье» отставным премьером Евгением Примаковым. На российской политической сцене образовалось два полюса притяжения. Один - это «семья» Бориса Ельцина, которая при поддержке Бориса Березовского двигала в президенты Владимира Путина. А второй - альянс Лужков-Примаков. Осенью 1999 г., ближе к выборам в Государственную Думу, между группировками развернулась настоящая война компроматов.

«Я не контактирую с его [Ельцина] лечащими врачами и семьёй. Однако то, что я вижу по телевизору, свидетельствует, что со здоровьем у него не всё в порядке», - заявил ещё в октябре 1998 г. Лужков. И, если президент действительно серьёзно болен, может быть, ему надо уйти? - задавался риторическими вопросами мэр в своих интервью. Одновременно как-то так получалось, что кремлёвские сановники, оказывавшиеся в результате интриг не у дел, подозрительно быстро находили прибежище в московских структурах. Ушедший в отставку в отставку из президентской администрации пресс-секретарь Ельцина Сергей Ястржембский стал вице-премьером правительства Москвы. Андрей Кокошин, уволенный с должности секретаря Совета безопасности, всплыл в качестве одного из руководителей общественно-политического движения «Отечество», только что учреждённого стараниями Юрия Лужкова.

«Отечество», как известно, объединилось с блоком «Вся Россия», где главную скрипку играли глава Татарстана Минтимер Шаймиев и башкирский президент Муртаза Рахимов. На думских выборах 1999 г., своеобразных праймериз президентских выборов 2000-го, блок «Отечество - Вся Россия» схватился с «Единством» Владимира Путина.

Битва закончилось для Лужкова и его союзников тяжёлым поражением. ОВР занял лишь третье место. И не в последнюю очередь потому, что Путину и тем, кто на него работал, удалось переиграть соперников в медийном поле. В роли главного «телекиллера» выступал ведущий ОРТ Сергей Доренко. Он назвал Примакова причастным к организации покушений на президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Затем подробно описал болезнь тазобедренного сустава бывшего премьер-министра России, попутно обвинив последнего в прохождении лечения в особо дорогих швейцарских клиниках. Лужкова Доренко объявил обладателем баснословного на тот момент состояния в $400 млн и причастным к убийству американского бизнесмена Пола Тейтума.

Телеуничтожение Лужкова и Примакова происходило методично, каждую неделю в заведённый час. Передачи Доренко, а также многочисленных его последователей меньшего масштаба, втоптали в грязь репутацию лидеров ОВР. Беспрецедентные телевизионные атаки привели к стремительному падению рейтинга Лужкова. Впервые уровень доверия к столичному градоначальнику как к потенциальному главе государства фонд «Общественное мнение» замерил в октябре 1996 г. «Президентский рейтинг» Лужкова тогда составил 5%. Своего максимума - 17% - этот показатель достиг два года спустя, в октябре 1998-го. Но через год, по итогам антилужковской кампании на центральных телеканалах, московского мэра в качестве возможного президента готовы были поддержать не более 5% граждан. При этом количество тех избирателей, кто за Юрия Лужкова не готов голосовать ни при каких обстоятельствах, выросло с 24% в 1996 г. до 51% в конце октября 1999-го. При таких раскладах шансов на победу в президентской гонке у Лужкова быть не могло.

И, естественно, разветвлённый, априори сомнительный бизнес Елены Батуриной не мог не стать одной из главных мишеней информационной войны против тандема Лужков-Примаков.

Первый залп прозвучал в июле 1999 г. УФСБ по Владимирской области начало следствие в отношении ряда коммерческих структур, среди которых оказалось и «Интеко». Впрочем, дело-то было возбуждено ещё весной 1999-го. Владимирское ФСБ обратило внимание на деятельность зарегистрированного в Александрове «Алексбанка». За короткий срок оборот по счетам нескольких фирм, которые обслуживал банк, вырос с нуля до нескольких миллиардов рублей.

У чекистов столь резвая динамика роста бизнеса вызвала сомнения - ведь у «Алексбанка» даже не было валютной лицензии. Впоследствии выяснилось, что средства через Александров переводились в московские банки, а затем под внешнеэкономические контракты выводились за рубеж. В списке фирм, которые были задействованы в схеме, чекисты заметили «Интеко» и «Бистро-пласт». После этого в «Русский земельный банк», опорный банк империи Батуриных, нагрянули следователи и провели выемку документов.

И хотя в дальнейшем информация об участии компаний Елены

Батуриной в отмывании средств через «Алексбанк» не подтвердилась, следственные действия в отношении структур «Интеко» получили максимальную огласку. Следователи давали интервью газетам и телеканалам, информируя СМИ о каждом своём шаге. Фигурировала гигантская для конца 90-х сумма отмытых и выведенных за рубеж средств - $200 млн. Компания Батуриной в одночасье стала одной из наиболее упоминаемых в газетах.

Лужков отреагировал мгновенно. Буквально в день появления информации о проблемах «Интеко» он дал интервью ОРТ, где заявил, что за уголовным делом стоит Борис Березовский, а также «администрация президента РФ и общая система, которая объединена политической целью как можно дольше сохранить власть». Батурина подала в суд жалобы на УФСБ и прокуратуру Владимирской области, обвинив их в нарушении процессуальных норм. И даже (немыслимое для сегодняшней России дело!) сумела добиться в суде решений в свою пользу. Сегодня это выглядит странно, но тогдашний глава ФСБ Николай Патрушев пригласил жену Лужкова в свой кабинет на Лубянке и лично попытался убедить её, что дело «Интеко» вовсе не заказное. «Я позволила себе с этим не согласиться. Доводы ФСБ меня, прямо скажем, не убедили...» - так описала Батурина свой разговор с главным чекистом страны. Расстались на том, что Патрушев обещал ещё раз лично всё проверить и, если данные не подтвердятся, принести от имени ФСБ официальные извинения.

Тогда же всплыла и самая скандальная из историй, связанных с бизнесом Батуриной, - о пресловутых пластиковых сиденьях для «Лужников». Разглашение «тайны» произошло на пресс-конференции, где Батурина решила напрямую объясниться с журналистами по поводу «владимирского дела». Её, естественно, спросили, чем занимается «Интеко». Жена мэра отвечала немногословно, но как пример реализованных проектов назвала поставку пластиковых стульев для реконструируемого стадиона «Лужники». Вообще-то зря она это сделала... Кресла для «Лужников» и «Интеко» в сознании обывателя с тех пор неразрывны.

Поставки для «Лужников» в бизнесе «Интеко» сыграли не последнюю роль. Всего для «Лужников» было поставлено 85 тыс. кресел по $8,5 за штуку. Позже и Батурина, и сам Лужков утверждали, что «Интеко» была отобрана на конкурсе как участник, предложивший самую низкую цену. И даже предоставили копии решения конкурсной комиссии, из которого следовало, что таки-да - «Интеко» действительно предложила цену, на десятки процентов меньшую, чем два других участника. «Если в „Лужниках“ стоят её кресла - это не значит, что все городские заказы - её. А между прочим, её производство и есть та самая реальная экономика, которая спасёт нашу страну», - заявил Лужков. Ещё он уверял, что к отбору поставщика сидений для стадиона лично отношения не имел. Мол, всё решали руководители «Лужников», коммерческой компании. Но всё дело-то было в том, что контрольной пакет акций этой компании принадлежал правительству Москвы. А главой правительства являлся Лужков. В общем, все эти оправдания выглядели жалко. И Доренко

всласть потоптался на теме «стульчиков».

Всего сделка с «Лужниками» принесла Батуриной около $700 тыс. Немного, если знать, что обороты бизнеса «Интеко» в 1998 г. уже исчислялись десятками миллионов долларов. Но главное - за счёт стартового муниципального заказчика Батурина смогла отладить технологию производства сидений для стадионов. Основой тип этой продукции, до сих пор продаваемой «Интеко», так и называется - «Сиденья „Лужники“». С 1998 г. их отштамповано более 4,5 млн штук. Ну а в 1999 г. «доброжелатели» семьи московского мэра установили на Кутузовском проспекте билборд с надписью: «Продаются стулья для ЛУЖниКОВ. Спросить Елену».

<kzrvm004.jpg>

Глядя из сегодняшнего дня, нельзя сказать, что атака на Лужкова и Батурину привела к серьёзным последствиям для бизнеса «Интеко». Времена, когда оппонентов властей вынуждали к продаже активов и бегству из страны (не говоря уж о Краснокаменске), ещё не наступили. Однако для 90-х наезд был действительно серьёзный. «Тревожный звоночек» не остался неуслышанным в семье московского мэра - Елена Батурина решила пойти в депутаты.

Раз у «Интеко» и её хозяев не получается остаться в «тени», значит, надо стать максимально публичным - решено было на семейном совете. «Скандал [с „владимирским делом“ - М.К.] имел для меня неожиданное продолжение. Я получила приглашение баллотироваться в депутаты Государственной Думы по двум округам - в Калмыкии и Усть-Орде (Иркутская область). Я никогда себя не видела в роли депутата. Но тем не менее ситуация, случившаяся со мной, - ситуация произвола - заставляет задуматься. Имеет смысл войти в состав Государственной Думы и хоть как-то бороться. Надо что-то делать, чтобы страна не скатилась в бездну произвола», - заявила Батурина по этому поводу в интервью «Известиям» в июле 1999-го.

Газеты, впрочем, писали о том, что главной причиной, побудившей Батурину к походу в Думу, стало желание получить депутатскую неприкосновенность. И спустя 5 лет в интервью латвийской газете «Суббота», отвечая на вопрос, зачем нужно было в 1999 г. идти в депутаты, Батурина признала: «Это я для собственной безопасности. Не секрет, что тогда, в 99-м году, окружение Ельцина достаточно серьёзно пыталось снять Лужкова с должности и причинить нам большой урон, - вот я и защищалась. Как кандидат в депутаты я пользовалась определённой неприкосновенностью». Характерная деталь - в то время как Батурина пыталась с помощью депутатских корочек обеспечить себе неприкосновенность, Юрий Лужков в ходе думской компании 1999 года одним из ключевых лозунгов блока «Отечество - Вся Россия» выдвинул требование отменить иммунитет депутатов от уголовного преследования.Между тем Батурина из двух предложенных ей регионов выбрала Калмыкию. И неспроста.

Характерная деталь - в то время как Батурина пыталась с помощью

депутатских корочек обеспечить себе неприкосновенность, Юрий Лужков в ходе думской компании 1999 года одним из ключевых лозунгов блока «Отечество - Вся Россия» выдвинул требование отменить иммунитет депутатов от уголовного преследования.

В начале 1998-го «Интеко» завершала реконструкцию трибун стадиона «Уралан» в Элисте. Что делали? Да как обычно - ставили новые сиденья. В феврале Виктор Батурин прилетел на объект с проверкой. Доложил, как идут дела, президенту Калмыкии Кирсану Илюмжинову. Тот пригласил Батурина посмотреть на ход строительства объектов к шахматной олимпиаде.

Как известно, шахматы и изучение НЛО - две главные привязанности бывшего президента Калмыкии (отправлен в отставку в сентябре 2010 г.). В 1997 г. Илюмжинов смог убедить международную шахматную ассоциацию ФИДЕ, президентом которой тогда являлся, провести в Элисте большой шахматный турнир. Соревнованиям дали пафосное название «Всемирная шахматная олимпиада». Отсутствие в Элисте гостиниц, где могли разместиться участники соревнований, и современных зданий, где они могли бы состязаться, Илюмжинова не смутило. В степи рядом с Элистой была выбрана площадка, и на ней закипела работа. К тому моменту, когда на стройку «Сити-Чесс» впервые попал Виктор Батурин, становилось ясно, что управиться к сроку местные строители не успевают. О чём Батурин, посмотрев на стройку, без обиняков заявил Илюмжинову.

Как утверждает Виктор Батурин в своих воспоминаниях, недели через две после поездки в Элисту ему перезвонил Илюмжинов. «А не хотели бы вы взяться за эту стройку?» - спросил калмыцкий президент. До того момента «Интеко» ничего не строила. Не было ни опыта, ни сотрудников, ни техники. Однако Виктор Батурин не колебался ни секунды. «В принципе, можно попробовать», - заявил он Илюмжинову. Но окончательное слово было за Еленой Батуриной. Та, выслушав брата, по словам Батурина, обозвала его «авантюристом». Но тут же позвонила одному из заместителей Лужкова Владимиру Ресину, который курировал в городском правительстве строительство. Ресин встретился с Батуриной, сказал, что поможет, и, как пишет Виктор Батурин в своих воспоминаниях, «дал нам генподрядчика» (московскую строительную организацию, у которой имелась и техника, и люди).

Позже все действующие лица истории - и Батурины, и Юрий Лужков, и Кирсан Илюмжинов - в один голос дружно утверждали: участие московских строительных организаций в возведении «Сити-Чесс» было «делом чести». Россия не могла «провалить» такое важное мероприятие. А федеральная власть, парализованная болезнью Ельцина и чехардой премьер-министров, попросту не обращала внимания на калмыцкую олимпиаду. Всё это хорошо. Но почему в роли «оператора» проекта выступила компания, принадлежащая родственникам мэра Москвы, а не, допустим, одна из крупных московских строительных организаций? Вопрос похож на риторический… Но тем не менее Виктор Батурин даёт на

него неплохой ответ: «Для „Интеко“ это были хорошие деньги».

Благодаря поддержке московских властей «Интеко» удалось собрать на стройке более 3000 человек. К сентябрю 1998 г., несмотря на дефолт, 80 коттеджей «Сити-Чесс» и «Дворец шахмат» (четырёхэтажное здание в «московском стиле», облицованное пластиком и стеклом) были готовы. Как утверждает Виктор Батурин, в критический момент, когда деньги на строительство перестали поступать, он и сестра финансировали работы за счёт средств, снятых с личных счетов. Ради чего? Про «дело чести» уже было сказано выше. Но вообще-то по итогам реализации проекта в Калмыкии «Интеко» заработала около $13 млн выручки. Из них, правда, Илюмжинов уплатил лишь 30%, Калмыкия оставалась должна «Интеко» около $10 млн.

Как обеспечить возврат этой суммы, учитывая, что весь бюджет Калмыкии - около $150 млн? Этим вопросом Виктор Батурин занялся после того, как возглавил в ноябре 1998 г. правительство республики. В январе 1999-го механизм был создан - Кирсан Илюмжинов подписал соглашение, которым признал долг республики перед родственниками московского мэра. И в тот же день - распоряжение о передаче ЗАО «Интеко-Чесс» (дочерняя компания «Интеко») в качестве залога 38% акций республиканского нефтедобывающего предприятия «Калмнефть».

Впрочем, вскоре Батурин покинул пост калмыцкого премьера. Акции по требованию миноритариев нефтяной компании были из-под залога выведены. Однако долги успешно гасились, отношения с Илюмжиновым у семьи московского мэра оставались самыми наилучшими. Батурина решила рискнуть и пойти в депутаты от Калмыкии. Опыт оказался на редкость неудачным.

Начнём с того, что появление Елены Батуриной в качестве кандидата в депутаты-одномандатники стало большим сюрпризом для президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова. Его о решении Лужкова и Батуриной никто не предупредил. Был недоволен и бывший вице-премьер в правительстве Примакова Геннадий Кулик, лидер «Аграрной партии» (младший партнёр в блоке «Отечество - Вся Россия»). Так уж сложилось, что именно он традиционно представлял в Думе Калмыкию. Теперь, с выдвижением Батуриной, его бесцеремонно отставили в сторону. Однако и Кулик, и Илюмжинов на публику конфликт выносить не рискнули. Калмыцкий президент был в большом долгу (в прямом смысле этого слова) перед семьёй московского мэра. А Кулик... Ну кто такой бывший вице-премьер и глава карликовой партии, чтобы жене Лужкова ради него менять свои планы? Однако если с «административной» частью избирательной кампании Батурина с лёгкостью разобралась, то активную борьбу за симпатии населения Калмыкии она вести то ли не захотела, то ли не смогла. Запала Батуриной хватило лишь на несколько громких заявлений на старте кампании.

В середине сентября Батурина прилетела спецрейсом в Калмыкию. О своём официальном выдвижении кандидатом в депутаты от Калмыцкого округа она объявила на митинге в центре Элисты, который был

организован активистами ОВР. Батурина заявила, что в случае её победы Калмыкия заживёт не хуже Москвы. Затем, уже на официальной конференции по случаю её выдвижения в депутаты, жена Лужкова сообщила своим избирателям, что, если судить по мужской линии, в её жилах «вполне возможно, присутствует кровь потомков Чингисхана». Она также пообещала построить в Москве буддистский храм и проехать верхом на лошади по всем районным центрам Калмыкии. Эти планы, впрочем, так и остались планами. Батурина вела компанию вяло и в итоге заняла лишь третье место, получив всего 12,3% голосов. А вот первое место заняла ведущая информационных выпусков ОРТ, кандидат от путинского «Единства» Александра Буратаева.

Этот телеканал Батурина и объявила виновным в своём поражении. За неделю до голосования в эфир вышла очередная передача Сергея Доренко, где тот сообщил буквально следующее.

«Вот сведения из одной коммерческой базы данных.

Батурина Елена, 250 Мерсер-стрит, квартира „Б“ 1603, Нью-Йорк.

Этот адрес Елены Батуриной на Манхэттене существует с 31 января 1996 г. По этому же адресу зарегистрирована фирма под названием «АмерИнтурист». Её деятельность и история также будет расследована.

Родственники расстрелянного Пола Тейтума хотят проверить, не владеет ли эта компания акциями, которые, по их мнению, были украдены Лужковым у убитого. Адвокаты родственников Пола Тейтума готовятся наложить арест на предполагаемую собственность семьи Лужкова в Америке.

Мы продолжаем следить за процессом. В любом случае я не верю, что квартира в Нью-Йорке, если Лужков её лишится, хоть сколько-нибудь изменит его финансовое состояние».

Прочитав этот пассаж, легко убедиться - Доренко вовсе не утверждал, что Елена Батурина владеет квартирой в Нью-Йорке. Однако именно так очередной сюжет «телекиллера № 1» восприняли зрители. На выборах Батурина с треском проиграла. А затем подала в суд на Доренко и ОРТ. Жена Юрия Лужкова потребовала опровержения и денежной компенсации - $400 тыс. с телеведущего и $100 тыс. от ОРТ.

На судебных слушаниях по делу развернулась нешуточная борьба. Ведь Доренко впрямую о квартире ничего не утверждал. Его слова можно было бы воспринимать и так, что адрес квартиры на Манхэттене - это всего лишь адрес вызова такси, которым воспользовалась Батурина, а вовсе не принадлежащей ей недвижимости. Хозяйка «Интеко» в ответ представила лингвистическую экспертизу от доктора наук Елены Борисовой. Та утверждала, что сюжет содержал «отрицательную ауру», которая сформировала отрицательное отношение аудитории к Батуриной. У ОРТ, в свою очередь, были другие эксперты. Они утверждали, что сюжет не содержит утверждения о собственности Елены Батуриной и потому честь её не порочит. В этих условиях решающим доводом Батуриной стали результаты специально проведённой серии фокус-групп в

Калмыкии. 342 респондента из 1000 опрошенных заявили, что отказались голосовать за Батурину после того, как посмотрели на ОРТ сюжет Сергея Доренко. Суд в итоге поддержал Батурину. ОРТ вынуждено было пустить в эфир опровержение.

«Сама по себе политика меня вообще не привлекает. Во-первых, я человек совершенно непубличный, а политик должен быть таковым, чтобы доносить своё мнение до народа. Во-вторых, я человек более конкретный. Мне нравится только то, что даёт видимый результат. А политика его не даёт», - спустя много лет говорила Батурина о своём опыте хождения в большую политику. Только этим ей и оставалось утешаться.

Но вернёмся в 2000 г. Семья Лужкова - Батуриной только что пережила один из самых тяжёлых периодов. Попытка Юрия Лужкова стать политиком федерального масштаба провалилась. Его блок на выборах в Государственную Думу потерпел унизительное поражение. Репутации был нанесён колоссальный ущерб. Елене Батуриной не удалось выиграть гонку за депутатский мандат в Калмыкии. Доренко и про неё рассказал публике много интересного. Подробности семейного бизнеса супружеской четы стали всеобщим достоянием. И как ещё воспользуется ситуацией новый президент Владимир Путин? Хотя, надо признать, резких выпадов в отношении Путина Лужков в ходе избирательной кампании предусмотрительно избегал.

Всё это - с одной стороны. С другой - Лужков триумфально переизбрался на должность мэра Москвы. И с этой позиции его так просто теперь не сдвинуть. Тем более что Путин вроде бы демонстрирует дружелюбие - одним из первых позвонил и поздравил с победой. Растёт и бизнес «Интеко». По итогам 2000 г. его оборот составил $34 млн, чистая прибыль - около $2,3 млн. В дополнение к выпуску изделий из пластика набирает обороты производство пенопропилена на московском НПЗ. С некоторой натяжкой, но можно сказать, что успешно завершён калмыцкий проект. «Интеко» готовится к экспансии уже на столичном строительном рынке. Условия для быстрого развития бизнеса по-прежнему налицо - московское городское хозяйство находится под контролем Лужкова, Елена Батурина по-прежнему полна энергии и амбиций. Уже спустя пять лет российское издание Forbes включит её в число богатейших предпринимателей России.

Растёт и бизнес «Интеко». По итогам 2000 г. его оборот составил $34 млн, чистая прибыль - около $2,3 млн. В дополнение к выпуску изделий из пластика набирает обороты производство пенопропилена на московском НПЗ. С некоторой натяжкой, но можно сказать, что успешно завершён калмыцкий проект. «Интеко» готовится к экспансии уже на столичном строительном рынке.

Глава 4. Миллиарды Батуриной. Большая спекуляция

Передвинем стрелки ещё на год вперёд. Начало 2001 г. Юрий Лужков и его жена Елена Батурина приходят в себя после неудачной схватки за Кремль. Ещё идут последние иски. Владимирское УФСБ, которое Лужков поносил в своих интервью, потребовало публичных извинений. Офицеры управления подали иск в Пресненский межмуниципальный районный суд города Москвы. Чекисты потребовали наказать московские газеты, а также Юрия Лужкова и его жену Елену Батурину за то, что те в своих высказываниях и публикациях дискредитировали правоохранительные органы, оскорбили честь и достоинство их сотрудников. Адвокаты Лужкова и Батуриной с лёгкостью парировали обвинения. Мол, мэр и его жена имели полное право на изложение своего мнения, и это право зафиксировано в российской конституции. Да к тому же в ходе процессуальных действий и в самом деле были нарушения закона, о чём свидетельствуют письменные извинения по этому поводу генпрокурора и прокурора Владимирской области.

Всё это выглядит смешным, если знать о последующих многочисленных исках Елены Батуриной к журналистам, которые тоже осмеливались излагать своё мнение. Например, о том, что жена-предприниматель при муже-мэре имеет в городе большие возможности для развития бизнеса, чем прочие бизнесмены. Но вся эта суета уже не имела значения для Батуриной. С политикой она завязала и вплотную занялась развитием бизнеса. Первым крупным активом, приобретённым «Интеко», стала одна из ведущих строительных организаций Москвы - ОАО «Домостроительный комбинат № 3». У этой сделки трагическая предыстория.

Майским утром 1999 г. 62-летний Юрий Свищев вышел из дома на Егерской улице, где он проживал, прогулять своего миттельшнауцера. Не последний человек в московском строительном комплексе, Свищев работал генеральным директором ДСК-3. Производственные мощности компании позволяли строить более 500 тыс. кв. м жилья в год. ДСК-3 специализировался на возведении домов серии П-3М, одной из самых современных к тому времени. В состав корпорации Свищева входил завод по производству изделий из железобетона и несколько строительно-монтажных управлений, численность сотрудников превышала 3000 человек. Это была одна из крупнейших в городе строительных компаний. Свищев был не только её директором, но и крупнейшим акционером. Однако перед несколькими громилами, подступившими к нему прямо у подъезда на Егерской, Юрий Свищев оказался беззащитен. Неизвестные (следствие так и не выявило ни исполнителей, ни заказчиков преступления) набросились на директора ДСК-3 и безжалостно избили его. Свищев потерял сознание и через полгода скончался в больнице.

Комбинат остался без хозяина. Среди акционеров начались разброд и шатания, в городские суды были поданы иски о признании недействительной одной из эмиссий акций ДСК-3. И когда «Интеко»

проявила интерес к ДСК-3, то встретила взаимопонимание со стороны наследников погибшего директора. «Вдова Свищева предложила нам акции. В общем, достаточно случайный фактор», - рассказала в 2005 г. Батурина Forbes о той сделке. Вместе с ДСК-3 «Интеко» приобрела 20% московского рынка панельного домостроения. У купленной Батуриной компании был, правда, один большой минус. Она участвовала в многочисленных стройках - в 2001 г. возвела 470 тыс. кв. м жилья, но в подавляющем числе случаев действовала лишь как подрядчик. А действительно большие деньги можно было заработать лишь став инвестором строительства, то есть владельцем прав на земельный участок. «Интеко» начала поиск пятен под застройку. Первым большим проектом, куда смогла вклиниться Батурина, стала Ходынка, грандиозный девелоперский проект на северо-западе Москвы.

Почти 140 га земли вдоль Ленинградки давно манили столичных девелоперов. Когда-то здесь располагался Центральный аэродром им. Фрунзе, с тех пор земля принадлежала Минобороны. Там оставалась забетонированная взлётно-посадочная полоса и корпуса нескольких авиационных конструкторских бюро. КБ можно было бы перенести, а на освободившихся площадях построить около 1 млн кв. м жилья. И если в 90-е годы реализацию проекта тормозило отсутствие платёжеспособного спроса, то в начале 2000-х, когда у среднего класса завелись деньги и цены на московские квартиры уверенно поползли вверх, застройка Ходынки обрела коммерческий смысл. Вокруг проекта началась возня.

Первоначально фаворитом выглядел столичный Департамент инвестиционных проектов и строительства (ДИПС), один из наиболее активных московских застройщиков того периода. Но в конце 2001 г. глава департамента Леонид Краснянский заявил, что его структура от проекта отказывается. Это случилось буквально через несколько дней после того, как мэр Юрий Лужков утвердил документы, запускавшие строительство. С военными вопрос был урегулирован. Они должны были получить в новом микрорайоне квартиры. Видимо, тогда же было принято окончательное решение о том, кто из московских строителей будет реализовывать проект. Спустя полгода эта информация была обнародована: Ходынку отдали ОАО «Мосфундаментстрой-6» (владелец - Виктор Нестеренко, давно и плодотворно сотрудничавший с военными). Сразу после выхода постановления о застройке Ходынки по Москве ходили слухи, что решение городского правительства может быть оспорено - МФС-6 получило право застройки без необходимого в таких случаях инвестиционного конкурса. Однако, когда стало известно, кто является партнёром Виктор Нестеренко в деле застройки Ходынского поля, всё встало на свои места - на щитах вокруг зоны строительства появилась надпись, что в проекте в качестве соинвестора участвует ДСК-3, то есть фактически «Интеко» Елены Батуриной.

Характерная деталь - на право застроить Ходынское поле претендовал принадлежащий компании ПИК ОАО «ДСК-1», ещё один гигант столичной строительной индустрии. «ДСК-1» строил дома серии П-44Т. И в первоначальном проекте застройки Ходынки возведение

нескольких таких корпусов было предусмотрено. Но по ходу дела выяснилось, что подобных домов правительство Москвы на Ходынке видеть не желает. «Действительно, мы интересовались Ходынкой, но после того, как нам сообщили, что наша серия там не пойдёт, мы перестали интересоваться проектом», - заявил потом заместитель гендиректора ДСК-1 Андрей Паньковский. А что ещё он мог сказать? Похоже, вопрос о том, кто получит лакомый кусок, был решён ещё полгода назад, когда Лужков подписал документы с военными. Бороться против «Интеко»? Требовать справедливого инвестиционного конкурса? Так в московском стройкомплексе дела делать не привыкли. Агломерация столичных строительных организаций как была в советское время, так и оставалась при Лужкове, по сути, подотчётной городским властям. Мэрия раздавала заказы. Она же помогала модернизировать производственные мощности и ставить на поток отливку панелей новых проектов домов. Чужаков здесь вплоть до середины 2000-х годов не было - спасибо «московской модели» приватизации. А раз так, то возмущаться передачей жирного проекта одному из конкурентов, тем более жене мэра, смысла не было. Соблюдение правил игры служило гарантией, что не этот, так другой кусок достанется тебе.

«Действительно, мы интересовались Ходынкой, но после того, как нам сообщили, что наша серия там не пойдёт, мы перестали интересоваться проектом», - заявил потом заместитель гендиректора ДСК-1 Андрей Паньковский.

Но вернёмся к Ходынке. Компаниям - инвесторам строительства городские власти предоставили немалые льготы. «Интеко» и МФС-6 получали 70% построенного жилья, в то время как обычно город забирает 36%, а иногда и до 50%. Остальные 30% были предназначены для военных, но город взялся обменять их на уже существующее жильё из фонда Департамента муниципального жилья и жилищной политики. Столичные власти забирали себе 40% нежилых помещений и 20% мест в гаражах-стоянках. Однако в обмен, а также «учитывая социальную значимость комплексной застройки», правительство Москвы освободило соинвесторов от оплаты расходов на строительство необходимых городских инженерных сетей и сооружений, взносов за подключение к ним, а также от взносов на развитие социальной и инженерной инфраструктуры города. По словам участников рынка, это удешевляло себестоимость строительства на 40%, писали в 2002 г. «Ведомости».

Всего на Ходынке было построено около 420 тыс. кв. м, половина из которых пришлась на долю «Интеко». Проект получил название «Гранд-Парк». От первоначальных планов застроить территорию частично панельными, частично монолитными домами в итоге отказались. Дома на Ходынке возводились только монолитные. Для этого Батурина в составе «Интеко» создала несколько специализированных строительных компаний, накачала их техникой и квалифицированными кадрами. Считается, что квартиры в «монолите» лучше, чем в «панели». А главное - намного престижнее. В результате продажи в «Гранд-Парке» начались в 2003 г. с $1380 за 1 кв. м на этапе строительства. Цена квартир от

Батуриной на рынке поначалу вызвала шок. Однако столичные метры стремительно дорожали, шок прошёл. Более того, вскоре квартиры в «Гранд-Парке» продавали уже по $2500 за «квадрат». Этот проект принёс «Интеко» не менее $400 млн выручки.

В том же 2002-м, когда была начата застройка Ходынки, «Интеко» запустила свой второй амбициозный проект. На этот раз землю Батурина получила не от Министерства обороны, а от Московского государственного университета.

Тем, кто учился на «новой территории» МГУ, которая расположена на Воробьёвых горах, земли, доставшиеся «Интеко», хорошо знакомы. Гигантский участок земли, в мою бытность студентом застроенный какими-то бараками и складами, виден из окон учебных корпусов. Он расположен через Ломоносовский проспект от основной территории университета. Последние 25 лет администрация МГУ мечтала построить здесь новую фундаментальную библиотеку, потому как старая «фундаменталка», расположенная на Моховой улице, в старом комплексе зданий, уже давно не справляется с потоком студентов.

С началом бума на московском рынке недвижимости мечты администрации университета получили шанс на реализацию. В ноябре 2001 г. учёный совет МГУ принял решение «в связи с недостаточным бюджетным финансированием» привлечь к строительству библиотеки и жилья для преподавателей университета стороннего инвестора. Был объявлен конкурс. Кто были его участники - в открытых документах информация отсутствует. Но зато известен победитель - ЗАО «Интеко». Елена Батурина была готова инвестировать 5,5 млрд рублей (около $200 млн) в строительство объектов и передать университету 100% площадей библиотеки, 30% площадей в жилых домах и 15% машиномест в гаражах и автостоянках. МГУ подписал с «Интеко» соответствующий инвестконтракт.

Библиотека была построена спустя два года - акт приёмки подписан в декабре 2004 г. Жилые корпуса «Шуваловского» (такое название получил новый микрорайон) «Интеко» достроила в 2008 г. Общая площадь квартир в новостройке превысила 230 тыс. кв. м. К тому времени прояснились и кое-какие подробности этого проекта Елены Батуриной. Из материалов проверки «Счётной палаты» следовало, что в ходе конкурса, выигранного «Интеко», Елена Батурина подписывалась на одни условия, а в инвестконтракте с МГУ «Интеко» прописала другие. Победу в конкурсе компания Батуриной завоевала, предложив университету инвестировать в строительство нужных ему объектов. И указала сумму инвестиций. А в «инвестиционном контракте» было указано, что все затраты инвестора, направленные на проектирование и строительство библиотеки, покрываются за счёт фактического бюджетного финансирования (имеется в виду - целевого финансирования МГУ из федерального бюджета) и соответствующей доли университета в новом жилом комплексе.

Получалось, что, увеличивая стоимость строительства библиотеки, «Интеко» убытков не несла, а лишь увеличивала свою долю в квартирах.

Стоимость библиотеки в таких условиях не могла не вырасти, и она выросла. В августе 2003 г. проект строительства прошёл экспертизу в Главэкспертизе России Госкомитета по строительству и был утверждён приказом ректора Виктора Садовничего. Смета строительства была определена в 1,49 млрд руб. в ценах по состоянию на 1 апреля 2003 г. (т.е. около $47 млн по текущему курсу). А фактические расходы возросли до 2,79 млрд руб. ($102 млн). Разница, естественно, была покрыта сокращением доли университета в возводимом на его землях жилье.

В августе 2003 г. проект строительства прошёл экспертизу в Главэкспертизе России Госкомитета по строительству и был утверждён приказом ректора Виктора Садовничего.

Спустя пару лет после подписания инвестконтракта МГУ и «Интеко», на этот раз уже без конкурса, решили добавить к библиотеке ещё один учебный корпус. Схема осталась той же: «Интеко» строит, университет компенсирует фактические расходы за счёт своей доли в жилье. Пункт о новом учебном корпусе был внесён в инвестконтракт в виде отдельного дополнительного соглашения. Его строительство, как утверждалось в отчёте Счётной палаты, велось «без утверждённой в установленном порядке проектно-сметной документации». Иными словами, администрация университета имела лишь весьма общее представление о том, во что обойдётся строительство и сколько жилья придётся отдать Батуриной в виде компенсации.

Однако, пока Счётная палата разбиралась с инвестконтрактом МГУ и «Интеко» от 2002 г., университет провёл второй конкурс на освоение своих земель. В 2005 г. на торги был выставлен участок в 9 га на пересечении проспектов Ломоносовского и Вернадского. Участок находился в непосредственной близости от станции метро «Университет» и был явно лучше, чем земли, на которых строился «Шуваловский». «Интеко» выиграла и второй конкурс МГУ. Батурина подрядилась построить несколько жилых корпусов общей площадью квартир до 200 тыс. кв. м с подземными гаражами и социально-бытовой инфраструктурой. «Интеко» получала 70% жилья и нежилых помещений, 85% машино-мест, остальное уходило университету. На средства, вырученные от продажи этой недвижимости, МГУ начал строительство нескольких новых учебных корпусов и медицинского центра.

Всего в окрестностях Московского государственного университета «Интеко» в первые годы XXI в. запустила в строительство более 440 тыс. кв. м жилья. Проект на Ходынке и строительство на Воробьёвых горах стали флагманскими проектами «Интеко». Затем последовали масштабные проекты в Подмосковье: «Интеко» вместе с компанией СУ-155 стала инвестором жилого комплекса «Трехгорка» в Одинцовском районе (700 тыс. кв. м) и микрорайона «Волжский» на юго-востоке Москвы (560 тыс. кв. м). В 2003 г. структуры «Интеко» участвовали в возведении уже 29 жилых объектов в Москве и Подмосковье. Совокупный объём поступлений от реализации квартир составил по итогам года $219 млн. А в 2004 г. от продажи жилья «Интеко» выручила в два раза больше - свыше

$450 млн. Компания Батуриной стремительно становилась едва ли не ведущим московским девелопером. Вскоре выяснилось, что не только девелопером.

В октябре 2002 г. деловые газеты сообщили о сенсационной новости - за невероятную в те годы сумму в $90 млн «Интеко» купила у инвестиционной группы «Атон» 94,3% акций завода «Осколцемент» (крупный производитель в Центральном регионе и пятый в России, производственные мощности - 3,7 млн т цемента в год).

«Это суперсделка, которая открывает новую страницу в российском цементном бизнесе и становится точкой отсчёта для последующих сделок в отрасли», - заявил тогда «Ведомостям» Владимир Андриенко, управляющий директор фонда Russia Partners (фонд владел долей в компании «Штерн-цемент», одном из крупнейших производителей цемента в России на тот момент). По словам Андриенко, исходя из суммы сделки, капитализация российских цементных заводов стала приближаться к капитализации западных компаний.

А ведь ещё несколько месяцев назад 49,1% акций «Мордовцемента», сопоставимого по мощности с «Осколцементом», были приватизированы фондом федерального имущества всего за $30 млн. Одновременно с «Осколцементом» «Интеко» приобрела небольшой завод «Подгоренский цемент» (объём производства - 420 тыс. т), а чуть позже - «Белгородский цемент» (2,6 млн т, седьмой по объёмам производства в России), который обошёлся «Интеко» в $75 млн. В последующие два года Батурина купила ещё два небольших цементных завода в Ленинградской области и на Украине, а также блокпакеты акций двух заводов в Поволжье. В 2004 г. на предприятиях «Интеко» было выпущено 7,5 млн т цемента. На скупку заводов было потрачено более $150 млн. Маховик строительных проектов «Интеко» ещё не настолько раскрутился, чтобы можно было вынимать из бизнеса такие суммы. Откуда деньги?

Первое время рост финансировался за счёт займов «дружественных» банков. Крупнейшим кредитором «Интеко» стал муниципальный «Банк Москвы» (около $200 млн из $340 млн совокупного долга на начало 2003 г.). Однако возможностей банка московского правительства уже явно не хватало, да и Батурина не хотела попадать в столь очевидную зависимость от финансирования со стороны окологородских структур. Весной 2003-го она предприняла смелый, хотя и вынужденный шаг - «Интеко», славившаяся до того информационной закрытостью, «открылась». Стремительный рост компании требовал финансирования, и Батурина приняла решение занять деньги на рынке. Нанятая «Интеко» инвестиционная компания «НИКОЙЛ» начала готовить размещение облигаций на 1,2 млрд руб. Чтобы привлечь деньги от инвесторов, пришлось рассказать о бизнесе. И вот из опубликованного «Интеко» инвестиционного меморандума любой желающий смог узнать, что владелицей 99% акций «Интеко» является Елена Батурина. Ещё 1% акций записан на её брата. Что выручка компании по итогам 2002 г. составила около $240 млн, из которых на строительство пришлось примерно $120

млн, а около $100 млн - на пластмассовый бизнес. В инвестиционном меморандуме было подробно перечислено, где и чем владеет «Интеко», описана история компании и будущие планы.

У инвесторов облигации Батуриной вызвали противоречивое отношение. Кое-кто считал их приобретение покупкой «политического риска», поскольку связь «Интеко» и московской власти была уж слишком очевидна. Многие обратили внимание на чрезмерно высокий уровень долга «Интеко». Однако спрос на бумаги был, облигации были размещены по ставке 10,95% годовых. Вслед за первым выпуском «Интеко» спустя несколько месяцев разместила облигации ещё на 3 млрд руб. Уже по ставке 10,7% годовых. Деньги есть, можно идти дальше? Но тут «Интеко» настигла серия неудач.

Во-первых, мощнейший удар по имиджу компании и её хозяйки Елены Батуриной нанесла катастрофа в аквапарке «Трансвааль».

В морозный вечер 14 февраля 2004 г. в переполненном посетителями сооружении дала трещину центральная колонна, поддерживавшая крышу аквапарка. Кровля здания начала рушиться, среди посетителей аквапарка распространилась паника. Через оконные проёмы с разбитыми стёклами люди в одних купальных костюмах выпрыгивали на 20-градусный мороз. Под завалами и от переохлаждения погибли 28 человек. Более 100 человек пострадали.

А уже на следующий день ведущие газеты вышли с сообщениями, что реальным собственником «Трансвааля» является Елена Батурина, купившая комплекс незадолго до трагедии.

«Интеко» немедленно опубликовала опровержение. Однако ни «Ведомости», ни «Коммерсант» отступать не хотели - издания ссылались на информацию своих источников, которую считали достоверной. Напротив, «Коммерсант» провёл специальное дополнительное расследование, в ходе которого получил документы, свидетельствовавшие о том, что Елена и Виктор Батурины не прямым образом, но финансировали приобретение аквапарка группой бизнесменов, которым и принадлежал формально комплекс в феврале 2004 г. Эти факты адвокаты «Интеко» в судах опровергнуть не смогли. Однако сумели зацепиться за стилистическую неточность, к фактам, изложенным в статье, имевшую довольно опосредованное отношение. Дело в том, что кроме текста «Коммерсант» также опубликовал фотографию Елены Батуриной, а к ней - подпись: «Супруга московского мэра Елена Батурина скрывала своё участие в проекте „Трансвааль-парк“ не только от общественности, но, видимо, и от мужа». Адвокаты «Интеко» посчитали, что это предложение оскорбляет честь и достоинство Батуриной, поскольку в нём утверждается её причастность к созданию и реализации архитектурного проекта рухнувшего заведения. И хотя из содержания статьи, на мой взгляд, совершенно очевидно следовало, что «проект» в данном случае означает «бизнес-проект», «начинание», Батурину суд признал пострадавшей, взыскал с корреспондентов «Коммерсанта» в её пользу по 10 тыс. руб., а сам «Коммерсант» обязал

опровергнуть подпись под фото. «Ведомостям», в свою очередь, пришлось по решению суда опубликовать опровержение, сообщавшее, что у газеты нет письменных свидетельств того, что Батурина владела «Трансвааль-парком».

Следующая трагедия произошла на Ходынском поле - в строящемся здании упал лестничный пролёт. Погибли несколько рабочих. Газеты и этот инцидент поспешили связать с «Интеко», хотя позже выяснилось, что описанный выше эпизод произошёл по вине одного из подрядчиков и «Интеко» к происшествию формально отношения не имеет. Тех, кто опубликовал сообщения об очередном инциденте на объектах «Интеко», Елена Батурина заставила напечатать опровержения. Но если в Москве с репутационными проблемами хозяйке «Интеко» худо-бедно, пусть и с помощью бесконечных судебных разбирательств, но удавалось справляться, то за пределами МКАД, где административный ресурс уже не был доступен, дело обстояло намного хуже. Наиболее драматично развивались события в Белгородской области.

Газеты и этот инцидент поспешили связать с «Интеко», хотя позже выяснилось, что описанный выше эпизод произошёл по вине одного из подрядчиков и «Интеко» к происшествию формально отношения не имеет. Тех, кто опубликовал сообщения об очередном инциденте на объектах «Интеко», Елена Батурина заставила напечатать опровержения.

Забавно, но о проблемах Батуриной в Белгородской области я впервые во всех подробностях узнал совершенно случайно. Весной 2006 г. у меня родилась дочка (третья по счёту!), и мы долго не могли решить, куда поехать отдохнуть. Самолёт и поезд отпадали - с трёхмесячным младенцем это было бы слишком утомительно. В итоге решили взять в аренду так называемый motor-house (это фургон на базе Ford Transit или Mercedes Sprinter, в котором есть всё необходимое для жизни - холодильник, душ, газовая плита и раскладывающиеся спальные места). Так вот, мы взяли в аренду такой агрегат и поехали на ближайшее к Москве море. А таковым, как известно, является Азовское. Доехали до понравившегося нам места километрах в 80 от Ейска и встали там в рощице, выходящей прямо к берегу. И вот в один из дней, вечером, когда мы уже покормили и почти уложили спать наших многочисленных детей, рядом с нами встали две машины, судя по номерам - из Белгородской области.

Я поговорил с парнями, познакомились. По ходу дела они достали водку и раков, которых наловили по дороге на море. Раков сварили, водку выпили. Ребята, как выяснилось, промышляли грузовыми перевозками. У них было с пяток КАМАЗов, и они гоняли фуры от Москвы до Ростова и Новороссийска. Бизнесок, насколько я понял, шёл ни шатко, ни валко. Да и особенно распространяться об этом они не хотели. Зато в подробностях, с многочисленными анекдотами и шокирующими деталями рассказали о «войне» Батуриных против белгородского губернатора и местных ребят. Плюс во всём этом был как-то завязан тогдашний посол на Украине Виктор Черномырдин и его семья. Я, если честно, половине из того, что

услышал, не поверил. Однако потом, покопавшись в местных газетах и отчётности компаний, своё мнение изменил.

Итак, среди десятков бизнесов и предприятий разветвлённого семейного бизнеса Батуриных инвестиционный меморандум «Интеко» 2003 г. сообщил также о нескольких сельскохозяйственных проектах группы. Большая их часть была сосредоточена в Белгородской области. Здесь к 2004 г. компания «Интеко» консолидировала земельный банк из более чем 75 тыс. га земли, приобрела молочно-консервный комбинат, несколько свиноводческих и животноводческих комплексов. Бизнес был консолидирован в рамках компании «Интеко-Агро», «дочки» большой «Интеко», а непосредственное управление им сосредоточил в своих руках Виктор Батурин. Его напористость и нахрапистая манера ведения дел вскоре вызвали в регионе недовольство.

Началось с того, что в мае 2004 г. власти Белгородской области объявили «Интеко» социально безответственным и неэффективным инвестором, «разрушающим социально-экономический потенциал Белгородчины». С подачи губернатора области Евгения Савченко компанию Батуриных обвинили в использовании «серых схем» при приобретении собственности и скупке земель по демпинговым ценах в спекулятивных целях. Региональные власти инициировали несколько судебных исков, требуя признать недействительными сделки «Интеко» и вернуть земли прежним хозяевам. Иски удовлетворены не были, однако из 75 тыс. га приобретённой на Белгородчине земли «Интеко-Агро» удалось зарегистрировать права собственности лишь на 15 тыс. га. Затем конфликт на время угас. В августе 2004 г. губернатор Белгородской области Евгений Савченко и Елена Батурина даже вместе сопровождали министра сельского хозяйства Алексея Гордеева в его поездке по региону.

Но в марте 2005 г. противоречия обострились с новой силой. Непосредственной причиной стал отказ Виктора Батурина выделить землеотвод под строительство железной дороги, маршрут которой был проложен через земли «Интеко-Агро». Вернее, выделить полосу под «железку» Батурин был в принципе готов, но потребовал за 32 га земли около $70 млн. Хозяевам рудника Андрею и Виктору Черномырдиным (сыновьям экс-премьера Виктора Черномырдина), а также их партнёрам из числа местных бизнесменов эти деньги показались несусветно большими. «Лобовое столкновение» «Интеко» и белгородских властей стало неизбежным. Виктор Батурин, к тому времени крепко сдружившийся с Владимиром Жириновским и несколькими видными членами его партии, договорился с ЛДПР о поддержке регионального списка кандидатов от партии на выборах в областное собрание. Деньги и прочие виды поддержки от «Интеко» позволили ЛДПР оказать ожесточённое сопротивление «Единой России». Однако на выборах ЛДПР получила лишь около 6% голосов избирателей. Областные власти ударили и по бизнесу Батуриных - депутаты облдумы сформировали комиссию для проведения парламентского расследования деятельности «Интеко». По её итогам был сформулирован длинный список претензий властей к

московской компании: незаконная скупка земель, недоимка в бюджеты всех уровней 32 млн руб., закрытие ряда предприятий.

Батурины действительно практически заморозили деятельность своего подразделения в Белгородской области. В обстановке ожесточённой «войны» с региональными властями вести дела стало практически невозможно. А осенью 2005 г. «война» привела и к человеческим жертвам.

9 октября 2005 г. 29-летний Александр Анненков, исполнительный директор ООО «Интеко-Агро», был жестоко избит в подъезде дома в Белгороде, где он снимал квартиру. На него набросились трое молодых мужчин в спортивных костюмах. В руках одного из них был топор, а у двух других - бейсбольные биты. После первого удара битой по голове Анненков сознания не потерял, а наоборот, оказал нападавшим ожесточённое сопротивление и стал криком звать на помощь. Тогда третий из нападавших несколько раз ударил жертву топором. Когда жильцы соседних квартир вышли на лестничные площадки, Анненков был ещё в сознании. Его увезли на скорой помощи в городскую больницу, где пришили практически отрубленную кисть руки, а затем в тяжёлом состоянии отправили самолётом в Москву.

В то же воскресенье в реанимацию попал ещё один высокопоставленный сотрудник «Интеко-Агро» - начальник юридического управления Екатерина Домбровская. Она получила тяжёлое отравление после обеда в одном из белгородских кафе. «Интеко» связала этот случай, как и покушение на Анненкова, с конфликтом с белгородскими властями.

Но самую тяжёлую потерю «Интеко» понесла в Москве. От удара, нанесённого в голову тяжёлым предметом, погиб адвокат Дмитрий Штейнберг. Именно Штейнберг в своё время добился в судах от телеведущего Сергея Доренко опровержения информации, компрометирующей Елену Батурину и Юрия Лужкова. Доверенное лицо Елены Батуриной, Штейнберг вёл и другие судебные тяжбы в интересах хозяйки «Интеко». Каждое утро адвокат, купив в ближайшем киоске свежие газеты, имел привычку читать их на скамейке в сквере. Так было и 11 октября. Штейнберг уже возвращался домой, когда вслед за ним в подъезд вошёл преступник. Тупым предметом он нанёс адвокату сильный удар по затылку. Дмитрий Штейнберг потерял сознание, упал и ударился головой об пол. Через какое-то время пришёл в себя, смог дойти до дома и подняться по лестнице на второй этаж. Там его обнаружили соседи. Скорая помощь доставила адвоката в больницу, где были диагностированы тяжёлая открытая черепно-мозговая травма и кома. Спустя несколько дней Штейнберг скончался.

Всё описанное выше - от покушения на Анненкова до убийства Штейнберга - произошло в течение считанных дней. Елена Батурина обратилась к президенту Владимиру Путину с требованием положить конец охоте на её сотрудников и разобраться в ситуации в Белгородской области. Однако от федеральных властей никакой реакции не последовало. На выборах в законодательное собрание Белгородской

области ЛДПР, поддержанная «Интеко», проиграла. Батуриным ничего не оставалось, кроме как свернуть свой бизнес в регионе.

Тяжёлое белгородское поражение показало, что в ситуации жёсткого прессинга «Интеко», лишённая административного ресурса, действовать не может. И это действительно отличало корпорацию жены московского мэра от других российских крупных частных компаний, таких как «Альфа-групп» Михаила Фридмана, «МДМ-групп» Андрея Мельниченко и Сергея Попова или «Базового элемента» Олега Дерипаски. Как правило, крупные олигархические группировки научились вести агрессивные действия в регионах, не испытывая особых проблем с получением поддержки от местной власти (или её отдельных представителей). Для того чтобы правильно мотивировать региональных чиновников, были и люди, я бы даже сказал - целые сработавшиеся команды, и отработанные за годы корпоративных войн схемы. Белгородская история показала, что у «Интеко» ничего этого нет. И в самом деле, зачем знатокам «чёрного GR» компания, муж хозяйки которой и так является верховным арбитром, распорядителем активов в регионе, где сосредоточена основная деятельности корпорации?

Но, если оставить за скобками этот эпизод, в целом дела у Батуриной развивались неплохо. Пока в Белгородской области у «Интеко» велись бои с региональной администрацией, в жизни компании начался новый этап.

В апреле 2005 г. Елена Батурина попала на первые полосы «Коммерсанта» и «Ведомостей» с неожиданной новостью.

«Интеко», к тому времени второй в России производитель цемента, заключила сделку с компанией «Евроцемент» Филарета Гальчева - номером один на цементном рынке. По её итогам все цементные активы Батуриной перешли во владение Гальчева. Сумма сделки - $800 млн. Это при том что самой Батуриной цементные заводы достались не более чем за $200 млн. Продажа Батуриной цементного бизнеса для многих стала громом средь ясного неба.

Ещё недавно казалось, что цемент для «Интеко» - это всерьёз и надолго. В своём инвестиционном меморандуме к выпуску облигаций компания ставила цель к 2005 г. стать безоговорочным лидером отрасли с долей более чем 17,5%. Не далее, как в конце 2004 г. были заключены сделки по приобретению очередных цементных заводов в Поволжье. И вдруг Батурина вышла из борьбы. Почему?

Было бы ошибкой думать, что, прежде чем продать свои цементные заводы, Елена Батурина наняла консалтинговую компанию, внимательно изучила перспективы развития отрасли. Нет, всё было по-другому. Хозяева «Интеко» руководствовались более простой логикой. Сама Батурина о процессе выработки и принятия решений в «Интеко» откровенно говорить не хочет. «Зачем было какие-то варианты развития рисовать, когда не составляло труда оценить, сколько готов был заплатить Гальчев и сколько на тот момент цементный бизнес стоил реально», - так Елена Батурина спустя полтора года рассказала в

интервью Forbes о причинах продажи своих заводов. Другое дело - Виктор Батурин.

Вот как он описывает принятие решений в «Интеко» по ключевым вопросам в интервью «Ведомостям» в 2007 г.:

«…Например, с цементным бизнесом. Нужно отметить, что на семейном совете решающее слово было за Юрием Михайловичем [Лужковым] - цементный бизнес надо консолидировать. Но это вовсе не означает, что он денег дал на это. Елена говорила, что это дорого, это никогда не окупится. Когда был куплен первый завод за $90 млн, все дружно хихикали, потом, когда за $75 млн купили Белгородский комбинат, все перестали понимать, что происходит. А вот когда этот бизнес был продан за $800 млн, все поняли, что это было правильное решение. Но это не было какое-то протокольное решение. Люди же в семье обмениваются мнениями. На рынке сформировались два равнозначных игрока, поэтому было понятно, что или „Евроцемент“ должен был влиться в „Интеко“, или „Интеко“ - в „Евроцемент“. И когда встал вопрос о консолидации этих активов, Юрий Михайлович меня в этом поддержал. Я вёл все переговоры. И когда [владелец „Евроцемента“] Гальчев говорил, что мы предлагаем наши активы слишком дорого, я предлагал ему продать его бизнес нам на этих же условиях. Все переговоры шли только о том, кто кого купит…»

Как бы то ни было, из цементного бизнеса хозяйка «Интеко» вышла. Гальчев консолидировал около 40% цементного рынка. Его «Евроцемент» стал фактически монопольным поставщиком цемента в Центральной России.

Результат? Цены на цемент в течение двух лет взлетели в два раза.

Впрочем, «Интеко» от этого не пострадала - Батурина купила на юге России пару небольших заводов, которые обеспечивали потребности её строительных подразделений. А они заметно уменьшились - вслед за цементным бизнесом в июне 2005 г. Елена Батурина продала ДСК-3. В роли покупателя выступила группа компаний ПИК, заплатившая за комбинат $300 млн.

Вместе с производственными мощностями ПИК получила и инвестиционные проекты «Интеко» - около 1 млн кв. м жилья, в основном дешёвой «панели». «Мы считаем, что панельный рынок в Москве сужается», - объяснил тогда логику действий своей компании вице-президент «Интеко» Олег Солощанский. Доля панельных домов в общем объёме строящегося в Москве жилья действительно уменьшалась. Свободных площадок под застройку, где была бы востребована серийная продукция домостроительных комбинатов, в Москве практически не осталось. Подмосковье же, куда устремились московские строители, для супруги столичного мэра осталось закрытым - Юрий Лужков уже успел к тому времени основательно поругаться с губернатором Московской области Борисом Громовым. Однако, продав ДСК-3, специализировавшийся на дешёвом панельном домостроении, Батурина

оставила в составе «Интеко» строительные подразделения, возводившие дорогие дома из «монолита». Они продолжили работу в «Шуваловском», «Гранд-Парке» и других проектах меньшего масштаба.

Куда Батурина вложила $1,1 млрд, вырученные от распродажи? Поначалу казалось, что «Интеко» пойдёт традиционным для себя путём - попытается запустить несколько новых проектов в комфортной для бизнеса Батуриной «лужковской» Москве. Всё вроде бы к тому и шло. Вице-президент «Интеко» Олег Солощанский объявил о создании в структуре компании нового департамента, который займётся инвестициями в офисную недвижимость, а также развитием гостиничного бизнеса. До 2010 г. «Интеко» запланировала спроектировать и построить 1 млн кв. м недвижимости и создать гостиничную сеть из 12-15 отелей. Всего в эти проекты «Интеко» была готова вложить около $2 млрд. Но в реальности Елена Батурина нашла полученным от Филарета Гальчева и Кирилла Писарева (главы и совладельца ПИКа) деньгам более удачное применение.

После публикации отчёта «Интеко» за II квартал 2005 г. стало ясно, что Елена Батурина хочет быть не просто девелопером, а крупным инвестором, вкладывающим деньги в различные активы и сферы бизнеса.

Недвижимость, нефтепереработка, строительные материалы… Кроме материальных активов, которые можно потрогать и, что называется, подержать в руках, есть и другие ценности. Например, акции.

Батурина решила не оставаться в стороне от возможности заработать на буме, который охватил российский фондовый рынок. И в разделе «Финансовые вложения эмитента» внимательный читатель отчётности «Интеко» мог бы обнаружить появление двух новых статей: «вложения в акции ОАО „Газпром“» и «вложения в акции ОАО „Сбербанк“». Стоимость ценных бумаг обеих компаний, находившихся на балансе «Интеко» к моменту раскрытия информации, составила около 7,5 млрд руб., или $262 млн.

Что ж, это не удивительно. Период 2005-2006 гг. был лучшим за последние десять лет российского фондового рынка. Котировки акций стремились вверх - индекс РТС, главный барометр, вырос с 1 июля 2005 г. по 1 июля 2006 г. в 2,18 раза. Бумаги «Газпрома» и «Сбербанка» были в числе показавших наибольший рост. Акции газового монополиста выросли за период с 1 июля 2005 г. по 1 июля 2006 г. в 2,8 раза, «Сбербанка» - в 2,2 раза. Стоимость портфеля ценных бумаг «Интеко» увеличилась за год соответственно с $262 млн до $631 млн. Доходность инвестиций Батуриной превысила 240% годовых.

Как было принято решение? И опять - Батурина не нанимала консультантов. У неё не было детального бизнес-плана с вариантами действий на любой случай. Как говорит хозяйка «Интеко», решение было принято на совещании в узком составе: сама Батурина, вице-президенты и несколько топ-менеджеров из финансового блока. Принято и немедленно реализовано. Момент для входа на рынок был выбран удачно. Фондовый

рынок обогащал Батурину столь же верно, как и земельные проекты в Москве.В своём рейтинге богатейших предпринимателей России Forbes в 2006 г. поставил Елену Батурину на 29-е место, оценив состояние жены Юрия Лужкова в $2,4 млрд. Из чего складывалась эта цифра? Что же, прикинем.

В своём рейтинге богатейших предпринимателей России Forbes в 2006 г. поставил Елену Батурину на 29-е место, оценив состояние жены Юрия Лужкова в $2,4 млрд.

Прежде всего из тех самых $630 млн, которые стоили находившиеся на балансе «Интеко» акции Газпрома и «Сбербанка». При этом в распоряжении Батуриной оставались средства от продажи ДСК-3 и цементного бизнеса. За эти активы, напомним, супруга московского мэра выручила около $1,1 млрд «кэша». На покупку акций было потрачено около $240 млн. Значит, $860 млн оставалось у Батуриной в «кубышке».

Значительных денег стоили и остававшиеся у «Интеко» после продажи ДСК-3 девелоперские проекты в Москве. Инвестиционный портфель «Интеко» весной 2006 г. оценивался примерно в 2 млн кв. м «монолитного» жилья. Средняя себестоимость его возведения на тот момент составляла $1900 за 1 кв. м. А цена продажи - около $2300 за «квадрат». Итого на каждом построенном квадратном метре «Интеко» имела возможность заработать около $400-800 млн на всех запущенных к середине 2006 г. проектах.

Сколько может стоить такой актив? Если исходить из того, что прибыль будет получена не сразу, а в течение нескольких лет, то сумму необходимо дисконтировать на 25%. Иными словами, стройки «Интеко» в 2006 г. могли стоить около $600 млн. Ещё в $250 млн аналитики оценивали стоимость непосредственно строительных компаний «Интеко», пластмассового бизнеса и других менее значимых активов, принадлежавших Батуриной. Впрочем, последовавшая спустя несколько лет череда IPO (размещения на бирже акций) крупных московских строительных компаний показала, что реальная стоимость столичных девелоперских проектов в разы выше.

В сущности, рассказ о том, как Елена Батурина заработала свои миллиарды, на этом можно было бы и завершить. В 2001-2005 гг. она провернула цепочку сделок, в результате которых стала обладателем активов, стоимость которых измеряется в числах с девятью нулями. Казалось бы, всё просто. Берёшь кредит в банке, покупаешь на него строительную компанию и несколько цементных заводов. Через пару лет, когда ценовой «пузырь» на рынке московской недвижимости достаточно надуется, продаёшь купленные на заёмные деньги активы по цене в разы больше той, по которой они достались. Часть вырученных денег оставляешь в девелопменте, чтобы не упустить шанс заработать ещё на стремительном росте цены московского метра. А часть переводишь в акции, где происходит кажущееся бесконечным ралли.

Но вот повторить «схему Батуриной» было бы непросто. Кто мог

знать, что цены на жильё будут расти так быстро? И что цемент подорожает в разы? В конце концов, мало кто в мире мог предположить, что цена барреля нефти может с $20 за считанные годы вырасти до более чем $100, и этот «спрут» нефтяных котировок вытащит за собой «нефтяную» экономику России. Так что в случае со сказочным обогащением Батуриной речь идёт скорее о цепочке случайных, мотивированных краткосрочными соображениями действий, чем о заранее продуманной стратегии. Ну и, конечно, о серьёзной поддержке московских городских структур. Представьте себе: владелец небольшой компании, производящей мебель из пластмассы, с оборотом около $40 млн приходит к Андрею Фридриховичу Бородину, президенту «Банка Москвы», и просит открыть кредитную линию на $200 млн. Какой он получит ответ? Всё правильно. Ему, мягко говоря, откажут. А вот обращение от «Интеко» (в начале 2001 г., напомню, всего лишь средней руки производителя «прибамбасов из пластмассы») было в банке воспринято по-другому.

Так что в случае со сказочным обогащением Батуриной речь идёт скорее о цепочке случайных, мотивированных краткосрочными соображениями действий, чем о заранее продуманной стратегии. Ну и, конечно, о серьёзной поддержке московских городских структур.

Впрочем, всё это очевидно сегодня. А осенью 2006 г. мне пришлось иметь дело с тем, что было известно на тот момент. Итак, Елена Батурина была готова дать интервью Forbes. Но исключительно в Мюнхене, исключительно на выставке RealExpo.

Глава 5. Расследование Forbes. Земля на Сетуни

Кто и зачем убедил Елену Батурину дать интервью Forbes? Редакция с таким запросом в «Интеко» не обращалась. Просто нашему главному редактору Максиму Кашулинскому позвонил один из многочисленных вице-президентов «Интеко» и сказал, что он общался с Региной фон Флеминг (генеральным директором российского подразделения издательского дома Axel Springer) и они договорились, что Forbes возьмёт интервью у Батуриной. Максим, естественно, отказываться не стал. Батурина к тому времени хоть и дала несколько интервью (в том числе и журналу Forbes в 2004 г.), но оставалась ценным ньюсмейкером. Всё-таки бизнес «Интеко» воспринимался аудиторией как явление в целом скандальное. А значит, читательский интерес к истории о Батуриной был гарантирован.

А вот чего хотели пиарщики «Интеко», я так и не понял. Можно предположить, что они надеялись получить парадную публикацию в формате «вопрос - ответ». Вполне бессмысленную, но с их точки зрения полезную. Всё-таки Forbes - это брэнд, и засветиться здесь дорогого стоит. И похоже, они совершили классическую ошибку «инициативника». Так мы в редакции называли персонажей, которые журнал на самом деле

не читали, но у которых сформировалось стойкое представление, что Forbes - «это круто» и что здесь, как и в любом глянцевом издании, публикуют красиво написанные, но в целом безобидные истории.

Когда работа над статьёй подходит к концу, обычно главный герой «прозревает». Выясняется, что статья будет отнюдь не бессмысленной, а вполне себе серьёзным исследованием бизнеса героя, опирающимся не столько на интервью с ним (из наших предпринимателей редко кто склонен честно и напрямую рассказывать о том, как зарабатываются деньги), сколько на данные и оценки его конкурентов, «врагов», да и просто людей знающих, но с бизнесом фигуранта публикации никак не связанных. В результате в журнале выходит материал, приводящий зачастую с неприятным для главного героя выводам.

Так вот, по ходу продвижения к финалу тревога всё сильнее овладевает героем публикации. А ещё больше - его сотрудниками по связям с общественностью, которых обычно по ходу дела назначают ответственными за то, что такая каша заварилась. Апогей наступает в момент «утверждения цитат». Российское законодательство крайне двусмысленно в вопросе о том, может ли человек, давший интервью журналисту, требовать перед публикацией его утверждения. Вернее, если речь идёт о формате «вопрос - ответ», то да - требует. Вроде как у такого произведения два автора - журналист и интервьюируемый. Но вот если речь идёт о всего лишь нескольких цитатах в тексте статьи, то тут ясности нет. Мы, впрочем, в редакции исходим из того, что человек, давший нам интервью или комментарий, имеет право посмотреть перед публикацией на то, что будет взято журналистом из разговора с ним. Но не для того, чтобы радикально изменить смысл сказанного, а чтобы поправить неточности или фактические ошибки, допущенные им в ходе интервью.Так вот, когда прозревший «инициативник» получает цитаты, которые мы планируем использовать в статье, он начинает требовать весь текст. А некоторые, как они это называют, требуют «отозвать цитаты», как будто можно отозвать из головы журналиста информацию, которой он теперь располагает.

Российское законодательство крайне двусмысленно в вопросе о том, может ли человек, давший интервью журналисту, требовать перед публикацией его утверждения. Вернее, если речь идёт о формате «вопрос - ответ», то да - требует. Вроде как у такого произведения два автора - журналист и интервьюируемый. Но вот если речь идёт о всего лишь нескольких цитатах в тексте статьи, то тут ясности нет. Мы, впрочем, в редакции исходим из того, что человек, давший нам интервью или комментарий, имеет право посмотреть перед публикацией на то, что будет взято журналистом из разговора с ним. Но не для того, чтобы радикально изменить смысл сказанного, а чтобы поправить неточности или фактические ошибки, допущенные им в ходе интервью.

Получив отказ от корреспондента, работающего над статьёй, ньюсмейкер или его пиарщики начинают требовать того же от главного редактора. Получив всё тот же ответ, особо упорные доходят до главы

нашего издательского дома. Как правило, кончается всё грандиозным скандалом и разорванными отношениями с компанией, её хозяином или топ-менеджером, которому захотелось блеснуть в Forbes. В общем, в случае с Батуриной, видимо, Регина действительно сказала людям из «Интеко», что интервью с их «хозяйкой» для журнала будет интересно, и отправила их к Максу. Возможно, у пиарщиков Батуриной возникло ощущение, что они в результате оказались в каком-то привилегированном положении. Тем большим было для них разочарование.

Так или иначе, но в 9 часов утра 23 октября 2006 г. я был рядом со стендом «Интеко» на ExpoReal. Вскоре появился тот самый мужик в рубашке с расстёгнутым на две пуговицы воротом. Потом появилась Батурина. Затем, с обходом московской экспозиции - Юрий Лужков.

Мне было сказано, что для интервью в графике Батуриной выделен один час. К назначенному времени я подошёл к стенду «Интеко», представляющему собой сборную конструкцию в два этажа. На втором располагалось небольшое помещение со столом и стульями, где «интековцы» проводили во время выставки совещания и встречи с партнёрами. Там мы сели, чтобы пообщаться. Я немного нервничал. Кроме Батуриной напротив меня за столом расселись её пресс-секретарь Геннадий Теребков, вице-президент компании Олег Солощанский и ещё кто-то.

«Ого, четверо на одного, - подумал я про себя, - это не вполне честно». Хотя, надо отдать должное, на вопросы отвечала исключительно Батурина и к помощи зала обращалась нечасто.

Готовясь к интервью, я прочитал если не всё, то почти всё, что было написано об «Интеко» к тому времени. Однако в интервью Батурина рассказала и кое-что новое. Например, о том, как она управляется со своим бизнесом. И из ответов жены Юрия Лужкова я понял, что работает вся система как жёстко централизованный механизм. «А как ещё может быть, когда руководитель и владелец компании - одно лицо?» - хозяйку «Интеко» удивила сама постановка вопроса. Ещё в разговоре, задавая вопросы и так, и сяк, я вынес представление, что Батурина бизнес ведёт без особого надрыва. В офис приходит часам к десяти - половине десятого. Уходит так, чтобы вечером ещё иметь возможность побыть с детьми, сходить с ними по магазинам, на концерт или в кино.

Жёсткого сложившегося графика на рабочий день, по словам Елены Батуриной, у неё нет. Планы могут быстро меняться. Многие из неожиданных изменений связаны с тем, что Елена Батурина как супруга московского мэра обязана присутствовать на многочисленных официальных мероприятиях. Ко времени нашей встречи Батурина также входила в совет по реализации национальных проектов (их, если кто забыл, курировал будущий президент Дмитрий Медведев), и участие в этих посиделках тоже отнимало немало времени.

Регулярных частных совещаний с топ-менеджерами, как это водится в крупных российских корпорациях, Батурина не практикует. Ей

достаточно держать под непосредственным контролем главное - деньги. Как это работает? Для каждого из направлений бизнеса - строительство, пластмассовый бизнес, нефтехимия, инвестиции - на год утверждается бюджет. В рамках годового плана верстаются месячные сметы. И вот за тем, как идёт их исполнение, Батурина тщательно следит. Для этого в «Интеко» создан специальный бюджетный комитет, заседания которого проводятся под председательством Батуриной. Ни одного изменения в финансовых планах каждого из бизнесов «Интеко» без утверждения хозяйки не происходит. По крайней мере, так выглядела система в 2006 г. Заседания бюджетного комитета, по словам Батуриной, - едва ли не единственное регулярное мероприятие в её деловом графике. Но уже в ближайшем будущем ситуация должна была измениться.

Батурина любит называть «Интеко» просто «семейной компанией». Это, как подразумевалось, означает, что компания свободна от всякого рода формальностей, которым необходимо следовать крупным корпорациям с большим количеством акционеров. Топ-менеджмент «Интеко» ни перед кем не отчитывается и дела ведёт так, как считает нужным. Ведь руководство компании и её хозяева - одни и те же люди. Однако масштаб бизнеса корпорации Батуриной к 2006 г. явно перерос такой подход к делу. Хаотический экстенсивный рост привёл к тому, что активы висели на десятках юридических лиц, учреждённых в разное время с разными целями. Производство изделий из пластика, московские стройки, цемент, сельскохозяйственные проекты - всё варилось в одном котле. Зернотрейдер мог владеть домостроительным комбинатом. И это реальный пример из практики.

Нити управления этой запутанной системы держали в руках два человека - Елена и Виктор Батурины. «Я сидел на хозяйстве», - заявил Батурин в интервью Forbes, когда мы к нему обратились за комментарием. «Сидел на хозяйстве» - значит возглавлял дочерние компании, принимал решения по оперативному управлению бизнесом, подыскивал новые проекты. Но со своими идеями Батурин тем не менее приходил к младшей сестре. «Естественно, я готовил доклады сестре», - говорил тогда Батурин, при этом уверяя, что ни разу не было такого, чтобы его решения отменялись. Действительно - семейная компания.

Но, как и практически каждую семью, семейство Батуриных периодически сотрясали семейные скандалы. Как раз в 2006 г. Виктор Батурин, вдрызг разругавшись с сестрой, из компании ушёл. И Елена Батурина взялась за реструктуризацию бизнеса. Для этого в «Интеко» был приглашён Алексей Чаленко, ранее управлявший личными активами Николая Цветкова, президента и основного владельца группы «Уралсиб-НИКОЙЛ». Перед ним была поставлена задача разобраться и систематизировать процесс принятия инвестиционных решений в «Интеко». Об этом Батурина говорила и в интервью. По её словам, уже в самое ближайшее время к бюджетному должен был добавиться ещё и инвестиционный комитет. Его заседания должны были проходить при участии самой хозяйки «Интеко». Этот орган должен был стать не менее значимым в бизнесе, чем бюджетный комитет.

Когда я вернулся из Мюнхена, Чаленко был одним из первых, к кому я обратился за дополнительной информацией об «Интеко» - надо было собирать недостающие «пазлы» для истории о бизнесе Батуриной. И, к моему удивлению, молодой финансист легко согласился поговорить о своей новой работе. Мне было интересно: что Чаленко, попавший в «Интеко» из правильно организованного инвестиционного бизнеса, думает о месте своей новой работы? Чем отличается подход к делу того же Цветкова от «метода Батуриной»?

«Николай Александрович [Цветков] - человек более системный. Сначала выстраивает фундамент, состоящий из документов, процедур, людей, которые их выполняют. А потом принимает решение. Здесь [в „Интеко“] наоборот. То есть сначала принимается решение, а потом - всё остальное», - рассказывал Чаленко.

И, честно говоря, я не был удивлён. Как я понял, Чаленко была поставлена задача эту ситуацию изменить. Грубо говоря, если раньше решения о входе или выходе из проектов принимались в «Интеко» едва ли не по наитию (Елены Батуриной и её брата), то теперь это должно был стать жёстко регламентированным процессом. Алексей Чаленко взялся за подготовку соответствующих регламентов.

Но эти детали я уже выяснил потом, пообщавшись с самим Чаленко. Ну а в своём мюнхенском интервью Forbes Батурина много говорила о том, что хочет по-новому «упаковать» свой бизнес.

Десятки проектов «Интеко», перемешанных друг с другом, планировалось разделить непроницаемыми переборками. Активы должны были быть упакованы в несколько закрытых паевых инвестфондов (ЗПИФ). Главный плюс нового подхода - возможность сэкономить на налогах. Дело в том, что налогом на прибыль облагаются лишь дивиденды бенефициарам фонда. Но если владелец решает всю прибыль оставлять в фонде, увеличивая таким образом его стоимость, то и налог платить не с чего. По крайней мере до тех пор, пока фонд не будет закрыт и его участники не разделят доход за весь период сушествования ЗПИФа. Когда мы встречались с Батуриной, уже был создан фонд для управления инвестициями в ценные бумаги под названием «Континенталь». Его планируемый объём - 86 млрд руб. Туда планировалось перевести акции «Газпрома» и «Сбербанка». На эти бумаги должно было прийтись около 50% стоимости активов фонда. Туда же должны были отправиться и акции «Роснефти» - Батурина участвовала в народном IPO нефтяной компании. Ещё около $1 млрд в активах «Континенталя» составили бы нефинансовые активы ЗАО «Интеко» - строительные площадки, земли, объекты. Фонд был зарегистрирован со сроком существования в 15 лет. Но к моменту моей встречи с Батуриной активы ещё не были переведены.

Дело в том, что акции «Газпрома» и «Сбербанка» были сразу же после приобретения заложены по кредитам (прежде всего от того же «Сбербанка»). Первоклассный залог давал возможность привлекать деньги под чрезвычайно низкие для строителей 7% годовых в валюте. По мере высвобождения акций «голубых фишек» из-под залога бумаги

планировалось переводить в ЗПИФ. А для игры на курсах ценных бумаг «Интеко» планировала открыть два хедж-фонда. Их активы должны были со временем также вырасти до $3 млрд. В дальнейшем Батурина хотела создать отдельные ЗПИФы под проекты в области строительства жилья, коммерческой недвижимости, бизнес по переработке пластика и т.д. В общем, налицо была системная попытка превратить выросший, что называется, «по случаю» набор разнородных активов и «кэша» от бессистемной купли-продажи в работающий по чётким правилам инвестиционный фонд.

А ещё Батурина в тот момент делала акцент на планах «Интеко» сократить объёмы жилищного строительства и сделать крен в сторону коммерческой недвижимости.

Батурина хотела зафиксировать объёмы вводимого в год жилья на уровне 300 тыс. кв. м (в 2005 г. было построено около 500 тыс. кв. м). Причём большая часть этих площадей должна была строиться за пределами Москвы и даже Московской области - в Петербурге, городах-миллионниках на юге России и в Поволжье. А в Москве «Интеко» должна была сосредоточиться на возведении и последующем управлении офисами и гостиницами.

На эти направления Батурина планировала бросить основные кадровые и финансовые ресурсы.

Если смотреть из 2006 г. в будущее «Интеко» глазами Елены Батуриной, то картина вырисовывалась примерно такая: «Интеко» образца 2010 г. по-прежнему будет заниматься в основном недвижимостью. Доходы от этой деятельности должны были составить около $1,2 млрд. Для сравнения - в 2006 г. блок «Недвижимость» (в основном строительство) должен был сгенерировать около $600 млн выручки. Но если в 2006 г. 100% продаж приносила реализация жилья, то по итогам 2010 г. доля этой статьи должна была упасть до 60%. То есть более $500 млн Батурина планировала получать от сдачи в аренду собственных бизнес-центров и управления гостиницами.

Изменения - колоссальные. Бизнес на строительстве жилой недвижимости сродни езде на велосипеде, который не падает до тех пор, пока крутишь педали. Есть возможность получать всё новые и новые участки - всё нормально. Однако, как только конвейер по освоению всё новых и новых земель останавливается - кризис в компании не за горами. То ли дело бизнес-центр: построил и получай доход от сдачи в аренду. Почему может иссякнуть поток земельных участков? Да хотя бы из-за смены власти в Москве. Ведь именно столичные чиновники решают вопросы предоставления новых участков под застройку и согласовывают параметры строительства. Но если «заморозить» стройку для московских властей при желании не составляет труда, то спровоцировать отток арендаторов из уже построенного бизнес-центра - это надо очень постараться. Иными словами, Батурина явно хотела трансформировать свой бизнес так, чтобы максимально «хеджировать» риски прихода к власти недружественного к семье Лужкова - Батуриной человека. Жильё

она хотела бы строить за пределами столицы. А в Москве в основном вести мало подверженный политическим рискам бизнес рантье.

Я расспросил Батурину о проектах «Интеко» за рубежом. Про Киев Батурина сказала, что там дела идут вяло. Очень сложно происходит согласование с властями, к тому же проект серьёзно тормозит политический момент, отдельно отметила Батурина (что меня не удивило - ведь это Юрия Лужкова за его «крымские» высказывания объявили персоной нон-грата на Украине). Зато в Астане «Интеко» работается легко. Батурина возводила там торгово-офисный центр с гостиницей. Это был один из заметных проектов в столице Казахстана, а потому он попал под личный контроль президента Нурсултана Назарбаева. Это, конечно, говорила Батурина, оказывает магическое влияние на всех чиновников.

Задал я и дежурный вопрос об IPO. Батурина сказала, что пока необходимости нет и она не готова поделиться с кем-то правами по управлению собственной компанией. «А как же возможность снизить политические риски?» - допытывался я. Батурина отрезала: у нас уже есть опыт на рынке, когда привлечение сторонних западных инвесторов вовсе не гарантировало компанию от преследований федеральными властями. Название «ЮКОС» и фамилию «Ходорковский» она не произнесла, но я всё понял. И перешёл, собственно, к главному: насколько преуспевание «Интеко» зависит от пребывания Юрия Лужкова в кресле московского мэра. К этому мы подобрались в самом конце интервью.

Тогда, в 2006 г., был повод - ходили упорные слухи, что Владимир Путин не переназначит Лужкова. В 2007 г. у столичного градоначальника истекал срок пребывания в должности мэра, на которую он был избран в 2003 г. (на последних прямых выборах главы региона). Путин, впрочем, Лужкова оставил. И тем не менее я задал Батуриной главный вопрос - что будет, если Лужков уйдёт? И получил соответствующие ответы. «Ну и что? Дальше что? У нас же не революция планируется в 2007 г. Не захват власти военным путём», - Елену Батурину возмутила даже тень сомнения в том, что будущее её бизнеса может оказаться под угрозой после того, как Лужкова снимут. А когда я через некоторое время вновь вернулся к этой теме, добавила: «Я, как и любой инвестор, гарантирована в том, что все мои права защищены».

Чтобы разрядить обстановку и как-то сгладить возникшую неловкость, я задал «лёгкий» вопрос - ну а всё-таки, если Лужкова уволят, возьмёте его на работу к себе водителем? Готовясь к интервью, я прочитал где-то, что Батурина то ли в шутку, то ли всерьёз, обещала взять мужа в «Интеко» личным шофёром. Батурина довольно рассмеялась. Сказала, что да, такая шутка у них давно ходит. Мол, Лужков очень любит водить машину и всё время говорит: «Если брошу работать, пойду к тебе шофёром». Отсмеявшись, Батурина с секунду собиралась и выдала настоящий ответ: «Такие люди [как Лужков] должны работать на государство. В разных ипостасях на самом деле. Можно же участвовать и не занимая высоких постов. При этом влияя на политику, которую разрабатывает государство». На этом мы и расстались.

Кстати, вполне возможно, что в семье Лужкова - Батуриной до сих пор уверены, что такие «столпы», как Юрий Михайлович, не должны быть отстранены от государственных дел. И именно это искреннее ощущение собственной незаменимости, а не только обида на президента Дмитрия Медведева за унизительную отставку, толкает Лужкова к политической деятельности. Но я слишком забежал вперёд.

Вернувшись в Москву, я несколько дней просидел, разбирая свои записи. Думал над тем, что сказала в своём интервью Батурина. И чем больше размышлял, тем очевиднее было, что главная интрига вокруг бизнеса «Интеко» и практически единственное, что интересует людей (наших читателей), - это, по большому счёту, ответ на один вопрос: насколько бизнес Батуриной зависит от Лужкова? Сильно или не сильно? В каких формах? И что будет, когда Лужкова всё-таки «уйдут»? Всё, что Батурина сказала по этому поводу, я привёл выше. Было понятно, что большего ожидать не приходится. Значит, надо искать ответы самостоятельно. Этим я и занялся.

С чего начать? Мы с коллегой Машей Абакумовой решили начать с главного, то есть с земли. Всякий московский девелоперский бизнес начинается с выделения земли. Это ключевой вопрос. Здесь и происходит отсев тех, кто может работать в Москве, от тех, кто не может.

А что у «Интеко»? Мы методично изучили всю доступную нам информацию о бизнесе «Интеко» и составили список всех известных на тот момент проектов Батуриной. Затем приступили к выяснению источников формирования земельного банка её компании.

Всего в Москве, если упрощать существующую практику, их три. Во-первых, мэрия периодически проводит инвестконкурсы на застройку. Выигрывает тот, кто согласится отдать большую долю построенного городу (по крайней мере, таковы правила). Кроме этого, существуют также разнообразные специальные программы правительства Москвы - по выводу промзон, сносу пятиэтажек и т.д. Но городские власти - далеко не единственный источник прав на землю. Минобороны, Федеральная служба охраны, МВД, высшие учебные заведения и другие структуры федерального подчинения - они также владеют гигантскими массивами земель. И, наконец, есть вторичный рынок. Земельный участок или права на 49-летнюю аренду можно просто купить.

И кто бы что ни говорил, массовой раздачи городских земель «Интеко» не было. «Мы на самом деле не очень часто сотрудничаем с городом», - говорит Батурина. И действительно - это так. По крайней мере в том, что касается проектов «Интеко», информация о которых была доступна к осени 2006 г.

Всего у «Интеко» в Москве мы насчитали 28 проектов. И лишь для четырёх из них участки были получены непосредственно от московских властей. Самым крупным был проект «Молжаниново». В 2004 г. «Интеко» выиграла на конкурсе, организованном московским правительством, право застроить 225 га земли за пределами МКАД в составе «клина»

московских городских земель, выходящих к аэропорту Шереметьево. Ещё три земельных участка «Интеко» получила от городских властей в различных частях Москвы под строительство гостиниц. В целом по этим проектам будет построено около 150 тыс. кв. м отелей и примерно 700 тыс. кв. м жилья. На фоне масштабов бизнеса «Интеко» - не так уж и много. Хотя, конечно, участие Елены Батуриной в муниципальной программе по строительству гостиниц в Москве вызывает кое-какие вопросы.

Гораздо большие объёмы недвижимости «Интеко» возводила на землях, полученных от «федералов». В том числе на землях этого происхождения велась реализация двух флагманских на тот момент проектов «Интеко». Как я уже говорил, это было строительство жилого комплекса «Шуваловский» на Ломоносовском проспекте и возведение «Гранд-Парка» на Ходынке. «Шуваловский» строился на территории Московского государственного университета. В качестве компенсации за предоставленную землю «Интеко» профинансировала строительство новой библиотеки и выделила в построенных корпусах жильё для преподавателей. Что касается Ходынского поля, то владельцу земель - Минобороны - были предоставлены квартиры для военнослужащих. Правда, не в самом элитном квартале, а в других городских районах из фонда муниципального жилья. Затем эти отданные военным квартиры были зачтены так, что город получил 30% жилых площадей в возведённых «Интеко» зданиях на Ходынке.

При этом работа с «федералами» - орешек ещё потвёрже работы с городом. Потрафить надо не только интересам московских чиновников, но и «федералам» (университетам-институтам, Минобороны, ФСБ и пр.). И это не просто моё досужее рассуждение.

«Эта схема [получение под застройку участка земли федерального ведомства] наиболее сложна, так как в работу вовлечено множество заинтересованных сторон: пользователь имущества, отраслевое ведомство, Росимущество, правительство Москвы», - записано в облигационном меморандуме 2006 г. одного из крупнейших московских застройщиков - компании «Дон-строй». И, кстати, у самого «Дон-строя» на «федеральной» земле не было ни одного проекта.

А вот «Интеко» сложности «по согласованию» научилась преодолевать. Можно предположить, что в городские конкурсы «Интеко» предпочитала не лезть, поскольку каждый из них становился объектом пристального внимания и получить «по-тихому» какие-либо преференции было невозможно. Другое дело - непубличные сделки с «федералами». О том, что они состоялись, широкая общественность узнавала месяцы спустя после подписания документов. Условия инвестконтракта по застройке земель МГУ, например, стали известны лишь спустя несколько месяцев после его подписания. И лишь потому, что были повторены в распоряжении правительства Москвы, которое утвердило этот проект. И Батурина охотно шла этим путём.

Но вот что характерно - во многих проектах, если не во всех по-

настоящему крупных, у «Интеко» были партнёры. На паях с «Миракс-Групп» и «Федеральной сетевой компанией» (государственная структура, управляющая электрическими сетями высокого напряжения) Елена Батурина взялась за проект в районе Алтуфьевского шоссе. Высоковольтные линии электропередач здесь планировалось убрать под землю, а на освободившейся территории построить жилой комплекс. Совместно с «СТ-Групп» Шалвы Чигиринского «Интеко» вела строительство элитного жилого комплекса в Гранатном переулке на территории Московского государственного педагогического института. Зачем большим московским строительным компаниям понадобилась помощь компании Батуриной?

Вопрос риторический. Ведь никто не скажет, что Елена Батурина - жена мэра Москвы, а потому все согласования проектов с её участием идут легче. И нам такого никто не сказал, хотя мы со многими московскими девелоперами пытались на эту тему общаться. Самое развёрнутое рассуждение по данному вопросу удалось вытащить из хозяина «Миракс-Групп» Сергея Полонского: «Вот говорят, что Батурина выпускает ППМ (постановления правительства Москвы о реализации того или иного строительного проекта - М.К.) и их продаёт… Но вы хоть одну компанию знаете, кому Батурина выпустила ППМ и продала? Я не знаю». Надо сказать, что совместный проект «Миракса» и «Интеко» развивался крайне вяло, в кризис и вовсе был заморожен, а затем Батурина выкупила у Полонского его долю.

Но при всём при том в активе «Интеко» есть и абсолютно прозрачные сделки. Например, почти 10 га на Садовнической набережной Елена Батурина купила у Агентства по реструктуризации кредитных организаций (АРКО). Раньше они принадлежали «СБС-Агро» Александра Смоленского и перешли к АРКО после банкроства банка. А здание на Ильинке («Тёплые торговые ряды» середины XIX в.), где «Интеко» планирует построить пятизвёздочную гостиницу, было приобретено у «Сбербанка». «Ну и кто мне может запретить купить площадку у „Сбербанка“ или „Внешторгбанка“?», - задалась Батурина по этому поводу риторическим вопросом в ходе нашего интервью. Действительно, купить площадку под строительство в Москве теоретически может любой.

Однако одно дело - купить, а другое - оформить землю и что-то построить. Именно о том, что «Интеко» с лёгкостью удаётся то, что другим оказывается не под силу, мы и написали подробно на примере земельного массива «Интеко» на западе Москвы между Минской улицей и проспектом Мичурина.

Надо сказать, что до нас об этих угодьях Батуриной газеты не писали. «Вычислить» их удалось лишь после того, как мы начали привязывать каждый из анонсированных проектов Батуриной к конкретному земельному участку. Долгое время мне не удавалось локализовать будущее место реализации грандиозного «Космопарка». Всего «Интеко» планировала там построить 570 тыс. кв. м офисов и гостиниц. В презентациях компании говорилось, что комплекс будет построен на

западе Москвы, но где? Я составил перечень всех дочерних компаний ЗАО «Интеко» и через доступные нам базы данных «пробил» их на предмет владения земельными участками. Учитывая, что «дочек» у «Интеко» несколько десятков, можно представить моё состояние, когда после долгих бесплодных поисков я вдруг нащупал контуры какой-то схемы.

«Интеко» оказалась собственником девяти компаний с одинаковыми названиями, начинающимися со слов «территориальная дирекция» - «Территориальная дирекция „Сетуньская“», «Территориальная дирекция „Волынская“» и т.п. Так вот, в московском городском законодательстве обнаружились признаки того, что эти «территориальные дирекции» владеют крупными земельными участками на западе Москвы. Их названия мелькали в актах об установлении границ различных градостроительных зон, определении административных границ. Они упоминались в решениях судов по земельным вопросам. А главное - границы их участков и их площади оказались точно прописаны в постановлении московского правительства, определившем границы природного заказника «Долина реки Сетунь». С этим самым заказником оказался связан громкий скандал. Но до этого мы докопались позже. А пока, отталкиваясь от документов и свидетельств очевидцев, удалось восстановить в целом ход событий.

Лет двадцать назад земли в долине реки Сетунь на западных окраинах Москвы использовались как сельскохозяйственные угодья. Хозяйство вёл совхоз «Матвеевское». Выращивал овёс и косил сено на единственном в пределах МКАД заливном лугу. В 90-х годах совхоз, переименованный в АОЗТ «Матвеевское», превратился в лакомый кусочек. Его главный актив - земли, расположенные как непосредственно за МКАД, так и внутри кольцевой автодороги, как выяснилось, стоят баснословных денег. За них развернулась нешуточная борьба, в которой, судя по методам, приняли участие местные «авторитетные предприниматели». В 1996 году в своей машине выстрелом в голову был убит директор «Матвеевского» Николай Дубовский. Через три года погиб его преемник Виктор Бабырин. Преступники найдены так и не были. А в 2004 г. контроль над прежним совхозом перехватили структуры бывшего чукотского губернатора Романа Абрамовича. Такова, по крайней мере, общепринятая версия. Люди Абрамовича её вяло отрицают, говоря, что Millhouse, компания Абрамовича, купила не все земли «Матвеевского», а лишь их часть.

Однако ещё до появления в «Матвеевском» Абрамовича лучшую часть земель, ожерелье участков, нанизанных на московские речушки Сетунь и Раменка, приобрела Елена Батурина. Их общая площадь - около 180 га. Сумму сделки нам выяснить тогда так и не удалось. В общих чертах была понятна лишь схема операции - ещё будучи в составе «Матвеевского», участки были переданы специально для этой цели учреждённым «территориальным дирекциям». А затем у «дирекций», зарегистрированных в форме обществ с ограниченной ответственностью, сменился учредитель. Вместо «Матвеевского» им стала «Интеко» и связанные с ней компании. В то время, когда мы готовили нашу статью о Батуриной, эксперты оценивали стоимость участков в баснословные $1

млрд.

Характерная деталь - сетуньские земли Батурина оформила в частную собственность, и это на самом деле был чуть ли не первый случай регистрации прав частной собственности на столь крупный земельный массив в Москве. Ведь как раз в начале 2000-х гг. московское правительство во главе с Юрием Лужковым ожесточённо сопротивлялось попыткам федерального центра запустить в столице полноценный земельный рынок. Лужков и его команда требовали оставить модель «долгосрочной аренды», когда участок земли передавался лишь во временное пользование, не более 49 лет. И легко понять почему - ведь в таком случае земля не уходила из-под контроля городских властей. В случае с землёй Батуриной на западе Москвы вышло по-другому.

Хотя, конечно, участки были отнюдь не без проблем. Начать с того, что бывшие сотрудники совхоза, владельцы земельных паев, требовали расторгнуть все сделки директора «Матвеевского» Николая Кырина, который и продал землю Батуриной. Мы разыскали активистов из числа, как они себя называли, «владельцев паев и их наследников». «Офис себе новый отгрохал, сидит... Десять охранников у него только на улице, не подберёшься», - это самое политкорректное из того, что рассказала Forbes Антонина Фёдорова, представлявшая одну из групп пайщиков совхоза, о нынешнем директоре сельхозпредприятия Николае Кырине. Она и ещё несколько активистов пытались доказать, что паи у них были попросту украдены. Фёдорова бомбардировала письмами президентскую администрацию и прокуратуру. Результат вроде бы был - «Матвеевское» проверяли ОБЭП и прокуратура Одинцовского района. Но никаких неприятных для Батуриной результатов эти проверки не имели. По крайней мере, об этом ничего до сих пор не известно.

Но алчные «пайщики» - это ещё «цветочки». Гораздо больше проблем Батуриной доставило российское Министерство иностранных дел.

Дело в том, что ещё в начале 90-х годов земли «Матвеевского» в районе Минской улицы были зарезервированы президентским указом под размещение представительств иностранных государств. А конкретно - Китая, Индии и Кубы. На этом основании участок земли на пересечении Минской и Волынской улиц, тот самый, где «Интеко» планировала построить свой «Космопарк», был передан главному управлению по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД России (ГлавУпДК).

Мидовцам, впрочем, в течение последующих 10 лет так и не удалось оформить и зарегистрировать свои права на этот участок. Как потом утверждали представители ГлавУпДК, московские структуры, ответственные за регистрацию и учёт прав на землю, попросту саботировали обращения МИДа.

Надо сказать, что участок на «Минке» - не единственный спорный объект города и МИДа. Весной 2004 г. Счётная палата РФ изучила законность и эффективность использования имущества, закреплённого в хозяйственном ведении ГлавУпДК. В числе прочего аудитор Николай

Локтионов выяснил, что МИД имеет в Москве права на 243 участка общей площадью 160 га. Однако на момент проверки зарегистрировать собственность в установленном порядке удалось лишь на 17 участков. Причина? Мосрегистрация «не принимает мер по государственной регистрации права федеральной собственности на землю». Все 17 оформленных участков были зарегистрированы по суду.

Однако земли «Интеко» в докладе Локтионова были выделены отдельно. Выступая на коллегии Счётной палаты, аудитор заявил буквально следующее: по вине Мосрегистрации ряд земельных участков был выведен из федеральной собственности и передан коммерческим структурам. В частности, участок площадью 24,4 га, обременённый условиями межправительственных соглашений с Индией, Китаем и Кубой, был передан в собственность компании «Территориальная дирекция „Сетуньская“» без учёта обязательств, принятых на себя Российской Федерацией. И, судя по всему, Локтионов был не первый, кто пытался разобраться с куском земли, где «Интеко» планировала строить «Космопарк». Перед Счётной палатой проблему изучало Минимущества и даже направило в Генпрокуратуру России представление о проверке законности регистрации права на земельный участок. Однако результатов это обращение тогда не принесло.

Знал или не знал Локтионов, кому принадлежит участок земли, на незаконный характер приватизации которой он отдельно указал на коллегии Счётной палаты? Сложно сказать. Но факт в том, что на момент проверки «Счетки» Батурина уже практически завершила сделку. С 1 августа 2004 г. «ТД „Сетуньская“» являлась стопроцентной «дочкой» ЗАО «Интеко». Работа по оформлению участка завершилась через год - свидетельство о государственной регистрации собственности было получено Батуриной 31 октября 2005 г.Резюме? То, что не удалось МИДу, с лёгкостью провернула «Интеко». Однако в будущем вопрос с МИДовскими землями ещё всплывёт. И в самый неудобный для Батуриной момент.

Сложно сказать. Но факт в том, что на момент проверки «Счетки» Батурина уже практически завершила сделку. С 1 августа 2004 г. «ТД „Сетуньская“» являлась стопроцентной «дочкой» ЗАО «Интеко». Работа по оформлению участка завершилась через год - свидетельство о государственной регистрации собственности было получено Батуриной 31 октября 2005 г.

Но вернёмся к землям «Интеко» на Сетуни. Елене Батуриной, прежде чем начать осваивать новые угодья, пришлось заняться ещё и экологией.

В 90-е годы часть земель «Матвеевского» была включена в состав заказника «Долина реки Сетунь». Заниматься сельским хозяйством на его территории можно, однако градостроительная активность запрещена. Когда земли действительно принадлежали бывшему совхозу, ситуация всех устраивала. Но что делать, если земля оказалась у застройщика, которому сложно отказать?

Решение было найдено быстро. Московское правительство

несколькими постановлениями передвинуло границы заказника. Мы эти постановления нашли. В них скрупулёзно описаны границы территорий, выводимые за пределы природоохранной зоны, и участки, наоборот, в неё включаемые. И эти линии проходили как раз по границе владений Батуриной, которые были заботливо выведены из-под обременений. Мы решили изучить ситуацию на месте.

Было уже начало ноября. Выпал первый снег, погода была пасмурная и достаточно мерзкая. Мы быстро нашли тот самый участок, на который претендовал МИД и где Батурина хотела построить свой «Космопарк». Он располагается как раз напротив мечети, выстроенной на Поклонной горе. Надо всего лишь перейти Минскую улицу в месте её пересечения с Волынской, пройти немного вглубь и... Честно говоря, я не думал, что в Москве ещё остались такие места! Обширное поле полого спускалось к Сетуни. Со стороны Минской и Волынской улиц оно было отделено полосами лесопосадок. Было тихо, и казалось, что мы, продравшись сквозь густые кусты и выйдя на опушку, очутились в другом мире. В общем, это сложно описать словами, но место действительно произвело на меня впечатление. Потом мы сели в мою Nexia и объехали участки, которые планировалось, наоборот, включить в состав «заказника».

Они располагались в Очаково, километров на пять южнее. На карте всё выглядело отлично: новая территория площадью примерно такая же, имеется несколько прудов и даже протекает речка Наверашка. Но когда мы поездили по этим местам, то в равноценности обмена возникли серьёзные сомнения. Это была промзона. Здесь возвышались остовы бетонных зданий и кучи мусора. Вид портили ряды гаражей-ракушек. На границе участка дымила гигантская ТЭЦ-5. И не нам одним так показалось. «Сама Наверашка и её долина подверглись очень серьёзной трансформации. Они действительно в промзоне. В общем, [участки] неравноценные - это однозначно», - сказала позже в интервью Forbes Галина Морозова, сопредседатель Московской экологической федерации.

Однако что бы там ни говорили экологи, «Интеко» уже вовсю рекламировала свой проект. Замысел действительно грандиозный. Елена Батурина запланировала возвести четыре круглых корпуса футуристического вида под стеклянными куполами. Объём необходимых инвестиций - более $1 млрд. Насколько осложнилась бы реализация проекта, занимайся им не «Интеко», а кто-то другой из числа крупных застройщиков? Сложно сказать. Вольная трактовка московскими строителями вопросов экологии - притча во языцех. Но, копаясь в истории проекта, мы нашли забавный эпизод, который тем не менее вполне показателен и хорошо иллюстрирует отношения города и «Интеко».

Так вот, 1 мая 2005 г. школьники посадили на том самом поле у реки Сетунь около 300 деревьев. «Дубы там были, ясени... Хотели сделать парковую зону. Там место такое - его надо было просто благоустроить», - рассказал Маше Абакумовой, вместе с которой мы делали статью, Владимир Слободян, сотрудник дирекции заказника «Долина реки Сетунь». Однако в октябре 2005 г. деревья выкопали и пересадили.

Почему? Как говорит Слободян, на руководство заказника «надавили» из столичного департамента природопользования, то есть со стороны ведомства, которое, по идее, и должно отвечать за улучшение экологической ситуации в городе. Тут-то и выяснилось, что у участка появился новый владелец - «Интеко». Но вот что характерно. По словам Слободяна, менеджеры компании Батуриной занимали позицию почти нейтральную. «В „Интеко“ нам [по поводу деревьев] сказали - ребята, можете не торопиться. Ещё неизвестно, когда мы выйдем на площадку», - говорил тогда Слободян.

Ну и что, спросите вы? Я скажу так: похоже, «Интеко» действительно не нужно специально предпринимать какие-то меры, чтобы московская бюрократия как минимум не вставляла палки в колёса. Столичные чиновники сами всё понимают. Но этого вполне достаточно. В условиях середины 2000-х, когда золотой дождь больших денег буквально обрушился на тех, кто развивал в Москве девелоперские проекты, чтобы заработать действительно серьёзные деньги, достаточно было, чтобы московские чиновники просто не мешали. А как они могут помешать жене своего начальника?

Впрочем, кое-кто из тех, с кем мы общались в ходе подготовки статьи, был готов подписаться и под более жёсткими высказываниями. Депутат Госдумы и предприниматель, член «золотой сотни» Forbes Александр Лебедев, участвовавший в выборах московского мэра в 2003 г., - один из них. Незадолго до этого он написал спикеру Госдумы Борису Грызлову открытое письмо и разослал его, помимо официального адресата, в СМИ. В нём в числе прочего Лебедев сообщил, что за последние 15 лет «Интеко» стала одним из крупнейших игроков на столичном строительном рынке. Что компанию возглавляет Елена Батурина, жена московского мэра. И что, хотя Юрий Лужков заявляет, что эта фирма не выиграла ни одного муниципального тендера по строительству, он регулярно подписывает документы московского правительства, предоставляющие ЗАО «Интеко» возможность развивать свой бизнес и получать прибыль. Дальше Лебедев привёл длинный, скрупулёзно собранный список всех документов, подписанных Юрием Лужковым, где речь шла о проектах с участием «Интеко». Потом привёл данные Forbes о размерах состояния Елены Батуриной. Его резюме было таково: за 13 лет работы Юрия Лужкова на посту мэра Москвы его жена, действуя на основе подписанных Лужковым документов, заработала $1,4 млрд. 50% этого состояния, по российскому семейному законодательству, принадлежит Лужкову.

А дальше Лебедев написал, что «по сути, мы имеем дело с особым экономическим укладом и новой формой предпринимательской деятельности, которую можно было бы охарактеризовать как государственно-частное семейное партнёрство (ГЧСП)». Эти самые ГСЧП контролируют целые отрасли экономики, особенно на местном уровне. Их существование вызывает «недоумение» у большинства граждан. Затем следует пассаж, который мне лично кажется достаточно любопытным, чтобы процитировать его полностью:

«…Исходя из планов построения правового государства, мы должны придерживаться принципа презумпции невиновности. Никем до сих пор не доказано, что работа многочисленных ГЧСП вредит интересам экономического роста. Напротив - на примере Москвы, если верить заявлениям столичных властей, можно говорить о впечатляющих успехах такого партнёрства для жителей крупнейшего мегаполиса. Мы предлагаем провести в нашей партии серьёзную и основательную дискуссию (возможно - с использованием механизма парламентского расследования), в ходе которой взвесить все плюсы и минусы этой системы хозяйствования.

В случае, если её функционирование будет признано полезным, необходимо разработать и внести в действующее законодательство соответствующие положения, легализующие ГЧСП и регламентирующие их работу. Следует среди прочего предусмотреть равные права всех граждан России при занятии ими должностей на госслужбе создавать ГЧСП. Надо заметить, что мы не будем одиноки в мире, если дадим зелёный свет семейным партнёрствам. ГЧСП характеризуют экономики многих динамично развивающихся государств Африки (Нигерия, Уганда), Латинской Америки (Гаити, Доминиканская республика), Азии (Бруней, Бирма, Непал), а в монархиях Ближнего Востока такие формы хозяйствования являются доминирующими. Кроме того, они нашли широкое применение в бывших республиках СССР, а также в непризнанных государствах - Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской и Нагорно-Карабахской республиках…»

И действительно, реалии таковы, что любое строительство в Москве требует многочисленных согласований с властями. В этом смысле с Лебедевым не поспоришь - всё, что строит Батурина, одобрено Юрием Лужковым.

На открытое письмо Батурина ответила судебным иском, потребовав привлечь Лебедева к ответственности за клевету. Однако депутат-олигарх выступил чрезвычайно грамотно. Я имею в виду, с юридическо-лингвистической точки зрения. Лужков и Батурина пребывали в явном раздражении, но в судебном порядке разобраться с Лебедевым они так и не смогли.

Впрочем, дополнительно к этому Лебедев ничего ценного, что могло бы пригодиться в статье, мне не сообщил. Разве что рассказал о забавном эпизоде, свидетелем которого ему довелось быть. Герман Греф, тогда ещё министр экономического развития, как-то раз затащил Лебедева на приём к архитектору Зурабу Церетелли. Там же были Лужков и Батурина. «У них чуть челюсти не отвалились», - вспоминал Лебедев. Но через полчаса все понемногу привыкли и уже особенно на него внимания не обращали. И тут, по словам Лебедева, Лужков в разговоре с кем-то то ли в шутку, то ли всерьёз заявил: «Ну я не виноват, что у меня такая талантливая жена». На что Батурина в ответ его толкнула локтем и тоже, непонятно, то ли всерьёз, то ли в шутку, громко сказала: «Ты! Нет, скажи! Только ты мне мешаешь! У меня не 3 миллиарда было бы, как пишет

Forbes, а все 15, если бы не ты». Лебедев божился, что случай действительно имел место. И рядом с ним вроде бы как находился Греф, который, если что, слова может подтвердить (скажу сразу - Герману Грефу я не звонил, доказательств от него не требовал). «То есть у них в семье так принято - что она очень талантлива и вынуждена ограничивать свои аппетиты и таланты в бизнесе из-за статуса мужа. Вот так мне впрямую и было сказано. На полном серьёзе», - описал мораль этой истории Лебедев.

Подумав, я готов согласиться. Батурина действительно могла думать (и думает до сих пор), что никакой поддержки ей Лужков, будучи мэром, не оказывал. И его влияние на бизнес «Интеко» главным образом сводилось к тому, что он не давал ввязываться жене в слишком уж сомнительные и ущербные для его репутации проекты. Сам Лужков также, вполне возможно, свято верит в то, что избежал конфликта интересов. Никаких подарков для жены не делал, дармовых земельных участков «Интеко» не отписывал. А вот то, что статус Батуриной как жены мэра обеспечивал «Интеко» режим наибольшего благоприятствования со стороны московской бюрократической машины без всяких дополнительных действий с их стороны, видимо, Лужкову с Батуриной и невдомёк.Собственно, об этом и была наша статья.

А вот то, что статус Батуриной как жены мэра обеспечивал «Интеко» режим наибольшего благоприятствования со стороны московской бюрократической машины без всяких дополнительных действий с их стороны, видимо, Лужкову с Батуриной и невдомёк.

Материал был практически готов, все комментарии собраны и уже верстались полосы. Но оставался ещё один вопрос - мы хотели сделать собственную фотосъёмку Елены Батуриной. Её пресс-служба не говорила ни да, ни нет. Дело было, видимо, в том, что сама Батурина фотографироваться не любит, и её пиарщики не хотели влезать в это дело. Вдруг сделанная нами и опубликованная в журнале фотография Батуриной не понравится? В итоге пресс-служба «Интеко» предложила нашему главному редактору встретиться с Батуриной и самому спросить насчёт фотосъёмки. Максим Кашулинский согласился и взял на встречу ещё и меня. Что было кстати - я хотел всё-таки уточнить у Батуриной насчёт земель в долине реки Сетунь, стопроцентной уверенности у нас тогда ещё не было. Мы с главным редактором и на всякий случай сразу с фотографами подъехали в офис «Интеко». Минут 40 поговорили с Батуриной. Максим задал вопрос насчёт съёмки. Я спросил по поводу земли. Сниматься Батурина отказалась, а нашу информацию о том, что теперь она владеет землями «Матвеевского» на Сетуни, подтвердила. Мы распрощались. Статья была сдана. Дальше разразился грандиозный скандал.

Глава 6. Батурина и СМИ. История побед жены мэра

Так вот, продолжая по поводу «инициативников». Спустя год после конфликта с Forbes Батурина дала интервью «Ведомостям». Обсуждался и наш «инцидент».

Когда я прочитал то, что сказала Батурина, то некоторое время пребывал в недоумении. Зачем человеку врать в ситуации, когда ему ничто не мешает сказать правду? Тем более, когда ложь не имеет никакого практического смысла?

Дословно Батурина утверждала следующее.

«Да не я скандал-то поднимала. Его Forbes поднял. Ситуация была довольно простая. Я получила предложение об интервью. Пришли два сотрудника, один из которых - главный редактор. Терзают меня в общей сложности в течение пяти с лишним часов. Далее я получаю на согласование не своё интервью, а ответ из журнала: знаете, это вообще-то не наш формат, мы вообще-то статью опубликуем. При этом на обложку выносится совершенно не моя фраза. Та, которую я не говорила. Что делать? Наверное, потребовать отменить этот материал, поскольку он не согласован. Ну, если не хотите публиковать интервью - не приходите, не берите интервью. Ройтесь в интернете, сидите в библиотеке, набирайте материал и пишите».

Ага, как же. Я бы поверил. Если бы у меня в ящике стола не лежали кассеты с записью обоих интервью, вместе занявших не более полутора часов. А в папке «Входящие» электронной почты - ответов от пиарщиков «Интеко» с согласованными цитатами Батуриной. Они, естественно, с самого начала были в курсе, что мы пишем свою статью, а не материал в форме «вопрос - ответ».

Я сходил к Максу и предложил ему опубликовать опровержение, подать ради смеха в суд. Но он отмахнулся. Правда, потом я подумал, что, возможно, у Батуриной в голове действительно наше последнее интервью, на которое мы пришли вдвоём с Максимом Кашулинским, могло отложиться как очень долгое мероприятие. Не думаю, что ей часто задают так много неудобных. А её пиарщики могли ей действительно сказать, что договаривались с нами на один вариант, а мы их «кинули» и решили делать собственную статью, а не интервью. И даже могу их понять. Хотя в целом это было просто смешно.

Но в конце ноября 2008 г. нам было не до смеха. Всё началось с того, что анонс декабрьского номера Forbes с Батуриной на обложке был опубликован в русском Newsweek, который в России также издаёт Axel Springer. На обложке был представленный пресс-службой «Интеко» изрядно отфотошопленный «портрет» Батуриной и цитата из её мюнхенского интервью: «Мне гарантирована защита».

<kzrvm006.jpg>

Надо признать, что в реальности сказано было, как я написал чуть

выше, немного по-другому. Но в целом смысл был сохранён. А обложка - это такое дело… Она «продаёт» журнал. Слова цитаты должны хорошо смотреться и ложиться в композицию с изображением. И чем короче фраза, тем в большинстве случаев лучше. Поэтому, вынося какие-то высказывания героев на обложку, мы практически всегда их немного сокращаем. Так сказать, хитрости ремесла. Будь это «разборка» на уровне редакции, скорее всего, мы бы отказались идти на уступки. Однако ходоки от «Интеко» сразу же направились к Регине фон Флеминг. К нам в офис явился вице-президент по внешнеэкономическим связям компании «Интеко» Илья Парнышков, который продемонстрировал Регине уже составленное исковое заявление, содержащее требование в качестве обеспечительной меры ареста тиража и запрета публикации статьи в интернете. Она решила подстраховаться. Цитата была изменена на «Мне как инвестору гарантирована защита». Благо такое высказывание Батуриной её пресс-служба уже согласовала для статьи.

Но дело этим не кончилось. Уж не знаю как, но у «интековцев» оказались распечатки свёрстанных полос журнала со статьёй. Они были в ярости. Тон статьи им категорически не понравился. Что дальше происходило между Региной и Максимом с одной стороны и «Интеко» с другой, честно говоря, в деталях не знаю. Но, насколько я понял, «батуринцы» начали практически сразу угрожать исками. И, видимо, ещё чем-то. У меня есть предположения на этот счёт, но, чтобы не давать Батуриной оснований для подачи иска ещё и по этой книге, оставлю их при себе. Регина практически сразу подключила к переговорам с «Интеко» адвоката Александра Добровинского. Общение с разъярёнными «интековцами» пошло через него. Одновременно наш директор поставил в известность о сложившейся ситуации Берлин. Какое-то время немцы думали. Затем Регина сказала нам, что в штаб-квартире решили статью притормозить, отложив публикацию на следующий номер. Вроде бы для того, чтобы уточнить фактуру и степень юридических рисков.

Всё это мы обсуждали в кабинете у Регины. Был Леонид Парфёнов (он тогда был главным редактором Newsweek), Максим, два его заместителя и я. О чём шла речь, пересказывать долго, но если коротко - то с Региной, которая нам сообщила о решении начальства, никто не согласился.

Главный аргумент был такой: если какая-то жена мэра (даже не страшные «чекисты» из числа друзей Владимира Владимировича) может несколькими звонками и угрозой судебного иска снять публикацию из номера, то чем мы здесь тогда занимаемся?

После этого «толковища», я, честно говоря, в нашем издателе немного разочаровался. Собрал все документы, которые были важны для статьи, кассеты с записями и забрал их с собой. У меня было понимание, что опубликовать статью всё равно надо. И если это будет не Forbes, значит, другое издание. Оставаться работать в журнале, где материал могут снять всего лишь по простому звонку ньюсмейкера, смысла не было. Хотя, конечно, мне дали охрану…

Тем временем подготовку тиража затормозили. Начали печатать

новый. По ходу дела выяснилось, что просто так порезать старый тираж не удастся. В декабрьском номере Forbes должно было выйти приложение Forbes Style. Это фактически отдельный журнал (и добавлю - до отказа набитый рекламой), просто упакованный в одну целлофановую обёртку вместе с Forbes. Так вот, теперь эту обёртку надо было вручную рвать, вынимать Forbes Style. И так более 100 000 раз, по количеству журналов в тираже. Потом снова запаковывать уже с новой версией декабрьского номера нашего основного издания. В нём вместо заметки о Батуриной решено было поставить перевод из американского Forbes.

Тут, чтобы было понятно, о чём пойдёт речь дальше, надо сказать пару слов о том, кто и как делает Forbes в России.

Вообще-то правами на издание СМИ с таким названием во всём мире владеет американская частная компания Forbes Inc., которая принадлежит семье миллиардеров Форбс. Форбсы, в свою очередь, продают издательским компаниям лицензию на выпуск журнала в других странах. В России (а также в Польше) такой лицензией владеет Axel Springer. Немцы полностью решают коммерческие вопросы. Однако по поводу контента, которым заполняется журнал, у американцев, согласно условиям лицензионного соглашения, право голоса имеется. Когда скандал выплеснулся в газеты, они своим правом воспользовались.

Случилось это после того, как декабрьский Forbes не появился в назначенный день на прилавках - возня с распаковкой-запаковкой сильно удлинила выпуск нового тиража. Слухи о том, что у нас какие-то проблемы с Батуриной, уже ходили по рынку. Российскому офису Axel Springer пришлось выступить с официальным заявлением. В нём сообщалось, что подготовка тиража декабрьского номера приостановлена из-за проблем с главным материалом. «В случае с cover story журнала Forbes не были соблюдены принципы журналистской этики… В интервью корреспонденту Forbes г-жа Батурина сказала буквально следующее: „Мне, как и любому инвестору, гарантирована защита моих прав“. Часть фразы, вынесенная на обложку, вводит в заблуждение читателей издания, так как не была произнесена самой г-жой Батуриной…» - было написано в нашем пресс-релизе.

Слухи о том, что у нас какие-то проблемы с Батуриной, уже ходили по рынку. Российскому офису Axel Springer пришлось выступить с официальным заявлением. В нём сообщалось, что подготовка тиража декабрьского номера приостановлена из-за проблем с главным материалом.

Естественно, на следующий день о том, что «Батурина пустила Forbes под нож», сообщили все газеты. Писали, что отпечатанный тираж уничтожен, что на тот момент было неправдой. Максим Кашулинский давал одно интервью за другим, объясняя, что на обложке подготовленного к печати номера фраза из интервью поправлена и что у Батуриной претензии в целом к статье, её направленности и тону. В числе прочего Максим заявил, что уволится, если в итоге статью снимут и декабрьский номер журнала выйдет без Батуриной.Через день о нашей

войне с женой московского мэра написал уже The Wall Street Journal. В американском Forbes поняли, что ситуация вышла из-под контроля. Они о чём-то поговорили с нашими немецкими боссами, которые как раз тогда были в Нью-Йорке, и вместе приняли решение тираж не уничтожать, а выпустить вместе с «батуринской» статьёй и её «исправленной» цитатой на обложке. Журнал вышел. Был сметён с прилавков в течение нескольких дней. Несколько раз пришлось допечатывать тираж. Ну а Батурина подала против нас несколько исков.

Вообще хозяйка «Интеко» всегда любила судиться с журналистами. Вероятно, потому, что почти всегда выигрывала.

Первый из исков Батуриной к СМИ был подан ещё в 1997 г., когда «Новая газета» опубликовала невнятный, на мой взгляд, материал о том, что «Интеко» Батуриной якобы получает какие-то деньги от построенного при поддержке московских властей пивоваренного завода. Батурина подала иск, его выиграла, и «Новая газета» опубликовала опровержение.

Затем была череда исков против Сергея Доренко. Почти все они были выиграны. Что неудивительно, документов о наличии у Батуриной дорогой квартиры в Нью-Йорке Доренко предоставить не смог. Точно так же он не смог предъявить судьям дорогого жеребца из Германии, якобы присланного в подарок московскому мэру и его жене.

Ранние иски «Интеко» к СМИ ещё можно понять. В подавляющем большинстве случаев в них шла речь об опровержении информации, реально не соответствующей действительности. Но вот после того, как «Интеко» занялась серьёзным бизнесом и стала заметным игроком на нескольких крупных рынках, Батурина, похоже, поставила себе задачу вовсе запретить журналистам писать о том, что её муж является мэром Москвы. Показательна в этом смысле история с колонкой Эльмара Муртазаева, опубликованной в «Ведомостях» в 2003 г. Эльмар, бывший на тот момент заместителем главного редактора журнала «Компания», сформулировал очевидное для многих логическое построение. Во-первых, Елена Батурина, являясь главой компании «Интеко» и одновременно супругой московского мэра, развернула экспансию на столичном рынке недвижимости. Во-вторых, залогом успеха в этом деле является лояльность московских чиновников. Они способны «похоронить» любой проект. Однако Батурина, поделился своими наблюдениями Муртазаев, с лёгкостью решала проблемы, которые для других участников рынка казались неподъёмными. «Московская бюрократия, похоже, делает для Батуриной приятное исключение», - написал Эльмар.

Но вот после того, как «Интеко» занялась серьёзным бизнесом и стала заметным игроком на нескольких крупных рынках, Батурина, похоже, поставила себе задачу вовсе запретить журналистам писать о том, что её муж является мэром Москвы. Показательна в этом смысле история с колонкой Эльмара Муртазаева, опубликованной в «Ведомостях» в 2003 г.

Этого было достаточно. Батурина подала на «Ведомости» и автора

колонки в суд. «Читатели воспринимают весь текст как факт использования мной в бизнесе положения жены московского мэра в корыстных целях», - написала Батурина в исковом заявлении. При этом она ссылалась на экспертную оценку, проведённую доктором филологических наук профессором Еленой Борисовой. Но всё дело в том, что факты в своей колонке Муртазаев приводил совсем другие - про покупку ДСК-3, участие в застройке Ходынки. А вот о связи успехов Батуриной в бизнесе с её семейным положением Муртазаев высказал лишь своё мнение. На которое, согласно российской конституции, вполне имеет право. Головинский районный суд, впрочем, вдаваться в филологические тонкости не стал и принял решение обязать «Ведомости» опубликовать опровержение. Всё это выглядело просто смешно. Непонятно, чего хотела этим добиться Батурина, но в реальности получалось, что тема бизнеса жены московского мэра становилась всё более и более обсуждаемой.

В нашем случае «Интеко» подала несколько исков к Axel Springer, Максиму Кашулинскому, Маше Абакумовой, с которой мы вместе писали статью, и мне.

Максиму вменили в вину его интервью на «Эхо Москвы», где он заявил, что «Интеко» занимается цензурой. «Кейс» Кашулинского для суда оказался самым простым. В российском законодательстве цензурой называется вмешательство государства в дела СМИ. А раз «Интеко» не является государственной организацией, значит, и цензуры не было. Максим выплатил Батуриной 110 тыс. руб.

Нас с Машей и Axel Springer «Интеко» засудила по другим статьям. Юристы Батуриной изучили текст и потребовали от нас опровержения нескольких на самом деле абсолютно не важных для статьи фраз, которые, согласно филологической экспертизе, порочили честь и достоинство Батуриной. Вот одна из них: «…Но „Интеко“ не получает от города откровенных „подарков“ в виде земельных участков или подрядов на льготных условиях. Батурина действует аккуратнее». Без этой фразы статья вполне могла бы обойтись. На самом деле я её написал в качестве «связки» соседних главок и специального значения ей не придавал. И тем не менее её анализу в экспертизе уделена целая страница.

С какой-то нечеловеческой серьёзностью два несчастных предложения обсасывают и с одной и с другой стороны. Это действительно смешно. Я не могу удержаться, чтобы не привести кусок из этого заключения. Оно того стоит.

Предложение «Но „Интеко“ не получает от города откровенных „подарков“ в виде земельных участков или подрядов на льготных условиях. Батурина действует аккуратнее» содержит сведения о том, что ЗАО «Интеко» получает от города преимущества благодаря более осторожным действиям Батуриной, чем получение откровенных подарков.

Эта информация выражена при помощи риторического приёма противопоставления конструкции с наречием в сравнительной степени

«аккуратнее» и конструкции с прилагательным «откровенный» в сочетании с существительным «подарки», употреблённым в переносном смысле, на что указывает его постановка в кавычки. В рассматриваемом предложении содержится отрицание получения компанией ЗАО «Интеко» нескрываемых дарованных земельных участков (авторы экспертизы сами не в ладах с русским языком, или мне показалось? - М.К.) или подрядов на льготных условиях, что противопоставляется действиям Батуриной, которая, как сказано: «действует аккуратнее» (то есть тщательнее, осторожнее) и, как уже известно из предшествующих абзацев, является руководителем ЗАО «Интеко» и супругой мэра города.

Тем самым читатель подводится к выводу о том, что благодаря действиям своего руководителя ЗАО «Интеко» получает от городских властей скрытые преимущества для своей деятельности, но это не откровенные подарки в виде (в оригинале экспертизы предлог «в» пропущен. - М.К.) земельных участков и подрядов на льготных условиях. В контексте всей статьи в целом читатель получает информацию о том, что компания ЗАО «Интеко» получает скрытые преимущества от властей (с этого и надо было начинать, и даже этим бы и ограничиться; им не понравился контекст, вот в чём дело. - М.К.). Информация о том, что частная компания благодаря семейному положению своего руководителя имеет в отношениях с представителями властных структур скрытые преимущества, благоприятствующие её предпринимательской деятельности, в условиях хозяйствования на принципах равенства перед законом, не может восприниматься со стороны контрагентов, партнёров и иных хозяйствующих субъектов иначе как негативно (здесь я не согласен уже по существу, в действительности всё как раз наоборот. - М.К.), поскольку содержит сведения о неодобряемых действиях и фактах в обществе, где действует принцип равенства всех перед законом, действиях, используемых для получения преимуществ в бизнесе.

Таким образом, сведения «„Интеко“ не получает от города откровенных „подарков“ в виде земельных участков или подрядов на льготных условиях. Батурина действует аккуратнее» в контексте всей статьи в целом носят негативный характер, что следует из смыслового содержания исследуемого предложения, для построения которого использован риторический приём контрастивного (такого слова я до сих пор не знал! - М.К.) противопоставления семантики двух конструкций: не получает откровенных «подарков» и «действует аккуратнее».

И дальше в таком духе. Не знаю, как вам, но мне это показалось каким-то почти случайным нагромождением слов. Смысл всей этой писанины можно было бы уместить в одном предложении - контекст статьи заключается в том, что Батурина получает преференции от города.

Но в том-то и дело, что мы написали совсем другое. И это уже не говоря о каком-то диком количестве опечаток в документе, составленном вроде бы профессиональными филологами. Чего стоит только фраза «получение ЗАО „Интеко“ нескрываемых дарованных земельных участков».

Вы хотите знать, кто эти эксперты, составившие заключение? Пожалуйста! Профессор Московской государственной юридической академии Елена Галяшина, профессор Государственного института русского языка им. Пушкина Александр Мамонтов и профессор Российского университета дружбы народов Галина Трофимова. Два первых эксперта при этом являются соответственно академиком и членом-корреспондентом Российской академии естественных наук, иначе РАЕН. РАЕН, если кто не в курсе, - это учреждение, которое пытается быть похожим на Российскую академию наук, но таковым, мягко говоря, не является. В академики РАЕН в разное время пробились такие известные люди, как автор «альтернативной истории» Анатолий Фоменко, изобретатель принципиально нового способа очистки воды Владимир Петрик, экстрасенс Георгий Грабовой (был исключён после того, как его посадили) и др.

Адвокаты Axel Springer предлагали провести экспертизу с участием других специалистов, но суд их доводы отмёл. С нас, как авторов заметки, Батурина потребовала 71 тыс. руб. и 35,5 тыс. руб. Столько же - с издательства. Иск был удовлетворён в судах нескольких инстанций, и нам пришлось опубликовать опровержение. Вот его текст.

Во исполнение постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2008 года по делу А40-5230/07-67-55 ЗАО «Аксель Шпрингер Раша» сообщает, что опубликованные в декабрьском номере журнала Forbes за 2006 год в статье Михаила Козырева и Марии Абакумовой «Моя Москва» следующие сведения не соответствуют действительности и порочат деловую репутацию ЗАО «Интеко»:

- «„Интеко“ не получает от города откровенных „подарков“ в виде земельных участков или подрядов на льготных условиях - Батурина действует аккуратнее».

- «Почему строители охотно берут Батурину в партнёры? О том, что это помогает „утрясать“ проблемы с согласованием проектов, никто официально не скажет».

Честно говоря, прежде чем такое опубликовать, мы некоторое время ломали голову. Что именно надо опровергнуть? Что «Батурина действует аккуратнее», то есть «неаккуратно»? Или что «никто не скажет», иными словами, написать, что «все говорят»?

Решили опубликовать дословно решение суда.

В общем, это было бы смешно, если бы произошло с кем-то другим. Но с московскими судами и судьями, в буквальном смысле сидевшими на зарплате у Лужкова (то есть зависящими от городского бюджета), всем было всё ясно. Судиться с Батуриной до бесконечности (то есть до Европейского суда по правам человека включительно) Axel Springer счёл нецелесообразным.

Коллекция выигранных Батуриной дел против СМИ пополнилась ещё одним «скальпом».

Не знаю, зачем вся эта история с судами нужна была Батуриной. Общественное мнение изменить таким образом «Интеко» не смогла. Ну а если говорить по сути - то да, моё мнение заключается в том, что Батуриной помогало её положение жены мэра. И эта помощь выражалась не в земельных участках и чрезвычайно льготных подрядах, а в режиме наибольшего благоприятствования, которым пользовались проекты Батуриной у чиновников московской администрации. И это моё мнение опирается на факты, которые у нас были по итогам сбора материала для статьи. Хотите судиться? Опровергните факт. Докажите, что наш собеседник в заказнике «Долина реки Сетунь» врёт. И что никто ему из департамента природоохраны не звонил и не требовал убрать незаконные насаждения с участка земли, зарезервированного для жены московского мэра. Ну а что касается «откровенных “подарков”»… Посмотрим ещё. То, что мы их не нашли, ещё не означает, что их не найдёт следствие. А после скандальной отставки Юрия Лужкова за «Интеко», похоже, взялись всерьёз.

Но вернёмся на два года назад. Опровержение мы опубликовали в феврале 2008 г. К тому времени империю «Интеко» уже сотрясал другой скандал.

Глава 7. Золотые годы «Интеко». Большие деньги и разрыв с братом

В отношении всякой компании, принадлежащей в равных долях двум владельцам, рано или поздно возникает вопрос - кто же главный? Им задаются не только сторонние наблюдатели, но и, что более трагично для компании, сами владельцы.

Окончательное прояснение этого вопроса, как правило, приводит к «разводу» партнёров. В некоторых случаях, например, как у Владимира Потанина с Михаилом Прохоровым, расставание может растянуться на годы бесконечных судебных процессов. У Батуриных раздел совместного бизнеса произошёл гораздо быстрее. По крайней мере, та часть процесса расставания, где стороны действовали посредством судебных исков.

Но скандал тем не менее вышел громкий. И это главное, чем мне лично запомнилась «Интеко» в период с момента завершения нашей с Батуриной судебной тяжбы и до начала кризиса 2008 г.

Сложно сказать, когда между Виктором и Еленой Батуриными пробежала кошка. Складывается впечатление, что они всегда друг друга недолюбливали. Младшая сестра к своему брату относилась как к человеку легкомысленному, неуправляемому, при этом чрезмерно амбициозному. И Виктор Батурин это, естественно, понимал.

«На свадьбу сестра меня не пригласила, - пишет он в своих воспоминаниях. - Как я потом узнал, она „боялась, что я могу что-нибудь ляпнуть или что-нибудь сделать, чем, возможно, её скомпрометирую“». Видимо, не испытывал к шурину большой приязни и Юрий Лужков. С

самого начала их знакомства Батурин повёл себя высокомерно.

Обратимся вновь к воспоминаниям Батурина.

«Я до этого (имеется в виду до самого начала 90-х - М.К.) с 15 лет проработал в „оборонке“. Видел очень знаменитых людей… академика Велихова, великих лётчиков-испытателей Коккинаки и Ильюшина, генерального конструктора Симонова. И, конечно, к должности Лужкова, а он тогда возглавлял Мосагропром, занимался овощными базами и кооперативами, относился… снисходительно».

И, естественно, Виктор Батурин был уязвлён тем, что практически сразу после рождения первого ребёнка Елена Батурина настояла на том, чтобы их мать жила с ней, на государственной даче. До какого-то момента Виктор Батурин на правах родственника ещё бывал дома у Лужкова. Но со временем его присутствие в семье московского мэра становилось всё более нежелательным. «Я, конечно, бывал у них (Лужкова с Батуриной. - М.К.) дома и, могу сказать откровенно, всегда старался оттуда побыстрее смыться, потому что понимаешь, что терпят тебя здесь только из “этикета”. Всё-таки какой-никой, а родственник», - вспоминает теперь Батурин. Где-то года с 2005-го он и вовсе перестал бывать у сестры. «Там теперь считают, что я перед ними провинился, рассказывают своим гостям, какой я плохой и неблагодарный», - говорит Виктор Батурин. Со своей мамой ему теперь приходилось видеться, лишь когда сестра и её муж в отъезде.

Но что стало последней каплей? Существует версия, что реальной причиной окончательного охлаждения в отношениях Елены и Виктора Батуриных стала женитьба последнего на косметологе из Сочи Яне Рудковской. В семье мэра Москвы Рудковскую не приняли, сочтя слишком вульгарной. Кроме того, Батурину возмутило, как брат поступил со своей первой женой, с которой Елена находится в дружеских отношениях. Как утверждал один из моих собеседников, именно с этим обстоятельством было связано первое сокращение доли Виктора Батурина в капитале «Интеко» с 50 до 25% в конце 90-х годов. Вроде бы Елена Батурина настояла, чтобы брат в ходе развода отдал половину своей доли бывшей жене. А затем сама и выкупила эти акции. Ну а примерно в 2002 г. Елена Батурина переписала на себя ещё 24% акций «Интеко», оставив брату всего 1%.

Но всё же остаётся вопрос - кто из Батуриных на самом деле построил «Интеко»? Когда я говорил с Виктором Батуриным относительно возможности использования его неопубликованных воспоминаний в этой книге, я, естественно, спросил, не хочет ли он встретиться, рассказать об истории бизнеса «Интеко». Батурин отказался. Его позиция сводилась к тому, что книгу на эту тему может написать только он. Мол, всё остальное будет всего лишь «лубок». Что же, каждый человек имеет право на своё мнение. Но между делом я всё-таки задал ему несколько вопросов. В том числе и о том, какова была его роль в управлении «Интеко». Он ответил в том смысле, что «Интеко» на протяжении более 15 лет существовала исключительно под его руководством. Буквально Батурин заявил, что «эту

компанию делал я», а «Лена и Лужков» дел там не касались года до 2006-го.

Примерно то же Батурин говорил и в интервью «Ведомостям». С его слов выходило, что примерно до 1999 г. Елена решала в «Интеко» исключительно организационные вопросы: снять офис, договориться с банком о размещении счетов. «Она была женой Лужкова, а я жил только благодаря “Интеко”», - утверждает Батурин. Первый раз вплотную заняться делами семейной компании Елене Батуриной пришлось, когда брат занял должность премьер-министра правительства Калмыкии и физически не мог уделять много времени «Интеко». Однако всерьёз к бизнесу Батурина и её муж Юрий Лужков стали, со слов Виктора Батурина, относиться после того как были куплены цементные заводы и ДСК-3. Появился «первый миллиард и неподдельный интерес Елены Николаевны к компании», ёрничал Батурин.

Впрочем, это его точка зрения. Елена Батурина, в отличие от брата, не склонна предавать огласке внутреннюю кухню семейного бизнеса. Однако, когда я брал у неё интервью для Forbes, всё поведение Батуриной, её реакция на вопросы и манера на них отвечать свидетельствовали, что только она, и никто другой, принимает решения в «Интеко». Да и будь по-другому, ей не удалось бы так запросто «списать» с брата 50% акций «Интеко». Наконец, то, что именно Елена Батурина была настоящим «архитектором» и «главным прорабом» успеха бизнеса «Интеко», показало будущее. То, как шли дела у сестры и брата Батуриных после раздела семейного бизнеса.

Какое-то время Батурины ещё могли сосуществовать друг с другом в одной компании, но напряжение нарастало.

«Мы и раньше особо не общались, кроме как по работе. Люди так устроены, что когда они становятся совершеннолетними, то ведут самостоятельный образ жизни. У неё есть муж, дети, у меня есть жена, дети. Но мы же, в конце концов, не дерёмся, не предпринимаем никаких действий, которые не входят в моральный кодекс», - описывал отношения с сестрой Виктор Батурин в 2007 г. в интервью «Ведомостям», когда его конфликт с Еленой Батуриной стал общеизвестным.

Нарыв вскрылся в начале 2006-го. Конфликт между Еленой и Виктором Батуриными стал публичным, когда «Интеко» разослала пресс-релиз, в котором сообщила об уходе Виктора Батурина с поста вице-президента компании. Официальные причины этого шага названы не были. В марте того же года появилась информация, что брат и сестра заняты разделом совместного бизнеса. В официальном сообщении «Интеко» говорилось, что акционеры ЗАО на внеочередном собрании 17 марта 2006 г. приняли решение о выкупе акций у Виктора Батурина. 1% его акций был оценён для выкупа в 552 млн рублей или примерно $20 млн. Батурин счёл, что эта сумма слишком мала.

В декабре того же года он перевёл общение с сестрой на язык судебных исков. «О своём увольнении из „Интеко“ я узнал из прессы, при

этом никакого заявления об уходе по собственному желанию я не подавал. Не получив никаких разъяснений, ни документов о моём увольнении, я не имел иного выхода, как обратиться в суд», - заявил Батурин в интервью «Коммерсанту». В иске он потребовал восстановления в должности вице-президента ЗАО «Интеко», которую Батурин занимал до 27 декабря 2005 г. Но это была лишь формальность. На самом деле шурин Лужкова хотел получить «кэш» и свою долю в активах. В интервью он утверждал, что только на счетах «Интеко» осталось несколько сот миллионов долларов его личных денег. На переговорах с сестрой Батурин, наверное, называл и большие суммы отступных. Он настаивал теперь, что реальная стоимость «Интеко» превышает $4 млрд, а значит, его 25% должны стоить, ни много ни мало, $1 млрд.

В первой инстанции, Тверском районном суде Москвы, Батурин проиграл. Суд отклонил его иск к «Интеко», обосновав своё решение «истечением срока давности» - Батурин подал иск спустя более чем год с момента увольнения. Экс вице-президент «Интеко» тогда во всеуслышание заявил, что на суд оказывалось давление со стороны московских властей. «Было видно, что и судьи, и прокурор страшно перепуганы. Мне даже не объяснили, почему были отклонены все мои ходатайства, в том числе о проведении экспертизы почерка, которым было написано якобы моё заявление об увольнении, и просьба вызвать в суд в качестве свидетелей Елену Николаевну и главного бухгалтера „Интеко“», - рассказывал он журналистам. Батурин громогласно обещал искать справедливости в судах федеральной юрисдикции, свободных от давления Юрия Лужкова. Кроме того, Батурин не просто намекал, а впрямую говорил о том, что мэр Москвы не только в курсе дел бизнеса своей жены, но имеет решающий голос на семейных советах по вопросам тактики и стратегии «Интеко».

Батурина ответила серией исков к брату на общую сумму примерно в $12 млн. Однако вскоре хозяйка «Интеко» осознала: чем «выносить сор из избы», дешевле купить молчание брата. И уже в середине февраля 2007 года Виктор и Елена Батурины заключили мировое соглашение. «Стороны отказались от всех взаимных имущественных и иных претензий к юридическим лицам, по отношению к которым они являются аффилированными лицами, акционерами, участниками или пайщиками», - заявил по этому поводу Геннадий Теребков, пресс-секретарь «Интеко». «Я спокоен, потому что теперь существует документ, согласно которому мы друг другу ничего не должны. Я доволен, поскольку дополнительно получаю десятки, если не сотни миллионов долларов», - с чувством удовлетворения, как от хорошо выполненной работы, рассказывал корреспонденту «Коммерсанта» Батурин. Он сообщил, что накануне ему позвонил их некий общий знакомый, который и изложил условия примирения с сестрой. В обмен на то, что Батурин снимает все свои претензии к сестре и ЗАО «Интеко» и отзывает все свои иски, Батурина в качестве ответного шага предлагала отозвать свои, а активы, которые передавались Батурину, очистить от обязательств перед «Интеко». «Елена Николаевна согласилась с предложенными условиями, и я, в свою

очередь, не собираюсь обжаловать подписанное мировое соглашение», - заявил Батурин.

По итогам раздела имущества с сестрой Батурину отошёл весь сельхозбизнес (к тому времени более 200 тыс. га на только в Белгородской, но и в других областях), британская Shelborne Reynolds (производство сельхозтехники), строительные активы и недвижимость в Сочи, несколько сервисных и девелоперских компаний. Суммарный оборот своих компаний Виктор Батурин оценил в $500 млн. А стоимость активов - $250-300 млн. Откупиться от брата Батуриной обошлось недёшево. Впрочем, деньги Виктору Батурину впрок не пошли. В течение ближайших нескольких лет он набрал кредитов и в кризис 2008 г. был вынужден расстаться с большей частью своих активов. Этого, впрочем, не хватило, чтобы удовлетворить претензии банков и Яны Рудковской, с которой Батурин скандально развёлся в том же 2008-м. Сумма долгов Батурина сегодня превышает $53 млн. Судебные приставы арестовали его квартиру в центре Москвы, коттедж в Барвихе и коллекцию предметов наполеоновской эпохи (Батурин всерьёз занимался её пополнением и даже утверждал, что владеет одной из треуголок императора Франции). Предпринимателю, как злостному неплательщику по долгам, был запрещён выезд за пределы Российской Федерации. У «Интеко» Елены Батуриной дела шли не в пример лучше.

Переутвердят Лужкова в его должности или не переутвердят? Этот вопрос сохранял актуальность весь 2006 г. Интрига получила развязку лишь в последний момент.

В июне 2007 г. Владимир Путин отправил в Московскую городскую думу представление о наделении Юрия Лужкова полномочиями мэра Москвы. 32 депутата из 35 проголосовали «за». Лужков сохранил своё кресло. Но в самом статусе мэра произошло серьёзное изменение.

Если раньше это был в большей мере политик, избранный населением на прямых выборах, то теперь - всего лишь чиновник, хоть и высокопоставленный. Да, существует формальная процедура, при которой предложенные президентом кандидатуры утверждаются региональными законодателями. Но мы же понимаем - это фикция.

Так вот, Лужков стал обычным назначенцем. На его месте мог оказаться любой из питерских «хороших знакомых» Владимира Путина. Однако перед верхушкой российской власти тогда стояла другая глобальная задача - обеспечить плавный ход операции «Преемник». Как известно, в её ходе Дмитрий Медведев, до того времени практически не известный широкой общественности аппаратчик, был выдвинут Кремлём в кандидаты, а затем и избран президентом России. В Лужкове нынешняя российская власть инстинктивно чувствует чужака, пришельца из тех времён, когда умение общаться с народом на одном языке и талант публичного политика ещё что-то значили. Однако в 2007 г. московского мэра решили до времени не трогать.

Для бизнеса Елены Батуриной это означало ещё три года спокойной

жизни и активного развития проектов в столице.

В 2007 г., сразу после переутверждения Юрия Лужкова мэром Москвы, «Интеко» получила нормативную базу для освоения бывших земель совхоза «Матвеевское» на западе столицы. Первым, в марте 2007-го, вышло постановление правительства Москвы «О реорганизации производственной территории в границах: улица Лобачевского - Киевское направление Московской железной дороги - Мичуринский проспект и строительстве на их месте жилого района». Одна из «дочек» «Интеко» - ООО «Территориальная дирекция „Раменская“» - назначалась заказчиком на разработку градостроительной документации и ответственным за привлечение финансирования, необходимого для освоения около 100 га земель будущего микрорайона. Из них по праву собственности ТД «Раменская» принадлежало около 60 га. Всего здесь Батурина планирует построить 350-400 тыс. кв. м жилья.

Спустя неделю столичное правительство обнародовало ещё один документ, наделявший «Интеко» правом развития городских территорий, на этот раз на хорошо знакомой Батуриной площадке Ходынского поля. Власти окончательно определили параметры застройки этой территории, где «Интеко» уже достраивала жилой комплекс «Гранд-Парк». В дополнение к нему Батуриной было разрешено построить офисный комплекс с апартаментами обшей площадью 204 тыс. кв. м и гостинично-офисный комплекс площадью 196 тыс. кв. м. Построить всё это «Интеко» планировала в 2009-2011 гг., объём необходимых инвестиций - $600 млн.

Наконец, третьим за месяц документом правительства Москвы, посвящённым проектам «Интеко», Елене Батуриной согласовали застройку примерно 48 га на пересечении Минской улицы и киевского направления Московской железной дороги. Это тоже бывшая земля «Матвеевского». «Интеко» добилась права построить здесь в 2008-2013 гг. около 300 тыс. кв. м жилья стоимостью $450 млн. Стоимость строительства нового комплекса «Интеко» эксперты оценили в $1500 за 1 кв. м, а продажную стоимость квартир - минимум в $7000 за «квадрат».

Спустя полтора года, в самом конце 2008-го, вышло распоряжение Юрия Лужкова о проектировании и строительстве многофункционального комплекса «Сетунь-Хиллс» на том самом поле, спускающемся к речке Сетунь и некогда входившем в состав природного заказника. Общая площадь объекта - около 730 тыс. кв. м. Таким образом, за два года Батурина вывела в Москве на этап начала строительства объекты площадью более 1,7 млн кв. м жилой и коммерческой недвижимости. К этому стоит добавить около 400 тыс. «квадратов» жилья в Краснодаре и 370 тыс. - в Ростове-на-Дону. И это не считая более мелких девелоперских проектов в Москве и других регионах. С таким «портфелем» можно было чувствовать себя уверенно.

В начале 2007 г. Батурина также заявила о планах вернуться в большой цементный бизнес. Ещё в 2006-м жена московского мэра купила два небольших завода в Краснодарском крае. Теперь «Интеко» объявила о намерениях нарастить цементные мощности до 25 млн т в год. Для

сравнения: «Евроцемент», крупнейшая российская цементная компания, которой Батурина продала в 2005-м свои заводы, в 2006 г. произвела 22,5 млн т (42% всего российского производства цемента). В случае реализации планов «Интеко» выходила минимум на второе место в России по производству цемента.

Батурина собиралась реконструировать купленные ею «Атакайцемент» (600 тыс. т в год) и Верхнебаканский завод (270 тыс. т в год), а также построить новые мощности. Кроме того, «Интеко» нацелилась на покупку месторождений сырья для производства цемента в центральных регионах. Всего в цементный бизнес Батурина запланировала до 2015 г. вложить более $3,5 млрд. Проект был свёрстан исходя из прогнозируемого роста спроса на цемент в связи с реализацией национального проекта «Доступное жильё». Чего здесь было больше - бизнеса или желания проявить себя в курируемых будущим президентом Дмитрием Медведевым проектах? Наверное, и то, и другое.Сегодня из громадья заявленных «Интеко» планов по строительству новых заводов ни один проект не реализован. «Интеко» успела лишь подобрать площадку в Венёвском районе Тульской области. Строительство начнётся не раньше 2011 г., на первом этапе будет построена линия по выпуску 2,2-2,5 млн т цемента в год. Производство на краснодарских цементных заводах остаётся на том же уровне, что и на момент их покупки «Интеко».

Однако летом 2008 г., накануне кризиса, империя Батуриной казалась несокрушимой, а перспективы её дальнейшего развития - блестящими. Девелоперские проекты планомерно развивались. Задумка Батуриной переквалифицироваться в рантье и собственника коммерческой недвижимости воплощалась в жизнь. «Интеко» обзавелась строительными подразделениями в Петербурге, Ростове-на-Дону и некоторых других региональных центрах, что, как надеялась Батурина, позволит собрать сливки с растущих местных рынков недвижимости. Наконец, у Батуриной оставались крупные пакеты акций «Газпрома» (около 0,4%, или около $1,2 млрд на начало июня 2008 г.) и «Сбербанка» (около 1%, $700 млн). Позиции Лужкова в Москве казались прочными, почему бы не наслаждаться жизнью?

Ещё в 90-х годах имя Елены Батуриной начало ассоциироваться с «аристократическими» видами досуга. Первым было увлечение верховой ездой.

Началось с того, что в 1994 г. президент Кабардино-Балкарии Валерий Коков подарил Юрию Лужкову жеребца-«кабардинца». Мэр отдал его на ипподром. Потом в качества подарка столичный градоначальник получил ещё двух русских рысаков.

«Когда лошадей стало три, я подумала, что, наверное, стоит попробовать заняться конным спортом. Лошади мне нравились всегда. Будучи в пионерлагере в Голицыно, я с нетерпением ждала поездок в Таманскую дивизию, в конный полк. Так получилось, что я как-то сразу села в седло и поехала», - рассказывала в одном из ранних интервью Елена Батурина о начале своего увлечения лошадьми.

Вскоре при правительстве Москвы был создан спортивный клуб, где конный спорт стал одним из главных направлений. У семьи мэра в конюшне клуба стояли собственные лошади - две у Батуриной, одна у Лужкова и несколько пони для детей. Каждое воскресенье всё семейство выезжало на конную прогулку. Сама Батурина занималась ездой чаще, по три-четыре раза в неделю. Увлеклась конкуром и даже брала препятствия высотой 100-110 см. Это конечно, не уровень профессионалов, но для любителя - вполне солидный результат. Когда у «Интеко» завелись большие деньги, Батурина купила целый конный завод в Калининградской области. В течение шести лет, вплоть до 2005 г., жена Лужкова возглавляла Национальную федерацию конного спорта. Однако затем Батурина с лошадьми завязала. «Честно говоря, я не езжу сейчас верхом», - заявила Елена Батурина в своём интервью Forbes в 2006 г. Езду верхом в качестве главного хобби вытеснил гольф.

Как и в случае с верховой ездой, Батурина приложила немало усердия, осваивая новый вид отдыха. Она часто выходит на поле. Играет как в России, так и за рубежом, предпочитая гольф-поля в Испании. Уровень мастерства Батуриной позволяет ей соревноваться на равных с «продвинутыми любителями» - участниками гольф-турниров, которые проводятся в Москве. На турнирах Московского городского гольф-клуба жена столичного мэра регулярно попадает в десятку лучших из числа сорока-пятидесяти участников, которых обычно собирает это мероприятие. Мог ли Юрий Лужков не поддержать свою жену в её увлечении? Московское правительство приняло амбициозную программу строительства полей для гольфа. В пределах города запланировано строительство десятка полей. Мэрия организовала несколько семинаров на тему развития гольфа в России. Расходы на их проведение взял на себя городской бюджет. Ну а для отделов светской хроники московских газет Батурина стала дежурным персонажем всех мероприятий, связанных с гольфом.

Потом к списку хобби Батуриной прибавились гонки на ретро-автомобилях. В июне 2008 г. Юрий Лужков с Еленой Батуриной поучаствовали в ретро-ралли в Италии. Московский мэр выступал на принадлежащем ему автомобиле Lagonda LG45 1936 года выпуска, одной из легенд довоенного автомобилестроения. Экипаж Лужкова - Батуриной занял 238-е место среди 400 участников. Фотографии довольного Лужкова и Батуриной опубликовали многие из газет.Но вот главный вопрос, возникший при этом, - а откуда у городского головы деньги на дорогую «игрушку»? Не иначе жена дала. Постепенно выяснилось, что у Батуриной есть недвижимость в Австрии (гольф-клуб и отель), где семья столичного градоначальника проводит много времени.

В 2008 г. Батурина попыталась купить в австрийском местечке Аурах-Кицбюэль особняк. Однако городской совет коммуны отказал Батуриной в приобретении недвижимости. «Для обоснования покупки дома должны существовать экономические, общественные или культурные интересы. Я не могу понять, что Батурина привнесёт в нашу коммуну», - заявил бургомистр коммуны Якоб Плетцер. Эта история тоже немало развлекла

читающую публику.

И что же в итоге? К середине 2008 г. бизнес «Интеко» находился в зените своего развития. Юрий Лужков прочно сидел в мэрском кресле. «Интеко» один за другим запускала новые девелоперские проекты. «Голубые фишки» Батуриной всё росли и росли в цене. Под них «Интеко» занимала всё новые и новые кредиты на развитие бизнеса. Казалось, что так будет всегда. При этом у жены Лужкова постепенно сложился специфический имидж склочной миллиардерши, склонной подавать в суд на каждый чих в прессе и живущей на широкую ногу. Кризис добавил к этому портрету новые штрихи.

Глава 8. Кризис-2008 и Елена Батурина. Кто протянул руку помощи?

Что случилось с бизнесом «Интеко» в кризис? Те факторы, которые помогали Батуриной растить свою империю, теперь сыграли против неё.

Рынок московской недвижимости, стремительный рост цен на котором подстёгивал увеличение стоимости активов жены московского мэра, «замёрз». Продажи квартир практически остановились. Поток наличных обмелел. Стройки замерли. Это одна сторона бед Батуриной осенью 2008 г. С другой - «схлопнулся» российский фондовый рынок.

Батурина финансировала свои проекты, привлекая кредиты под залог принадлежавших ей акций «Сбербанка» и «Газпрома». Однако в период с августа 2008 по январь 2009 г. акции «Сбербанка» подешевели в 7,5 раза, котировки акций «Газпрома» обрушились в 3 раза.

В связи с драматическим падением стоимости залогов банки потребовали возвращения кредитов. Денег же у «Интеко» не было - приток средств от продажи квартир (главная статья выручки группы) практически остановился.

Первое время Елена Батурина и её менеджеры демонстрировали сдержанный оптимизм. «Все запущенные проекты будут достроены, ещё не запущенные - тщательно оценены», - заявил в сентябре 2008 г. вице-президент «Интеко» Олег Солощанский. Но кризис стучался в двери «Интеко».

Компания «временно приостанавливает строительство своих объектов на Украине из-за мирового финансового кризиса» - это заявила уже Батурина в октябре 2008-го на выставке недвижимости в Мюнхене.

Ранее «Интеко» сообщала, что собирается построить жилой микрорайон «Московский» в Деснянском районе Киева. Проект включал строительство около 196 тыс. кв. м жилья на участке в 10 га. Достроить объект «Интеко» собиралась в 2009 г. Теперь эти планы корректировались.

И уже совсем фантастическим в условиях обвала казался ещё недавно вполне реальный проект по строительству курорта в Марроко. О

начале его реализации «Интеко» объявила летом 2008 г. К началу кризиса Батурина успела потратить 100 млн евро на приобретение участка в 48 га под строительство полей для гольфа и вилл. Общий объём инвестиций планировался в объёме около 500 млн евро. Планировалось и дальнейшее расширение проекта. Всего в Марокко «Интеко» аккумулировала земельный банк в 1500 га. Все эти планы с началом кризиса были отложены в сторону.

Однако очевидно, что отложенные зарубежные проекты были наименьшими из проблем «Интеко». Постепенно из просачивающейся информации становился понятен реальный масштаб бед Батуриной. В марте 2009 г. стало известно, что долг «Интеко» достиг 34 млрд руб. и компания Батуриной испытывает трудности с его обслуживанием. «Интеко» были срочно нужны дополнительные вливания в объёме не менее 15 млрд руб. в оборотные средства. По итогам 2008 г. впервые, начиная с 1999 г., когда «Интеко» стала публиковать свои финансовые результаты, компания Елены Батуриной показала убыток. Его размер составил $60 млн. Через год убытки достигли астрономической суммы в $1,2 млрд.

Как рассказывала позже Елена Батурина, на начало кризиса крупнейшими кредиторами «Интеко» были «Газпромбанк» и «Сбербанк». Кредиты «Газпромбанка», около 50% общей задолженности, были обеспечены «голубыми фишками». Задолженность перед «Сбербанком» - девелоперскими проектами. И то, и другое осенью 2008-го резко подешевело. А зимой 2009 г. «Газпромбанк» настоятельно потребовал изменения условий займов. Речь зашла и об их досрочном погашении. Это не была проблема лишь одной «Интеко», такие требования банки выставили практически всем крупным заёмщикам. Особенно жёстко банкиры поставили вопрос перед девелоперами.

Батуриной всё-таки удалось договориться о пролонгации кредитов. Но при этом ставка возросла с 8-10 до 18% годовых. Работать с такой нагрузкой было тяжело, как говорила потом Батурина в интервью «Ведомостям». Она решила погасить кредиты, продав акции, благо к весне 2009-го российский фондовый рынок начал потихоньку оживать. Акции «Сбербанка» выросли к минимальным январским значениям более чем в 2 раза, «Газпрома» - на 30%. От распродажи ценных бумаг Батуриной удалось выручить более 15 млрд руб. Ещё примерно 13 млрд руб. она получила от продажи участка в 58 га на Мичуринском проспекте, который был некогда приобретён у совхоза «Матвеевское».

Наконец, уже в конце 2009 г., когда ураган кризиса стал постепенно стихать, Батурина отказалась от нескольких девелоперских проектов в Москве, самый крупный из которых - строительство 700 тыс. кв. м жилья в Молжанинове, расположенном за МКАД, в районе аэропорта Шереметьево, анклаве московских городских земель. Права на реализацию этого проекта «Интеко» выиграла в 2004 г. на открытом инвестиционном конкурсе правительства Москвы. В нечастой для «Интеко» острой конкуренции с другими застройщиками Батуриной

пришлось согласиться на не самые выгодные для себя условия. Теперь Батурина от ставшего в условиях кризиса непривлекательным проекта отказалась. А город возместил «Интеко» затраты на подготовку проектной документации несколькими десятками миллионов долларов. Отказалась «Интеко» и от возведения здания «Апельсин» на месте Центрального дома художника, против которого восстала вся столичная культурная общественность.

<kzrvm008.jpg>

В самой компании, как утверждала Батурина, на 30% был сокращён штат центрального аппарата. У менеджмента наполовину были сокращены зарплаты. А поскольку, как утверждала Батурина в одном из интервью, все зарплаты руководителей «привязаны» через систему коэффициентов к её собственной, то выходило, что она, хозяйка «Интеко», сэкономила и на себе. Однако даже сокращённая вдвое ставка президента «Интеко» равнялась 500 тыс. руб. в месяц. А в декларации о доходах, которую Батурина была вынуждена как жена московского мэра опубликовать весной 2010-го, личный доходы главы «Интеко» за 2009 г. был указан в размере 30,94 млрд руб. (в 2008-м - около 7 млрд руб.). Конечно, отчасти столь большая цифра объясняется тем, что часть «голубых фишек» (акций «Газпрома» и других компаний) была оформлена на Батурину лично, а не на «Интеко». И поэтому их продажа отразилась как личный доход Елены Батуриной. Затем деньги, видимо, были вложены в бизнес.

И тем не менее очевидно, что Елена Батурина была готова к кризису лучше многих коллег-девелоперов. Роль подушки безопасности сыграли вложения в ценные бумаги. Батурина не зря инвестировала в акции «Газпрома» и «Сбербанка» вырученные от распродажи цементных активов сотни миллионов долларов. Российский фондовый рынок, конечно, серьёзно просел. Но глубина падения стоимости девелоперских компаний была намного больше среднего. Батурина продержалась несколько самых трудных месяцев, а затем реализовала свой «стабфонд». Конечно, в рейтинге Forbes Батурина, как и большинство российских бизнесменов, сильно «подешевела» - с $4,2 млрд весной 2008 г. до $900 млн весной 2009-го. Однако уже в 2010 г. мы оценили состояние Батуриной в $2,9 млрд. Так что кризисный год не смог подкосить личное благосостояние семьи столичного градоначальника. «Я не шиковала так, чтобы в чём-то себя ограничивать», - в свойственном ей стиле заявила Батурина в интервью «Ведомостям» весной 2009 г.

Постепенно, впрочем, стало проясняться, что благоприятный исход драмы 2008 г. для Батуриной стал возможен благодаря не только предусмотрительно сформированным резервам, но и при поддержке государственных структур. В том числе городских.

Первые признаки того, что «Интеко» окажется в первых рядах претендентов на государственную помощь, появились в начале 2009 г.

В январе «Коммерсант» со ссылкой на письмо замминистра регионального развития Сергея Круглика написал о списке из девяти

недостроенных цементных производств, которые Минрегионразвития рекомендовало поддержать и профинансировать, чтобы пуск состоялся в назначенные сроки. В список попали и оба завода «Интеко» в Краснодарском крае, хотя к числу крупных предприятий отрасли их отнести нельзя. Поддержку предлагалось оказывать путём предоставления госгарантий по ранее выданным банковским займам, а также выдачей Банком развития (ВЭБ) и «Сбербанком» кредитов по льготным ставкам (12-13% годовых в рублях).

В случае с «Интеко» речь шла о рефинансировании кредита «Сбербанка» на 8,2 млрд руб., взятого в июле 2008 г.

Впрочем, истинные размеры аппетитов Батуриной выяснились в марте 2009-го, когда в СМИ просочились сведения о заявке «Интеко» на предоставление государственных гарантий по кредитам общим объёмом 49 млрд руб. В документах, которые компания Елены Батуриной направила в Минэкономразвития, говорилось, что активов «Интеко» недостаточно для рефинансирования долга, достигшего 34 млрд руб. И что ещё 15 млрд руб., как цитировал заявку «Интеко» «Коммерсант», требуется на пополнение оборотного капитала. В обмен на госпомощь Батурина предлагала государственным структурам войти в капитал её компаний.

К тому времени «Интеко» наряду с «Газпромом», РЖД и другими крупными компаниями из различных отраслей была внесена в перечень 295 системообразующих предприятий. Необходимость поддержки своей компании со стороны государства Батурина обосновывала тем, что из-за финансового кризиса «Интеко» вынуждено будет сократить персонал (штат на тот момент составлял около 5000 человек), заморозить часть инвестпроектов. Последнее, как было написано в документах «Интеко», поданных в правительство, приведёт к «невозможности исполнения обязательств перед дольщиками из числа физических лиц». Это, конечно, выглядело комично, учитывая тот факт, что большая часть жилой недвижимости, возводимой Батуриной, относилась к категории элитного жилья.

В марте 2009 г. Елена Батурина, уже будучи членом президентского совета по реализации национальных проектов и членом общественного совета Министерства регионального развития, была включена и в состав коллегии Минрегиона РФ. Заявка «Интеко» на получение государственной помощи, прошедшая одобрение министерства, лидировала по размерам запрашиваемой поддержки среди производителей стройматериалов и строительных компаний.

Впрочем, подав заявку на 49 млрд рублей, «Интеко» получила осенью 2009 г. одобрение лишь на 8,44 млрд руб. государственной поддержки. Острая нужда в деньгах для компании Батуриной к тому времени миновала. Хозяйка «Интеко» долго торговалась со «Сбербанком» и ВТБ об условиях кредитов. Банки были готовы кредитовать девелопера под 18%, а кроме госгарантий требовали в залог недвижимость, которую оценивали с большим дисконтом. В итоге «льготные» займы в госбанках

«Интеко» оформила лишь в феврале 2010 г., когда про кризис стали поговаривать, что он прошёл.

Помощь от города поступила гораздо быстрее. Самым зримым её проявлением стал контракт на реконструкцию памятника «Рабочий и колхозница», который под залпы салюта был торжественно «открыт» 3 декабря 2009 г.

Предыстория этого события такова: в 2003 г. памятник разобрали на 40 частей и увезли на территорию ВНИИЦ им. Кучеренко, где скульптура заняла 1,5 га. Из-за многочисленных бюрократических проволочек реставрация затянулась на долгие 6 лет. Однако в разгар кризиса, в декабре 2008 г., московские власти решили с реставрационным долгостроем покончить.

В сжатые сроки был проведён конкурс, победитель которого получал контракт на проектирование и строительство постамента (Юрий Лужков настоял на том, чтобы памятник был водружён на новый 37-метровый постамент), а также должен был завершить реставрацию и установить памятник на место. Заявку подал единственный участник - СК «Стратегия», очередная стопроцентная «дочка» ЗАО «Интеко». Этой компании и достался контракт на 2,9 млрд руб.

Надо ли говорить, что муниципальный заказ «Интеко» «голодной зимой» 2008 г. пришёлся очень кстати? Получив финансирование из городского бюджета, Елена Батурина сработала ударными темпами. Постамент - сооружение размером с 10-этажный дом - был построен менее чем за 10 месяцев. На нём компания в самые короткие сроки установила 75-тонную скульптуру. И вот спустя год памятник был торжественно открыт. Однако радость нового обретения одного из ключевых символов СССР разделили не все. «Интересно, сколько дней оставался бы на свободе мэр Лондона или Парижа, обеспечивший многомиллиардный контракт своей супруге за счёт бюджетных, то есть наших с вами, средств?! Сколько часов оставался бы на свободе мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг, если бы обеспечил своей жене подряд на ремонт статуи Свободы?!» - негодовал по поводу «Рабочего и колхозницы» Борис Немцов, выпустивший в 2009 г. доклад, посвящённый итогам правления Юрия Лужкова в Москве.

История с памятником в докладе Немцова соседствует с рассказом о ещё более масштабной операции московских властей в поддержку «Интеко». Суммировав газетные публикации и проведя анализ отчётности задействованных в сделке структур, Немцов восстановил реальную историю продажи 58 га земли на Мичуринском проспекте. Той самой сделки, благодаря которой Батуриной удалось выпутаться из долгов весной 2009-го.

«Фактически речь идёт о том, что летом 2009 г. власти Москвы осуществили мошенническую, как мы уверены, цепочку сделок с целью помочь компании «Интеко» и лично Батуриной в погашении обязательств перед кредиторами фактически за счёт средств бюджета Москвы», -

утверждает Немцов. Вот как он описывает ход событий.

1. 17 июня 2009 г. мэр Москвы Юрий Лужков подписал поправки к закону о бюджете Москвы на 2009 г., предусматривающие выделение почти 15 млрд руб. на внесение вклада правительства Москвы в уставный капитал Банка Москвы. Предполагалось, что правительство Москвы, выкупая допэмиссию акций Банка Москвы, восстановит контрольный пакет акций Банка.
2. Банк Москвы предоставил кредит в размере около 13 млрд руб. некоему ЗАО «Премьер Эстейт» - практически никому не известной фирме на строительно-девелоперском рынке Москвы. Как потом выяснилось, пишет Немцов и приводит соответствующие данные, - эта фирма аффилирована с Банком Москвы через цепочку дочерних фирм.
3. Практически сразу после этого компания «Премьер Эстейт» покупает у Батуриной участок в 58 га за 13 млрд руб. 1 га ушёл за $7,2 млн, цена на тот момент, по оценке экспертов, невероятно высокая для «замёрзшего» столичного рынка недвижимости. Сделка осуществлена за счёт выкупа 100% уставного капитала ООО «ТД „Раменская“», в собственности которого и находится земельный участок. В роли продавцов долей в ООО «ТД „Раменская“» выступили Елена Батурина и вице-президент ЗАО «Интеко». Именно на них «ТД „Раменская“» было оформлено до этого.
4. Вскоре московское правительство объявило о передаче ООО «ТД „Раменская“» и ОАО «Мосземсинтез», принадлежащей правительству Москвы, полномочий по осуществлению комплексного развития участка (постановление правительства Москвы от 25 августа 2009 г. № 828-ПП).

Цепочка сделок, убеждён Немцов, нанесла многомиллиардный ущерб бюджету Москвы. Город также понёс убытки и как крупнейший акционер Банка Москвы.

13 млрд руб. из бюджета были по сути направлены, минуя банк, на выкуп у жены мэра неликвидного на тот момент имущества по цене в разы выше рыночной. Из бюджета деньги ушли. На балансе банка повис кредит с сомнительным обеспечением. А деньги, по выкладкам Немцова, получила Елена Батурина.

И вот что характерно. По своему обычаю, на публикацию Бориса Немцова Елена Батурина ответила иском, требуя опровержений и 5 млн руб. денежной компенсации. Однако, как и в случае с Forbes, юристы жены Лужкова оспаривают отдельные утверждения, малозначимые с точки зрения содержания доклада умозаключения, которые, по мнению адвокатов «Интеко», вроде бы как порочат честь и достоинство Елены Батуриной. Прибегнув к «филологическому анализу», они, как это часто бывает, могут в дружественно расположенном суде добиться поддержки своих требований на опровержение. Или, по крайней мере, их части.

Но вот факты, конкретные выкладки, в том числе и описанные выше данные Немцова о сделке с землёй на Мичуринском проспекте, Батурина не опровергает. Что, естественно, рождает подозрения - раз не опровергает, значит, есть что скрывать. Естественно, такой подход лишь ухудшал репутацию Батуриной.

Но мало Немцова… Елена Батурина получила удар с совершенно неожиданной стороны. В роли «срывателя покровов» и обличителя московских порядков выступил давний партнёр и хороший знакомый Батуриной предприниматель Шалва Чигиринский.

До 2009 г. офис Чигиринского располагался в том же самом здании по адресу Никитский переулок, дом 5, что и офис «Интеко». Более того, когда я приходил брать у Чигиринского интервью, мне показалось, что его кабинет находится как раз над кабинетом Батуриной, только этажом выше.

Скажу сразу - на меня Чигиринский произвёл не самое благоприятное впечатление. Я пришёл к нему расспросить об обстоятельствах конфликта с Романом Абрамовичем. Чигиринский тогда во всеуслышание заявлял, что Абрамович, сговорившись с братом Шалвы Александром Чигиринским, украл у него 50% компании, которой принадлежали права на нефтяное месторождение средних размеров в Западной Сибири. Чигиринский как только тогда не называл Абрамовича - и вором, и бесчестным человеком, разве что матюгами не крыл (или крыл? Уже не помню). Однако от рассказа о деталях самого дела (а в Лондонском суде уже шла тяжба по этому поводу) всякий раз, как я его просил что-нибудь уточнить, уклонялся.

Получалась странная картина - есть у Шалвы Чигиринского брат, он ему доверяет как себе. А тот возьми и укради в один прекрасный день у Чигиринского имущество на сотни миллионов долларов. Так просто в жизни не бывает, о чём-то Чигиринский явно недоговаривал. В случае с Батуриной тоже есть, конечно, кое-какие нестыковки. Но обо всём по порядку.

Долгое время Шалва Чигиринский входил в список 100 богатейших бизнесменов России, по версии журнала Forbes. Основу его состояния составляли активы в нефтяной промышленности и московская недвижимость. В «нефтянке» Чигиринский владел контрольным пакетом компании Sibir Energy, которой, в свою очередь, принадлежало несколько месторождений в Западной Сибири (одно из них якобы брат Шалвы Александр и украл), 50,08% акций Московского нефтеперерабатывающего завода и 100% «Московской топливной компании» (сеть АЗС в столице). Как девелопер Чигиринский был известен своим проектом по строительству башни «Россия», самого высокого небоскрёба в деловом центре «Москва-сити», а также тем, что снёс расположенную у самого Кремля гостиницу «Россия». Лично мне запомнился заголовок заметки, которая была написана в Forbes о Чигиринском, - «Губитель России».

В 2008 г. Forbes оценил состояние Чигиринского в $2,5 млрд. Однако

осенью 2008-го предприниматель, как и практически все российские бизнесмены, столкнулся с колоссальными сложностями. Он был вынужден остановить строительство своего небоскрёба в «Москва-сити». От проекта по возведению нового комплекса зданий на месте разрушенной гостиницы «Россия» Чигиринского оттеснили. Предприниматель попал в сложное положение и заметался. Чигиринский продал часть своего бизнеса. Позаимствовал у Sibir Energy, компании, акции которой котировались на Лондонской бирже, около $400 млн на «личные нужды» - надо было гасить кредиты, выданные под другие проекты. Партнёры, права которых он нарушил, приступив к распродаже активов, и акционеры Sibir Energy, которых Чигиринский фактически обокрал, подали против бизнесмена многочисленные иски.

Таковы декорации сцены, на которой состоялся акт драмы с разоблачениями Батуриной. В главной роли выступил Кристофер Гриерсон, адвокат, представлявший интересы Шалвы Чигиринского в Лондонском суде. Вот ключевая часть его свидетельских показаний.

...Г-жа Батурина является женой мэра Москвы Юрия Лужкова, который находится в своей должности с 1992 года. Forbes признал Батурину самой богатой женщиной в России и единственной женщиной-миллиардером. Её власть и влияние общепризнанны. Г-жа Батурина инвестирует в «Газпром» и «Сбербанк», участвует в реализации ряда заметных проектов в области коммерческой недвижимости, она активна как в сфере энергетитики, так и коммерческой недвижимости...

...Г-жа Батурина располагает разветвлённой сетью компаний и имеет интересы как в России, так и за рубежом. Чигиринский [в показаниях Гриерсона Чигиринский фигурирует как истец, но мне кажется, что для ясности стоит называть всех фигурантов их именами. - М.К.] объяснил мне, что сфера влияния Батуриной такова, что ни один крупный проект не может пройти утверждения городских властей без её поддержки...

...Чигиринский хотел развивать в Москве проекты, связанные с нефтяной промышленностью и коммерческой недвижимостью. В связи с этим в 1999 г. он создал партнёрство с госпожой Батуриной. Это было необходимое условие, учитывая, какой властью обладала Батурина. Партнёры договорились, что Чигиринский обеспечивает финансирование проектов в области коммерческой недвижимости и нефтяной промышленности, а Батурина отвечает за то, чтобы никакие бюрократические вопросы не тормозили развитие запланированных проектов. Стороны договорились, что партнёрство строится на равноправной основе и вся прибыль, равно как и любые убытки, делится между Батуриной и Чигиринским поровну. Однако впоследствии Батурина не вкладывала капитал в совместные проекты. При этом Чигиринский был вынужден тратить серьёзные средства, в сумме достигающие $12 млн, в её интересах. В числе прочего Чигиринский оплачивал счета за обслуживание бизнес-джета Батуриной...

...Социальный статус Батуриной [имеется в виду её замужество за мэром Москвы Юрием Лужковым. - М.К.] таков, что вначале Батурина

настаивала - никаких документов, описывающих условиях партнёрства, быть не должно, а все обсуждения происходили в ходе личных встреч Батуриной и Чигиринского. Тем не менее в 2003 г. г-жа Батурина попросила Чигиринского формализовать договорённости. Для этого были созданы два компании - Rossini Trade Limited и Salvini Trading Corp, которые должны были владеть соответственно активами партнёров в нефтяной отрасли и коммерческой недвижимости.

Чигирский и Батурина формализовали своё соглашение о равноправном участии в прибылях и убытках совместного бизнеса. При этом Батурина должна была обеспечивать поддержку бизнеса на административном и политическом уровне [без которой, как выяснилось, нефтяные и девелоперские проекты не могут быть успешно реализованы в Москве - М.К.]. А Чигиринский согласился передать под её контроль половину своей доли в компании Bennfield (контролировала 23,5% акций Sibir Energy, стоимость пакета на тот момент - около $200 млн) и в Kea Enetrprises Limited, компании, владевшей активами [Чигиринского] в недвижимости...

...19 марта 2003 г. Чигиринский и Батурина провели встречу в офисе швейцарского адвоката Марка Бруппахера, на которой оформили совместную собственность на компанию Rossini. Запись об этой встрече была сделана Бруппахером, соответствующие документы предоставлены в суд. Стороны сделки, узнаваемые по их инициалам, совершенно точно являются Чигиринским и Батуриной. Бруппахер был назначен директором Rossini...

...После этого, 25 апреля 2003 г., Чигиринский подписал документы, которыми передал свои акции компании Bennfield [владелец пакета в Sibir Energy - М.К.] в собственность [совместной с Батуриной. - М.К.] компании Rossini. 11 июля 2003 г. Чигиринский подписал декларацию о передаче своих прав на акции компании Kea [девелоперские проекты Чигиринского. - М.К.] компании Salvini, которая также контролируется на 50% Чигиринским и на 50% Батуриной. Хотя декларация [имеется в виду документ, подписанный Батуриной и Чигиринским. - М.К.] была подписана, чтобы формализовать взаимопонимание между партнёрами, никаких существенных шагов по её реализации предпринято не было. В частности, акции не были перерегистрированы в собственность Salvini и Rossini. И хотя г-жа Батурина не выполнила свои обязательства (она не участвовала в убытках, которые нёс бизнес в коммерческой недвижимости), она продолжала участвовать в бизнесе Чигиринского, как и прежде...

...В конце 2007 г. Sheridan, компания г-жи Батуриной, выдала Чигиринскому кредит примерно на $131 млн. В конце 2008 г. Чигиринский выплатил Батуриной по этому кредиту $107 млн. Чигиринский проинформировал меня, что $42 млн кредита и процентов по нему остаются неуплаченными...

...В декабре 2008 г. Чигиринский оказался вовлечён в спор с г-ном Лужковым (мэром Москвы) в связи со сделками по имуществу,

заблокированными властями Москвы. В результате отношения между Чигиринским и г-ном Лужковым с г-жой Батуриной были испорчены…

Естественно, это далеко не всё, что Гриерсон рассказал в суде. История Чигиринского достаточно мутная и содержит множество нюансов.

На каком-то этапе он продал часть бизнеса российскому табачному магнату Игорю Кесаеву. Потом в разбирательствах всплыл чеченский предприниматель Руслан Байсаров (тот самый, который увёз своего сына от Кристины Орбакайте в Грозный). Он, как утверждает Гриерсон, действовал в интересах Елены Батуриной…

Но главное не в этом.

Показания Гриерсона, впервые обнародованные в июле 2009 г., произвели эффект разоравшейся бомбы, потому что впервые нашёлся человек, который пусть и не в российском, но в суде заявил впрямую, что «ни один крупный проект не может пройти утверждение московских городских властей без его поддержки Батуриной» и этим своим ресурсом супруга московского мэра активно пользуется в собственных бизнес-целях.

Правдоподобность заявлениям Гриерсона придавало то, что Чигиринский действительно в период 1999-2008 гг. был одним из наиболее близких к московским властям бизнесменов. Достаточно сказать, что правительство города, контролируя (прямо и косвенно) 19,2% акций Sibir Energy, не имело своего представителя в совете директоров компании. Интересы города представлял сам Шалва Чигиринский.

Батурина на заявления адвоката Чигиринского отреагировала молниеносно. Показания Гриерсона она назвала «ложью», «не только недостоверной, но и прямо противоположной действительности». Она отрицала наличие совместного с Чигиринским бизнеса. «Между нами существует единственный вопрос, который касается займа, предоставленного мною Чигиринскому и не возвращённого им до сих пор, - говорилось в специальном заявлении Батуриной. - Заявив, что полученные им от меня деньги были разворованы европейскими банками, Чигиринский сообщил, что он не сможет вернуть заём. Однако впоследствии выяснилось, что эти деньги были использованы им в собственных целях».

Чуть позже представитель «Интеко» сообщил, что Батурина готовит иск к Чигиринскому, чтобы истребовать с него долг, а также опровергнуть информацию Гриерсона о «партнёрстве» и его условиях. Иск был подан в конце 2009 г. на Кипре, по месту регистрации компании, задолжавшей Батуриной. Каковы результаты судебного процесса - пока не известно. А вот доля Чигиринского в Sibir Energy в итоге оказалась у государственной компании «Газпромнефть». Воспользовавшись падением котировок акций Sibir Energy, «Газпромнефть» скупила также её акции и на открытом рынке. Единственным акционером компании, некогда управлявшейся Чигиринским, который отказался продать свой пакет, стало правительство Москвы. Более того, Юрий Лужков договорился с

«Газпромнефтью» о том, что городские власти выкупят у госкомпании около 5% из числа собранных ею акций. В итоге доля Москвы в Sibir Energy должна достигнуть 25%.

А теперь предположим, что Гриерсон был прав в своих показаниях, и Батурина действительно косвенно владела 12,7% Sibir Energy. Получается, что выкуп её акций в конечном итоге был профинансирован из городского бюджета? История с участком земли на Мичуринском проспекте показывает, что ничего невозможного в таком варианте нет.

Пока гремели все эти баталии, «Интеко» планомерно росла. Даже в самый тяжёлый период Батурина продолжала экспансию.

Весной 2009 г. «Интеко» удалось стать подрядчиком «Объединённой авиастроительной корпорации» (ОАК) по разработке концепции использования земель в окрестностях Ходынского поля, на которых сейчас расположены самолётостроительные производства. ОАК планировала их вывести за пределы Москвы. А «Интеко» была нанята для того, чтобы создать концепцию повторного освоения высвобождающихся гектаров.

К весне 2010 года компания Елены Батуриной завершила работу. По её окончании представитель «Интеко» заявил, что компания Батуриной может принять участие и в реализации концепции.

Весной 2010 г. стало известно и об ещё одном крупном проекте «Интеко». На международной выставке MIPIM-2010 в Канне компания ЗАО «Патриот», входящая в группу «Интеко», подписала соглашение с властями Краснодарского края о строительстве в городе 406 тыс. кв. м жилья. Инвестиции в проект были запланированы в объёме 8,5 млрд руб. Чтобы обеспечить развёртывание гигантской по меркам Краснодара стройки, Батурина озаботилась поиском в регионе площадки под возведение современного домостроительного комбината. К тому времени «Интеко» уже вовсю вела лишь немного уступающую по масштабам стройку в Ростове-на-Дону - площадь жилья возводимого здесь микрорайона «Ливенцовский» должна составить 388 тыс. кв. м. Строительство велось с использованием собственной индустриальной базы «Интеко» - Ростовского крупнопанельного домостроительного завода. Купив предприятие ещё в 2006 г., в 2010-м Батурина приняла решение инвестировать в увеличение производственных мощностей предприятия - со 150 тыс. до 200 тыс. кв. м жилья в год. Создав «опорную базу» на юге, «Интеко» застолбила место и в северной столице. Батурина приобрела 90% питерского ЗАО «ДСК-3». Комбинат возводит крупнопанельные многоэтажные дома, коттеджи, изготавливает сборные железобетонные и газобетонные изделия. В 2009 г. ДСК-3 произвёл около 100 тыс. кв. м жилья.

Региональные проекты «Интеко» Батурина развивает через специально созданный фонд «Патриот». В марте 2010 г. хозяйка «Интеко» сделала официальное предложение Внешэкономбанку принять участие в проектах «Патриота». В капитал фонда к моменту начала переговоров с

ВЭБом были уже внесены земли общей стоимостью 5-6 млрд руб. Проекты первой очереди помимо Краснодара, Ростова и Петербурга должны стартовать ещё и в Самаре, где Батурина решила вопрос с выделением земель под застройку. ВЭБу было предложено вложить капитал в «Патриот» (в обмен на долю), а также кредитовать покупку земель и строительство новых домостроительных комбинатов. «Если государство говорит, что ему необходимо получить [доступное] жильё раньше, чем это будет скорректировано рынком, значит, оно должно в этом участвовать», - рассуждала Батурина. Всего она предложила госбанку поучаствовать в строительстве в регионах свыше 950 тыс. кв. м жилья до 2015 г.

Вялотекущие переговоры на этот счёт продолжались до осени 2010 г. Затем свою позицию сформулировал председатель правления ВЭБа Владимир Дмитриев. По его словам, предложение «Интеко» сотрудничать с госбанком по созданию в регионах сети домостроительных комбинатов (ДСК) не получило дальнейшего развития. «Нет материалов, достаточных для детальной проработки этого вопроса», - заявил Дмитриев. Это было через день после скандального увольнения Юрия Лужкова с должности мэра Москвы по причине «утраты доверия». 28 октября около 12 часов дня фельдъегерь вошёл в здание московской мэрии на Тверской. Поднялся на четвёртый этаж, зашёл в зал заседаний правительства. «Коммерсант» на следующий день написал, что процедура была обставлена как можно унизительнее для Юрия Лужкова.Ступая по красному ковру грязными сапогами, курьер подошёл к месту председателя московского правительства. Вынул из коричневого портфеля пакет и вручил его Владимиру Ресину, который вёл заседание и вместо которого, как, видимо, считали в Кремле, должен был быть Юрий Лужков. В пакете был указ Дмитрия Медведева о снятии Лужкова с поста мэра по причине «утраты доверия».

Для «Интеко» наступил «час Х». Что бы на этот счёт ни говорила сама Елена Батурина, но все последние годы она работала над тем, чтобы снизить риски для своего бизнеса, связанные с неизбежным уходом Юрия Лужкова с поста мэра. «Интеко» сократила объёмы жилищного строительства в Москве, сконцентрировавшись на возведении в столице объектов коммерческой недвижимости. При этом Батурина развила экспансию на региональных рынках, там «Интеко» строит большие объёмы дешёвого панельного жилья. У компании жены мэра реализуется несколько крупных проектов за рубежом. Похоже, значительная часть активов выведена в «кэш». Наверное, если бы отставка Лужкова произошла годом позже, бизнес Батуриной был бы к ней готов в ещё большей степени. Но и так сделано немало. Однако хватит ли сделанного для того, чтобы защитить состояние семьи теперь уже бывшего мэра? Это покажет самое ближайшее будущее.

Глава 9. Аналоги «Интеко». Казанский ТАИФ и «БашТЭК»

«Интеко» Елены Батуриной - отнюдь не единственная крупная

компания в России, возникшая в рамках, как написал в своё время депутат Александр Лебедев, «семейно-государственного партнёрства». Можно предположить, что такого рода «бизнес-образования» существуют в каждом населённом пункте.

В феномене «Интеко» уникален масштаб. Нигде больше ближайшему родственнику главы местной власти не удалось вырастить столь крупной корпорации на «подведомственной» супругу (отцу, брату и т.п.) территории. И это неудивительно - Москва самый богатый из регионов Российской Федерации. Но кроме богатства нужны и другие слагаемые.

Взять хотя бы Санкт-Петербург. «Северная столица» даже в 90-е годы, не говоря уж о 2000-х, когда «питерские» взяли власть в стране, была средоточием крупного капитала. Через Питер шла львиная доля российского экспорта и импорта. На обслуживании этих потоков сформировались мощные банковские группы. Однако «семейной корпорации», заметной на федеральном уровне, в Петербурге не было создано. Почему? Ответ очевиден - в Питере не было «семьи», которая бы непрерывно удерживала власть в городе начиная с ранних 90-х. Зато такие режимы сформировались в двух других «богатых» российских регионах - Татарии и Башкирии.

Здесь, также, как и в Москве, у власти находились несменяемые лидеры - Минтимер Шаймиев в Казани и Муртаза Рахимов в Уфе. И так же, как Юрию Лужкову, главам Башкирии и Татарии удалось, во-первых, навязать в первой половине 90-х федеральному центру собственную модель приватизации находящихся на территории региона активов, и во-вторых, обеспечить, по крайней мере, вплоть до начала 2000-х, защиту своей территории от поползновений федеральных «олигархов». Результат? В Татарстане выросла группа ТАИФ, где одним из крупнейших акционеров официально (а по неофициальной версии, так и вовсе единоличным хозяином) является Радик Шаймиев, сын президента Шаймиева. И концерн «БашТЭК» в Башкирии, который выстроил Урал Рахимов, сын башкирского президента Рахимова.

Прежде всего, с «Интеко» эти объединения роднит стоимость бизнеса, измеряемая миллиардами долларов. Это действительно крупные корпорации. Но что с ними будет после того, как глава клана, под сенью поддержки которого и сформировалась «семейная» компания, лишается своего поста? Отставки Шаймиева, Рахимова и Лужкова состоялись в течение менее чем одного года. Шаймиев лишился президентства в январе 2010 г., Рахимов - в июле. Лужков перестал быть мэром Москвы в сентябре. Перспективы бизнеса родственников бывших первых лиц Татарстана и Башкирии, опередивших своей отставкой Лужкова, сегодня вполне ясны. Прежде чем анализировать шансы Елены Батуриной сохранить свою компанию, взглянем на татаро-башкирский опыт.

Но для начала - случай, что называется, из практики.

Дело было в августе 2009 г. Я работал над статьёй о ТАИФ, договорился встретиться и пообщаться на эту тему с Иреком Муртазиным,

журналистом и политическим активистом из Татарстана. Ирек приехал из Казани ночным поездом. Мы с ним встретились в здании Верховного суда, где у Муртазина были слушания - он выступал свидетелем по каком-то делу о фальсификациях на выборах в Татарстане.

Муртазин к тому времени был широко известен не только в родной республике, но и за её пределами. Известность эта, впрочем, была специфической. Ирек прославился тем, что в своём блоге «похоронил» Минтимера Шаймиева. Фигурально выражаясь, конечно.

Когда по Казани в очередной раз поползли слухи о безвременной кончине президента республики, он возьми да и напиши об этом в своём «Живом журнале». Если бы это был кто-то другой, вряд ли пост имел бы для автора серьёзные последствия. Но Муртазин года три на рубеже 1990-х и 2000-х отработал личным пресс-секретарём у Минтимера Шариповича. Уж что там у них потом произошло, я не знаю, но после своего увольнения Ирек стал одним из самых яростных критиков казанского «режима». Написал несколько книг о том, как на самом деле устроена власть в Татарии, засыпал суды исками по поводу нечестных выборов и по другим малоприятным для местных властей поводам. Окружение президента республики платило ему той же монетой. И запись в блоге о «смерти» Шаймиева стала хорошим поводом наконец заняться Муртазиным вплотную. Президент подал иск против своего бывшего пресс-секретаря, иск быстро превратился в уголовное дело. В итоге Муртазину дали 1 год и 9 месяцев колонии.

Ко времени моей встречи с Муртазиным следствие по его делу уже было закончено, вовсю шёл суд. Ирек был под подпиской о невыезде, но ради участия в судебном процессе о фальсификациях на выборах следователь разрешил ему съездить в Москву, где мы с ним и встретились. В перерыве между заседаниями суда поговорили о ТАИФ и семье Шаймиевых. А когда я вернулся в редакцию, мне позвонил возмущённый пиарщик ТАИФ. Он даже ругался матом. Суть его претензий была в том, что они отнеслись ко мне «по-человечески», организовали встречу с генеральным директором ТАИФ, всё показали-рассказали, а я встречаюсь со всякими отщепенцами вроде Муртазина, которые ничего хорошего о компании, где один из акционеров - Радик Шаймиев, сказать не могут в принципе. Мне ничего не оставалось, как спросить в ответ: а откуда в ТАИФ знают, с кем я встречаюсь? Ответа я не получил. На этом разговор и закончился. Я позвонил Муртазину, спросил, не он ли сообщил «кому надо», что встречается с корреспондентом Forbes. Ирек заявил, что никому он о своих встречах не докладывает, и был, как мне показалось, немного обижен вопросом. Вернувшись тем же вечером в Казань, он недолго думая всю эту историю описал в своём блоге (вернее сказать даже - в том самом БЛОГЕ, из-за поста в котором получил 6 лет тюрьмы).

Естественно, моё общение с ТАИФ после этой истории прервалось, согласовывать цитаты главы компании Альберта Шигабутдинова и уточнять какие-то цифры для статьи они отказались. В общем, обычное дело. Но для меня история с Иреком была вполне показательной. Ведь

ТАИФ, также, как и «Интеко» в Москве, - это не просто крупная корпорация. Это часть единой системы, в которую объединены члены «правящего клана» и ключевые бизнес-активы региона. И, естественно, никакой «китайской стены» между, что называется, «бизнесом» и тем, что можно назвать «государственное управление», в такой системе не существует. Вот, допустим, есть Муртазин, против которого работает вся административная машина республики. Его телефон, судя по всему, поставлен на прослушку, а также установлено наружное наблюдение. Вот Муртазин встречается с корреспондентом Forbes. «Кто надо» узнал об том. И, видимо, этот «кто надо» знал также, что Forbes пишет статью о ТАИФ. Передал сведения в компанию, ТАИФ начала реагировать. В реальности схема могла выглядеть и проще - зачастую одни и те же люди в рамках «семейно-государственной» системы могут отвечать и за «бизнесовые», и за «политические» вопросы.

Но, пожалуй, я слишком забегаю вперёд с выводами. Сперва стоит подробнее рассказать о татарском и башкирском «аналогах» «Интеко».

В отличие от Лужкова, Минтимер Шаймиев возглавил свой регион ещё при советской власти. В 1989 г. он занял должность первого секретаря обкома КПСС Татарской АССР, после чего бессменно стоял у руля республики до 2010 г.

В 1992 г. Татарстан провозгласил государственный суверенитет. А за два года до этого было создано внешнеторговое объединение «Казань», которому было доверено организовать импорт товаров народного потребления в столицу республики. Через эту структуру в Татарстан завозилось продовольствие, сигареты, оргтехника, компьютеры, мебель.

Позже «Казань» стала одним из важных звеньев в бартерных цепочках между крупнейшими предприятиями Татарстана - КамАЗом, «Нижнекамскшиной» и «Татнефтью».

Примерно в то же время свою предпринимательскую деятельность начал старший сын Ментимера Шаймиева - Радик. В числе прочего он занимался экспортом нефти из Татарстана. Поставки осуществлялись через компанию «НИРА-экспорт» (считается, что «ра» в названии фирмы - это «Радик», а «ни» - «Никола», сын австрийского бизнесмена Станислава Копривицы, друга Минтимера Шаймиева ещё с начала 80-х годов). Начиная с 1992 г. «НИРА» экспортировала из Татарстана нефть и нефтепродукты - до 2 млн т в год, в ценах тех лет этот объём можно оценить примерно в $300-400 млн.

В 1995 г. на базе «Казани» правительство Татарстана создало инвестиционную компанию «Татаро-американские инвестиции и финансы» (ТАИФ). «Татаро-американские» - потому что $10 млн в уставный капитал ТАИФ внесла нью-йоркская фирма NKS Trading. Небольшую часть акций ТАИФ отдали менеджерам «Казани», 36% получила NKS Trading, а контрольный пакет забрало правительство Татарстана. Взамен оно передало новой структуре в управление небольшие (по 5-10%) пакеты акций ключевых республиканских

предприятий - «Татнефти», «Казаньоргсинтеза», «Нижнекамскшины», «Нижнекамскнефтехима» и др. ТАИФ должна была заняться их подготовкой к приватизации.

Самый интересный вопрос относительно создания ТАИФ - кто стоял за американской NKS Trading, выступившей партнёром правительства Татарстана? Официальная версия заключается в том, что это были торговые партнёры «Казани» из числа советских эмигрантов. Однако Ирек Муртазин утверждает, что NKS Trading была учреждена Радиком Шаймиевым, старшим сыном президента Татарстана. А те $10 млн, которые были вложены «американскими» партнёрами в бизнес, - это доходы Радика и его компаньона от ранних сделок с татарской нефтью. Так это или нет, но Шаймиев-младший с момента создания ТАИФ стал играть в компании заметную роль. С 1995 г. по настоящий момент он официально занимает должность советника генерального директора, а в конце 90-х и вовсе возглавлял совет директоров группы.В отличие от Елены Батуриной, Радик Шаймиев свою роль истинного хозяина бизнеса никогда не афишировал.

Так это или нет, но Шаймиев-младший с момента создания ТАИФ стал играть в компании заметную роль. С 1995 г. по настоящий момент он официально занимает должность советника генерального директора, а в конце 90-х и вовсе возглавлял совет директоров группы.

Созданная в 1995 г. ТАИФ начала зарабатывать деньги сразу на нескольких направлениях. Входящая в группу компания «ТАИФ-Инвест» получила брокерскую лицензию и начала операции на фондовых биржах. Одновременно группа учредила первую в республике компанию-регистратора и депозитарий. Именно ТАИФ было поручено вывести на фондовый рынок акции крупнейших предприятий республиканской промышленности. ТАИФ также продолжала посредничать в схемах по переработке и экспорту продукции республиканских нефтехимических и машиностроительных предприятий, занималась товарным кредитованием сельхозпроизводителей.

Прибыль от сделок на фондовом рынке и трейдерских операций инвестировалась в крупные проекты на территории республики - в частности, создание местного сотового оператора. К 1998 г. у ТАИФ была собственная корпоративная сеть стандарта AMPS на 5000 номеров - часть из них продавали сторонним абонентам, которые платили кажущиеся сегодня немыслимыми $5 за минуту разговора. Это приносило серьёзные доходы, а к 2000 г., вложив около $80 млн, ТАИФ создала общереспубликанскую сеть сотовой связи. В 2003 г., после того как инвестиции окупились, компанию «ТАИФ-Телком» продали МТС за $120 млн. И хотя правительство Татарстана по сути профинансировало создание «ТАИФ-Телком», республика от этой сделки ничего не получила. Собственником 51% акций сотового оператора на момент его продажи числилась та самая «НИРА-экспорт». Её крупнейшими соучредителями в отчётности компании были указаны Радик и его младший брат Айрат Шаймиевы.

«Умный, рассудительный, жёсткий. Не голова, а компьютер», - рассказывал о Радике Шаймиеве Ирек Муртазин, когда мы с ним встречались в здании Верховного Суда. Учитывая обстоятельства, ждать, что Муртазин будет хорошо относиться к членам семьи президента Татарстана, не приходилось. И тем не менее о Радике он рассказывал с некоторым уважением. Например, Муртазин утверждал, что в свои 18 лет Радик Шаймиев сам явился в военкомат, чтобы быть призванным, хотя отец, тогда первый зампредсовмина Татарской АССР, легко обеспечил бы ему освобождение от службы в армии. Отслужив в спецназе, Радик неплохо владеет приёмами рукопашного боя, плюс к этому он вместе с братом занимался автоспортом на профессиональном уровне. В 2003 г. экипаж Радика Шаймиева выиграл чемпионат Европы по автокроссу, а на одной из трасс в Чехии есть петля, которую называют «поворот Шаймиевых», - там в разные годы переворачивались оба брата Шаймиевых.

Таким образом, Радика Шаймиева не стоит считать этаким баловнем судьбы, которому лишь повезло родиться сыном большого человека, а дальше всё пошло как по накатанной. Нет, он бы, наверное, добился успеха и сам. Другое дело, что условия наибольшего благоприятствования, которые существовали для бизнеса ТАИФ в Татарстане, сделали этот успех оглушительным. И если об «Интеко» и деловой активности Елены Батуриной заговорили после скандальной истории с креслами для «Лужников», то слухи о ТАИФ как компании Радика Шаймиева, поползли в Казани во время строительства крупнейшего в городе на тот момент развлекательного центра «Пирамида».

Строить это циклопическое сооружение напротив Казанского кремля группа ТАИФ начала в 1996 г. Власти республики поддержали начинание. Финансировалась стройка следующим образом: ТАИФ разрешили вывезти из республики 1 млн т нефти (половину на экспорт, половину в другие субъекты Федерации). Нефть по фиксированной цене отгружала «Татнефть». При этом нефтяники получали векселя, а не живые деньги. ТАИФ освобождалась от всех налогов в той части, что идёт в региональный бюджет. За счёт образующихся доходов и велась стройка. Когда в 2002 г. «Пирамида» была введена в эксплуатацию, инвестиции в проект, по официальной информации ТАИФ, составили $40 млн. Тогда уже мало кто в Казани не знал, что крупнейшее из новых зданий в городе построено сыном президента. Примерно тогда же ТАИФ превратилась в частную компанию.

В 2001 г. Минтимер Шаймиев выиграл свои третьи президентские выборы. В течение года после выборов в реестре акционеров ТАИФ Министерство земельных и имущественных отношений Татарстана заменили три компании, подконтрольные семьям Шаймиевых, Шигабутдиновых и Сультеевых (Альберт Шигабутдинов - бессменный глава сперва ВТНПО «Казань», а затем ТАИФ Рустем Сультеев работал заместителем Шигабутдинова со времён «Казани»).

В 2006 г. в инвестиционном меморандуме ТАИФ братья Айрат и Радик Шаймиевы были названы совладельцами ООО «НИРА-экспорт». Этой компании принадлежали тогда около 19% ОАО «ТАИФ», ещё 5% ТАИФ Радик Шаймиев владел напрямую. Сейчас, как сообщает аудированная отчётность ТАИФ, Радик Шаймиев контролирует 11,5% акций группы.

Какова была сумма сделки и какими активами ТАИФ владела на момент своей приватизации, компания так и не раскрыла. Альберт Шигабутдинов в интервью Forbes говорил лишь, что финансовое положение компании после кризиса 1998 г. было шатким. Дело в том, что одним из крупнейших проектов ТАИФ в 90-х годах стало участие в строительстве нефтеперерабатывающего завода в Нефтекамске. Реализуя свою часть проекта, ТАИФ влезла в долги. Общий объём задолженности превышал $500 млн, компания фактически была банкротом. Тогда правительство республики приняло решение выйти из числа акционеров. Это всё, что рассказал мне Альберт Шигабутдинов об обстоятельствах приватизации ТАИФ.

Но превратившись из государственной компании в частную, ТАИФ вовсе не снизила темпов роста. Очередным приобретением стал Нижнекамский нефтеперерабатывающий завод. Власти республики ещё в 1997 г. решили реконструировать это предприятие, чтобы оно могло выпускать высокооктановый бензин. Была выстроена сложная схема: завод передал ТАИФ оборудование, которое подлежало модернизации, ТАИФ получала у «Татнефти» нефть, перерабатывала её на арендованном оборудовании в прямогонный бензин и продавала его самому заводу. Предполагалось, что на вырученные деньги и будет проводиться реконструкция. Реконструкция действительно состоялась, но одновременно завод крупно задолжал ТАИФ. Последовала серия разбирательств в арбитражных судах, точку в которой поставил Минтимер Шаймиев: в июне 2005 г. Совет безопасности Татарстана принял решение передать ТАИФ весь производственный комплекс завода. «Республиканский Совбез принял решение о передаче завода частной компании, контролируемой сыном президента!» - так трактует сделку Ирек Муртазин. ТАИФ вложила в строительство НПЗ около $1,8 млрд, утверждает Альберт Шигабутдинов. Как бы то ни было, ТАИФ получила контроль над одним из крупнейших предприятий республики с годовой выручкой $3,5 млрд (по итогам 2009 г.)

Если стремительный рост «Интеко» в середине «тучных нулевых» питал рост цен на московскую недвижимость и котировок на фондовом рыке, то ТАИФ сделала ставку на нефтепереработку и нефтехимию - традиционно сильные отрасли экономики Татарстана. Сейчас нефтехимия - ключевое направление деятельности ТАИФ, она приносит компании около 75% выручки. Кроме Нижнекамского НПЗ в состав группы входят ещё два нефтехимических гиганта - «Казаньоргсинтез» и «Нижнекамскнефтехим». Альберт Шигабутдинов настаивал, что акции этих предприятий были приобретены «с рынка», но отказался назвать, в какую сумму обошлась их покупка.Судя по отчётности, «с рынка» были приобретены акции, которые до этого контролировал менеджмент

предприятий. И похоже, в какой-то момент от лица поддерживаемой властями ТАИФ им было сделано предложение, от которого они не смогли отказаться.

Сейчас нефтехимия - ключевое направление деятельности ТАИФ, она приносит компании около 75% выручки. Кроме Нижнекамского НПЗ в состав группы входят ещё два нефтехимических гиганта - «Казаньоргсинтез» и «Нижнекамскнефтехим». Альберт Шигабутдинов настаивал, что акции этих предприятий были приобретены «с рынка», но отказался назвать, в какую сумму обошлась их покупка.

Кроме нефтехимии ТАИФ занимается строительством, группе принадлежит сеть из нескольких десятков АЗС, две телекомпании. Есть свой банк и таможенный брокер. А вот за пределы республики ТАИФ так и не вышла. «Начал было согласовывать получение лицензии по России, но увидел там такое… Нужно всё бросить и этим заниматься», - рассказывает Шигабутдинов о попытке развития сотовой связи за пределами республики. Вне Татарстана ТАИФ ждала агрессивная среда, где работали компании с не менее мощным административным ресурсом.

Итак, что имеем? За полтора десятилетия ключевые предприятия одного из самых богатых российских регионов, заботливо охраняемые местными властями от пришлых олигархов, оказались в собственности компании, сфера интересов которой строго ограничена пределами республики и которая принадлежит нескольким влиятельным местным семьям, включая семью самого президента республики.

«Коррупционное сращивание интересов руководства республики и руководства ТАИФ» - так это называл Ирек Муртазин.

При этом нельзя сказать, что ТАИФ заполучила задаром активы и дальше их просто нещадно эксплуатировала. Компания Радика Шаймиева серьёзно инвестировала в предприятия республики. Например, «Казаньоргсинтез» за те пять лет, что находится под контролем ТАИФ, увеличил выручку с $400 млн до $940 млн, и не только за счёт удачной рыночной конъюнктуры: ТАИФ запустила на предприятии несколько масштабных проектов по модернизации и увеличению мощностей. Схожими темпами развивались и другие предприятия группы. Однако «экономическое чудо» ТАИФ было выстроено на зыбком фундаменте - массированном привлечении займов. Результат - высокая долговая нагрузка группы. Например, у «Казаньоргсинтеза» соотношение «долг/выручка» в начале 2009 г. было на уровне 1,4. В среднем по российским нефтехимическим предприятиям этот показатель составлял 0,6. К началу кризиса общая задолженность группы достигла 60 млрд руб.

В мае 2009 г. «Казаньоргсинтез» допустил дефолт по некоторым из своих обязательств. ТАИФ пришлось нанять инвестиционный банк Morgan Stanley для разработки условий реструктуризации его долгов. Западные банки на предложенные условия согласились, а вот российские - ВТБ и «Сбербанк» - потребовали конвертировать долг в долю в капитале комбината. В ТАИФ за этим демаршем усмотрели очередную попытку

федерального бизнеса подмять под себя лучшие республиканские активы. Атаку помог отбить, как это и было всегда, президент Шаймиев. Но это был уже последний раз. В январе 2010 г. Шаймиев ушёл в отставку.

За полгода до этого на мой вопрос, не грозит ли ТАИФ раскулачивание после смены власти в республике, Альберт Шигабутдинов уверенно отвечал: «Смены власти не произойдёт. Может произойти смена руководителя власти. А экономические, политические основы сохранятся». В случае Татарстана так и произошло. Вместо Шаймиева, который ушёл с поста главы республики без особых скандалов, президентом был назначен Рустам Минихановв.

Миннихинов - это «ресин» Шаймиева. Сказать, что нынешний глава Татарстана многим обязан своему предшественнику, это ещё ничего не сказать. Он «свой человек» на 200%. Шаймиев вытащил его в большую республиканскую политику, потом назначил руководить «Татнефтью», затем посадил в кресло главы правительства республики. Естественно, ни о каких гонениях на ТАИФ при таком новом президенте и речи быть не может. Более того, бизнес Радика Шаймиева продолжает развиваться. Уже в 2010 г. ТАИФ вошла в энергетический бизнес, выкупив у государственной «Татэнерго» несколько крупных электростанций.

В Башкирии ситуация для бизнеса семьи главы республики обернулась по-другому, хотя начиналось всё вроде бы одинаково.

Звезда Муртазы Рахимова взошла в 1990 г. В номенклатурной верхушке республики царила неразбериха. Кадровая политика ЦК КПСС в Уфе дала сбой. Всё началось в 1987 г. - на пенсию был отправлен первый секретарь башкирского обкома Мидхат Шакиров, правивший республикой без малого 20 лет. Ему на смену ЦК прислало «варяга» - Ревмира Хабибуллина, который родился в Башкирии, но карьеру делал в Казани, Перми и Москве. С местными бонзами Хабибуллин не сработался. В 1990 г. против него взбунтовалось большинство горкомов и райкомов. Бюро обкома во главе с Хабибуллиным ушло в отставку. Тут подоспели и первые относительно свободные выборы советов народных депутатов. Одним из вновь избранных членов Верховного Совета Башкирии стал Муртаза Рахимов, директор Уфимского нефтеперерабатывающего завода им. XXII съезда КПСС (сегодня - ОАО «Уфанефтехим»).

Кандидатура Рахимова многим в Башкирии тогда казалось компромиссной - башкир, вся жизнь прошла в республике, хозяйственник, директор крупного предприятия. На первой же сессии Верховного Совета Рахимов был избран его председателем. Дальше последовали четыре года изощрённых интриг в республике, лавирования между президентом Борисом Ельциным и федеральным Верховным Советом, торги за полномочия с Москвой. Итог: в 1993 г. Рахимов с подавляющим преимуществом победил на выборах президента Башкирии. Власть оказалась в его руках до 2010 г.

Естественно, что, получив в свои руки всю полноту власти, Рахимов тут же занялся и вопросами собственности. В декабре 1992 г. Верховный

совет Башкортостана принял решение, по которому федеральное законодательство о приватизации приостанавливалось и вводился местный план действий. В течение последующего года предприятия, расположенные в Башкирии, были акционированы, контрольные пакеты их акций вскоре оказались в собственности республиканских структур. Ключевыми среди предприятий, которыми теперь полновластно распоряжались уфимские власти, были четыре нефтеперерабатывающих завода: три в самой Уфе, и один в городе Салават. Вокруг этих предприятий и вырос семейный бизнес Рахимовых. Но это будет потом.

А в начале 90-х, чтобы получить доступ к ресурсам предприятий, необходимо было не только получить их акции, но и установить контроль над денежными и товарными потоками. Ещё в 1991 г. Совет министров Башкирии издал постановление, по которому руководители крупнейших предприятий, в том числе основы республиканской промышленности - четырёх нефтеперерабатывающих заводов, могли быть назначены лишь по согласованию с республиканскими властями. Все руководители заводов прошли переутверждение. А при них появились лично хорошо знакомые Муртазе Рахимову новые люди из башкир.Спустя несколько лет «хороших знакомых» сменил сын Муртаза Урал Рахимов.

Ещё в 1991 г. Совет министров Башкирии издал постановление, по которому руководители крупнейших предприятий, в том числе основы республиканской промышленности - четырёх нефтеперерабатывающих заводов, могли быть назначены лишь по согласованию с республиканскими властями. Все руководители заводов прошли переутверждение. А при них появились лично хорошо знакомые Муртазе Рахимову новые люди из башкир.

Тут стоит сделать небольшое отступление. Сложно сказать почему, но история становления семейного бизнеса в Башкирии оказалась намного более брутальной, чем история «Интеко» в Москве или ТАИФ в Казани.

Что тут сыграло главную роль личность Муртазы Рахимова и его сына или какие-то социально-экономические особенности оказавшейся под их управлением территории, - непонятно. Но правление Рахимова в Башкирии отмечено намного большим количеством скандалов и громких убийств, явно связанных с деятельностью властей, чем президентство Шаймиева или мэрство Лужкова. Возможно, это происходило из-за того, что Рахимову, в отличие от его коллег, не удалось добиться полной «герметичности» политической системы региона.

То есть да, он побеждал на выборах с оглушительным превосходством, но его соперниками, в отличие от Москвы или Татарстана, были не заведомо «маргинальные» политики, а вполне серьёзные кандидаты, политический вес и статус которых был соизмерим с рахимовскими. В 1998 г. это был один из лидеров КПРФ Александр Аринин, в 2003 году - сенатор Ралиф Сафин и банкир Сергей Веремеенко. Оба раза в республике разворачивалась ожесточённая кампания и нелицеприятные для Рахимова подробности местной политической жизни

становились достоянием публики.

Но вернёмся в начало 90-х годов. Январским вечером 1994 г. трое мужчин стояли в подъезде дома на улице Коммунистическая в Уфе. Они чего-то ждали. По рукам ходила бутылка «Монастырской трапезы», дешёвого красного вина. Дверь внизу открылась, в подъезд вошёл высокий мужчина в шапке. Бутылка была отставлена. Один из поджидавших шагнул вперёд и нанёс вошедшему удар в челюсть. После этого одной рукой зажал рот, а другой обхватил жертву, лишив возможности сопротивляться. Второй сообщник в это время нанёс несколько ножевых ударов. Казалось, дело кончено. Мужчина медленно осел на землю. Но стоило убийцам отступить на шаг, как раненый поднялся и нетвёрдой походкой направился к дверям, пытаясь выбраться наружу. Тогда третий из бандитов достал пистолет Taurus и несколько раз нажал на курок. Одна из пуль попала в голову мужчины. Смерть наступила мгновенно.

На следующий день Уфа гудела: убитым оказался Салават Гайнанов, ещё пару месяцев назад - большой человек в местной власти, первый заместитель генерального директора Новоуфимского НПЗ. На эту должность Гайнанов был назначен лично Рахимовым и несколько лет курировал отгрузку нефтепродуктов с завода и закупку необходимого для предприятия оборудования. Этот человек решал вопросы на десятки миллионов долларов, гигантские по меркам начала 90-х годов суммы. В октябре 1993 г. Гайнанов был смещён со своего поста. В январе 1994 - убит. Спустя 15 лет убийство было раскрыто. Его непосредственными исполнителями были члены банды из города Кингисепп Ленинградской области. А вот кто заказчик? Следствие уверено, что это Сергей Изместьев, в будущем крупный нефтетрейдер и член Совета Федерации от Республики Башкирия. Сам Изместьев утверждает, что Гайнанов перед гибелью поссорился с башкирским президентом. Вроде бы как Гайнанов начал работать на свой карман и обходил интересы Рахимова. За пару месяцев до убийства Гайнанова разжаловали - из фактически главного контролёра финансовых потоков предприятия он стал руководителем одного из отделов. Потом Гайнанов был убит. А вот финансовые потоки постепенно перешли под контроль сына Рахимова, Урала, который к тому времени вернулся из Франции, где учился в университете.

Офис Рахимова-младшего разместился в бывшем доме приёмов «Башкирэнерго». Сюда, на пересечение улиц Коммунистическая и Свободы, приезжали директора заводов. В кабинете негласного куратора башкирской «нефтянки» их встречал молодой на вид человек с бледным лицом.

«Отказывать [Уралу] Рахимову никто из руководства [башкирской] группы заводов не решался. Его мнение под сомнение не ставилось. Указания выполнялись беспрекословно», - вспоминает один из бывших директоров заводов.

В ходе встреч никаких указаний Рахимов не давал, только выслушивал. Указания появлялись позже: в виде документов за подписью

Валерия Сперанского - главного бухгалтера ОАО «Башнефтехим», которое от имени правительства Башкирии управляло нефтяной промышленностью республики.

В чём состоял бизнес? Мощности башкирских НПЗ в несколько раз превосходили возможности местной нефтедобычи. Для того чтобы загрузить предприятия нефтью, надо было найти сырьё в Западной Сибири. Стремление Рахимова огородить своё нефтяное хозяйство от посягательств федеральных олигархов эту задачу серьёзно осложнило. Крупные нефтяные компании, такие как ЮКОС или ЛУКОЙЛ, были, конечно, готовы поставить нефть. Но на условиях предоплаты. Таких денег в «оборотке» у башкирских заводов не было. Недостаток восполняли так называемые «давальцы» - нефтетрейдеры, подобные Изместьеву, которые находили партии нефти и организовывали их поставку на заводы. Те, перерабатывая нефть, получали от «давальцев» оговорённый платёж.

Кто и на каких условиях приходил? Дело тёмное. В 1995 г., спустя два года после убийства Гайнанова, контрольно-ревизионное управление Башкирии провело проверку деятельности Новоуфимского завода. В её ходе были выявлены многочисленные случаи, когда завод оплачивал будущие поставки нефти, а сырьё не поступало. Более $30 млн валютной выручки, полученной от продажи нефтепродуктов, так и не попало на счета предприятия. Отгрузка продукции по нефтепроводу месяцами производилась без всяких документов об оплате со стороны покупателя. Десятки тысяч тонн бензина и мазута были отгружены по подложным документам. Руководство завода все грехи валило на погибшего Гайнанова, который курировал сбыт и закупку сырья. Но это не помогло: директор завода Владимир Каракуц был уволен. И он ещё легко отделался.

Кого пускать с «давальческой» нефтью на заводы и на каких условиях - этот вопрос решал Урал Рахимов лично. Финансовые возможности претендентов, их история работы на рынке - это был далеко не главный критерий отбора. Показательна история взлёта и падения башкирского бизнеса компании «ВМС-Октан». Если в начале 2001 г. объёмы её поставок на уфимские заводы не превышали 30 тыс. т в месяц, то спустя год они выросли на порядок, до 300 тыс. т. У «ВМС-Октан» за тот год, когда компания превратилась в одного из крупнейших «давальцев» в Башкирии, ничего не изменилось - не появилось ни нефтяных месторождений, ни ресурсов для финансирования сделок по закупке нефти у крупных компаний. Между тем переработка 1 т нефти приносила «ВМС-Октан» около $25 чистой прибыли. В чём секрет успеха?

Если говорить коротко: Василий Хитаришвили, один из партнёров по бизнесу «ВМС-Октан», сумел завоевать доверие Урала Рахимова. Каким именно образом Хитаришвили удалось пробиться в число доверенных лиц сына башкирского президента, сегодня уже не выяснить. В декабре 2003 г. бизнесмен был убит у подъезда своего дома. Бизнес «ВМС-Октан» в Уфе тут же остановился. В списке «давальцев», допущенных к работе на

уфимских заводах в январе 2004 г., компании Хитаришвили и его партнёров уже не было. Источник Forbes, знакомый с ситуацией, говорит, что выбиться в число крупнейших «давальцев» уфимских заводов «ВМС-Октан» помогла некая Эльза Фесак, давняя и хорошая знакомая Урала Рахимова. Фесак возглавляла уфимское представительство «ВМС-Октан». А после гибели Хитаришвили учредила собственную компанию, которая занялась поставками нефти на башкирские заводы.

Почему именно был убит Хитаришвили - до сих пор до конца не ясно. Это преступление также пытаются «повесить» на Изместьева, вроде бы как рост компании Хитаришвили происходил за счёт доли Изместьева. Но выглядит это неубедительно - кому и сколько нефти поставлять для переработки на башкирские заводы, решал Урал Рахимов лично. И, устранив «конкурента», Изместьев, естественно, не получал никаких гарантий, что освободившаяся «квота» достанется ему. Изместьева ещё обвиняют в убийстве в 2002 г. Валерия Сперанского, финансового гения и «правой руки» Урала Рахимова. Но это всё скорее частности. А главное - непосредственно перед выборами 2003 г., где Муртаза Рахимов пусть и со скандалами, но победил, Урал Рахимов несколькими сделками оформил на свои структуры в собственность все четыре башкирских НПЗ, а также «Башкирэнерго» и сеть АЗС в республике.

Эту операцию, выглядевшую уж слишком явным выводом активов из государственной собственности, расследовала Счётная палата и признала незаконной. Сделки пытались опротестовать и развернуть назад федеральное Минимущества и налоговая служба. Но Рахимовым все претензии удалось отбить, а на активы найти подходящего покупателя. В 2005 г. Урал Рахимов продал 25% своего бизнеса группе АФК «Система». А весной 2009 г. «Система» выкупила у сына башкирского президента и остававшийся в его руках контрольный пакет группы «БашТЭК». Именно так назывался в то время агломерат активов, подконтрольный Уралу Рахимову. В его состав входило четыре нефтеперерабатывающих предприятия. Добывающая компания «Башнефть», сеть АЗВ в республике, а также региональная энергокомпания «Башкирэнерго». Всё это хозяйство Рахимов-младший продал за $2 млрд. А в июле 2010 г., спустя год после сделки, президент Башкирии Муртаза Рахимов удалился на пенсию. Спешно созванный парламент Башкирии единогласно проголосовал за пожизненные гарантии и льготы для экс-президента. Урал Рахимов уже долгое время живёт в Австрии.

В 1999 г., накануне выборов нового президента вместо больного Бориса Ельцина, Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев и Муртаза Рахимов, объединив усилия, создали движение «Отечество - Вся Россия». ОВР попыталось выдвинуть на пост президента РФ своего кандидата - Евгения Примакова, и проиграло. Региональные бароны потерпели фиаско в своих политических амбициях. Однако последующие 10 лет позволили им компенсировать политическое поражение дивидендами в виде компаний с миллиардной стоимостью, созданных их ближайшими родственниками.

Корпорации «Интеко», «БашТЭК» и ТАИФ делает похожими многое.

Все три были созданы под покровительством глав региона (где-то оно было гласное, где-то всячески отрицалось). Легализация всех трёх корпораций как не только фактически, но и формально принадлежавших родственникам глав регионов произошла в 2002-2004 гг.

Но наступил 2010 г. и явно засидевшимся в своих креслах политическим «долгожителям» пришлось уйти.

Успешнее всего свой уход обставил президент Татарстана Минтимер Шаймиев. «Башкирбаши» действовал намного более топорно. Если после отставки главы Татарстана его родственники остались в «бизнесе», то Урал Рахимов провернул классическую сделку по выходу в «кэш». Почему так произошло? Вряд ли Рахимов-старший хотел видеть своего сына в фактической эмиграции, но у Урала Рахимова к концу 2000-х не было другого выхода. Всё дело в ошибке, которую допустил его отец. Если Шаймиев до последних дней президентства пытался находить баланс в своём окружении и вовсе не намеревался отдать сыну «всю республику», то Рахимов поступил именно так. В результате внутри башкирской элиты у президента не было столь широкой поддержки, как у Шаймиева в Татарстане. При этом атаки на башкирские активы со стороны внешних игроков - и государственых компаний, и частных корпораций, точивших зуб на последние нераспределенные куски большой «нефтянки», - были направлены именно против Урала, которого отец сделал единственным хранителем главного богатства республики. Эта система оказалась слишком уязвимой. Сперва была подорвана репутация, а потом и сама власть башкирбаши Рахимова.

В случае с московским мэром Юрием Лужковым ситуация до самого последнего времени казалась больше похожей на татарский сценарий. «Интеко» была гораздо менее одиозна, чем «БашТЭК» Урала Рахимова. Елена Батурина отнюдь не играет роли главной хранительницы ключевых активов столицы. Система управления, выстроенная Лужковым в Москве, работала без сбоев. А население до сих пор считает, что именно благодаря Лужкову в Москве пенсии и прочие виды помощи от государства намного «жирнее», чем даже в соседней Московской области. У Юрия Лужкова были все шансы реализовать вариант передачи власти «по-казански» и тем самым гарантировать безоблачное будущее «Интеко». Но вышло по-другому.

Глава 10. Конец «лужковской» Москвы. Что дальше?

Признаки того, что эра Юрия Лужкова приближается к закату, были видны невооружённым взглядом все последние годы. Лужков это чувствовал и чем дальше, тем больше вёл себя как человек, которому уже нечего терять.

В 2008 г. Лужков ввязался в заочную полемику с президентом Дмитрием Медведевым. В интервью одному из телевизионных каналов он возьми, да и скажи, что отмена выборности губернаторов - большая

ошибка. На следующий день Медведев заявил: кто не согласен с политикой властей - пусть переходит в оппозицию.

Все поняли, что адресатом послания был Юрий Лужков. И, как потом стало известно, сам мэр воспринял «наезд» весьма серьёзно и подал Медведеву заявление об отставке. Президент удовлетворять его не стал. Но, похоже, отношения мэра и президента были к тому времени безнадёжно испорчены.

Уже было понятно, что Дмитрий Медведев, в отличие от Владимира Путина, кадровые вопросы склонен решать радикально. Если Путин мог годами терпеть чиновников, к которым имел претензии, не увольняя их до последнего, то Медведев оказался скор на расправу. В отношении губернаторского корпуса он и вовсе взял курс на радикальную зачистку. Все значимые в политическом смысле главы регионов - свердловский Эдуард Россель, ростовский Владимир Чуб, карельский Сергей Катанандов и ряд других, просидевшие в своих креслах по десять и более лет, - были уволены. Материализовалась и стала вполне реальной перспектива замены руководителей и тех субъектов федерации, которые в 90-е годы служили цитаделью региональной вольницы - Татарстана, Башкирии и Москвы.

Первой пала Казань - в январе 2010 г. Минтимир Шаймиев подал в отставку. Но, как я уже говорил, президент Татарстана сумел обставить дело так, что ему «наследовал» проверенный человек из ближайшего окружения Шаймиева. И вряд ли от Рустама Минниханова стоит ждать резких телодвижений. В Уфе Муртаза Рахимов бился до последнего. Он, как и Шаймиев, пытался протащить на пост главы республики своего человека. Но против Рахимова было слишком многое, начиная с многочисленных уголовных дел, связанных с приватизацией башкирской «нефтянки». Башкирбаши, фактически отдавший самые ценные активы республики в собственность своему сыну, был слишком одиозен.Видимо, Рахимов и сам понимал бесперспективность противостояния. Однако Кремлю, чтобы сломить сопротивление президента, понадобилось даже показать по НТВ фильм о «злодеяниях» башкирского режима. Столь долгую агонию можно объяснить лишь тем, что Рахимов ждал завершения сделок по продаже «БашТЭК» АФК «Системе».

В Уфе Муртаза Рахимов бился до последнего. Он, как и Шаймиев, пытался протащить на пост главы республики своего человека. Но против Рахимова было слишком многое, начиная с многочисленных уголовных дел, связанных с приватизацией башкирской «нефтянки». Башкирбаши, фактически отдавший самые ценные активы республики в собственность своему сыну, был слишком одиозен.

Но всему приходит конец. В июле 2010 г. президент Башкирии Муртаза Рахимов, получив из рук Дмитрия Медведева орден «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени, удалился на пенсию. Спешно созванный парламент Башкирии единогласно проголосовал за пожизненные гарантии и льготы для экс-президента. На место Рахимова назначен Рустэм Хамитов, сделавший карьеру в федеральных госструктурах. Новый

президент республики пока резких движений избегает. «Это не чистки, - говорил мне в августе 2010 г. один из политических противников Муртазы Рахимова. - Это пока лишь лёгкое поглаживание против шерсти». Однако вместе с Хамитовым в Уфе высадился мощный десант сотрудников федеральных спецслужб. Они опекают нового главу региона и готовят почву для масштабных чисток уже внутри системы республиканской власти. А в том, что они вскоре последуют, мало кто сомневается.Урал Рахимов за последний год в России не был ни разу, предпочитая то ли Австрию, то ли Эстонию. Видимо, где-то там и около $2 млрд, которые сын бывшего башкирского президента получил, продав предприятия Башкирского ТЭК.

Однако вместе с Хамитовым в Уфе высадился мощный десант сотрудников федеральных спецслужб. Они опекают нового главу региона и готовят почву для масштабных чисток уже внутри системы республиканской власти. А в том, что они вскоре последуют, мало кто сомневается.

Итак, из троицы лидеров блока «Отечество - Вся Россия» образца 1999 г. к осени 2010 у власти оставался лишь Юрий Лужков. Было понятно, что ненадолго. Запах скорой добычи унюхали «падальщики».

В конце 2009 г. с нападками на Лужкова обрушился лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Московское правительство он назвал «источником коррупции», а его членов - «мошенниками». Характерно, что скандальное заявление Жириновский сделал, выйдя со встречи с Дмитрием Медведевым. Лужков подал иск в суд и выиграл у Жириновского 500 тыс. руб. за моральный ущерб. Однако Жириновский не унимался.

В апреле, уже на заседании Государственной Думы в присутствии Владимира Путина, Жириновский обвинил Лужкова в давлении на суды, окружение столичного мэра назвал «московской мафией», заявил, что все тендеры в столице выигрываются за счёт протекции со стороны городских властей. Лужков передаёт «самые жирные куски в руки иностранцев», готовит себе «пути отхода» после отставки - буйствовал лидер ЛДПР.

В это время Путин листал папку с «компроматом» на Лужкова, которую Жириновский передал ему перед выступлением. Когда Жириновский закончил, премьер иронично заметил: «Вот тут Владимир Вольфович сказали, что Лужков хочет отдать самые жирные куски за границу. С чего бы это Лужков хотел отдать самые жирные куски?.. Кому? За границу?! Вы себе представляете Лужкова, который отдаёт самые жирные куски? Думаю, что Владимир Вольфович заблуждается». Ситуация выглядела анекдотично, но было понятно, что, если такое себе позволяет отличающийся безупречным политическим «нюхом» Владимир Жириновский, значит, и в самом деле вопрос с отставкой Лужкова уже решён.

Финальный акт драмы начался в августе 2010 г. Смог от подмосковных пожаров заволок Москву. На улицах города люди

передвигались в марлевых повязках. А мэр в это время ушёл в отпуск и наслаждается прохладным горным воздухом в Австрии. И возвращаться не торопится. Именно такое мнение сложилось у горожан, когда портал Lifenews опубликовал интервью Сергея Цоя, пресс-секретаря Лужкова, в котором Цой сообщил: все проблемы - в Подмосковье, и в том, чтобы мэр Москвы прервал свой отпуск, нет никакой необходимости. Заявление Цоя было мгновенно растиражировано.В такой ситуации продолжать свой отпуск означало бросить вызов и обществу, и федеральным властям. Ведь Путин и Медведев, борющиеся с пожарами, в это время не сходили с экранов. Через несколько дней Лужков вернулся. «Вы правильно сделали, что вернулись из отпуска, своевременно сделали», - похвалил Лужкова перед телекамерами Владимир Путин во время встречи, которая состоялась сразу после выхода мэра Москвы на работу.

Однако из Кремля, от президента Дмитрия Медведева, поступил совсем другой сигнал. Некий анонимный источник (судя по всему, это был Алексей Громов, замглавы администрации Медведева, куратор кремлёвской пресс-службы и политики в отношении СМИ) сообщил информагентствам, что в президентской администрации считают неправильным само решение Лужкова уйти в это время в отпуск. «В такой ситуации, которая сложилась в городе, крайне важно, чтобы власти находились на месте и непосредственно, лично, каждую минуту принимали все возможные меры для оказания помощи жителям и приезжим», - передали агентства слова «источника».

Юрий Лужков в долгу не остался. На заседании правительства Москвы в конце августа мэр Москвы предъявил претензии к федеральным властям, потребовав от них оплаты парковочных мест у Администрации Президента, Госдумы и других правительственных зданий. «Есть масса вопросов, связанных с проблемами отгороженных участков земли на территориях города. Например, несанкционированные парковки, когда стоят столбики, а за используемые земли никто не платит, - заявил Лужков. - Необходимо либо закрывать эти парковки, либо взимать за них плату. Например, отгороженные земельные участки под машины депутатов Госдумы. У Старой площади перегорожен участок земли, и за него никто не платит. У банков столбики стоят. Это всё недоработки». Тирада Лужкова была воспринята как ответ «источнику» из Кремля. Намёками Лужков не ограничился. Выступая в программе «Лицом к городу» телеканала ТВЦ, мэр расставил все точки. Лужков заявил, что при его досрочном возвращении из отпуска в начале августа, с одной стороны, была поддержка премьера правительства Владимира Путина, «с другой стороны - из администрации [президента] пошёл пинок». «Видишь ли, шесть дней [отпуска] - это много. Я вернулся, как была возможность», - отрезал Лужков.

Затем была статья «Конкуренция вокруг Москвы» в «Московском комсомольце», где пространно обсуждались проблемы царствующего тандема. Мол, некие силы «сейчас старательно обхаживают Медведева, науськивают его и на политического отца (то есть Путина. - М.К.), и на все его главные опоры - в том числе на Лужкова». И хотя «Владимир

Владимирович предусмотрел множество сдержек и противовесов вокруг Дмитрия Анатольевича, - написал автор статьи, некий Юрий Ковелицын, - команда нынешнего первого лица напирает с такой силой, что обстановка - в частности, прямое гонение из-за „зубчатой стены“ на мэра Москвы - выходит далеко за рамки всяческих политических приличий». «Выбор мишени для давления» в статье объясняется следующим образом: «Смена руководителя Москвы, лояльного премьеру и немало поработавшего с ним над стабилизацией положения не только в столице, но и по всей России, открывает дорогу цветному бунту… Досрочный выход на свободу Ходорковского - символ разрыва с политикой жёсткого контроля за любителями превращения собственности во власть. Даже если сейчас Путин располагает многими рычагами управления обстановкой в стране - изрядная часть этих рычагов будет сломана любым из двух ударов». За «зубчатой стеной» подумали, что Ковелицына на самом деле зовут Лужков.

В отношении статьи, вышедшей в тот же день в «Российской газете», и гадать не надо было. Её автором Юрий Лужков был указан совершенно официально. В материале он раскритиковал решение Дмитрия Медведева приостановить строительство дороги Москва - Санкт-Петербург через Химкинский лес. А дополнительные общественные слушания, которые Медведев предложил провести по этому вопросу, назвал «болтовнёй», которую «не стоит и затевать».

На следующий день из Кремля раздался окрик. Всё тот же «неназванный источник» заявил, что в последних публикациях в ряде московских СМИ «прослеживаются попытки некоторых представителей столичных властей столкнуть президента и премьера». Что «власти Москвы переусердствовали в своих попытках столкнуть президента и премьер-министра. Это явно недопустимо, абсолютно не соответствует реальным отношениям между главой государства и председателем правительства». И дальше следовало недвусмысленное предупреждение - «очевидно, что подобные попытки не останутся без соответствующей реакции».

Было ясно, что раз полемика мэра и президента вышла на уровень перепалки через газеты, значит, вариант с заменой Лужкова в кресле главы Москвы на его доверенное лицо уже невозможен. Не ясно было лишь, до какой степени может дойти эскалация конфликта: уволится ли Лужков по собственному желанию или будет отрешён от должности по причине утраты доверия со стороны президента.

Лужков всё упирался. Тогда была задействована тяжёлая артиллерия. Федеральные телеканалы, как один, показали в прайм-тайм программы, посвящённые «преступлениям» мэра. В числе прочего на НТВ вышел фильм «Дело в кепке», где был практически полностью процитирован доклад Бориса Немцова «Лужков. Итоги», а в роли главного «обличителя» выступил Сергей Доренко. Через неделю на том же канале вышел фильм «Дорогая Елена Николаевна», посвящённый бизнесу «Интеко». Лужков и Батурина, как водится, подали иски в суды с

требованиями компенсаций и опровержений. Но дело двигалось к развязке. 18 сентября у Лужкова состоялась встреча с главой президентской администрации Сергеем Нарышкиным и его первым замом Владиславом Сурковым. От Лужкова в ультимативной форме потребовали добровольной отставки. Он отказался. «Какие для этого есть реальные основания? Я потерял поддержку москвичей? Нет, не потерял. Хозяйство развалилось, мы убираем снег лопатами? Скажите, если это существенные причины, я ни на секунду не буду задерживаться», - заявил Лужков в интервью телеканалу «РЕН-ТВ» на следующий день. Видимо, то же самое он сказал и Нарышкину с Сурковым.

19 сентября Лужков на неделю уехал в отпуск в Альпы, где отпраздновал свой 74-й день рождения. Вернулся в Москву 26 сентября. А через день Дмитрий Медведев подписал указ об отрешении Лужкова от должности мэра Москвы в связи с утратой доверия. «Лужковский период» в истории Москвы завершился.

<kzrvm010.jpg>

Ну а что же Елена Батурина? Как в 1991 г. она, не раздумывая, поехала с мужем в осаждённый Белый дом, так и сейчас, не прячась, поддержала Лужкова.

Во время последнего отпуска Юрия Лужкова перед отставкой Елена Батурина дала из Австрии по Skype развёрнутое интервью Евгении Альбац, главному редактору оппозиционного издания The New Times.

Батурина прошлась по «неназванному источнику» в Кремле:

«…Заказчик этой кампании определён, и называется он „неназванный источник в Кремле“ (смеётся). Причём „неназванный источник в Кремле“ у нас сначала появился на НТВ, потом вот появился на федеральных каналах. Так что, я думаю, это уже просто штатная единица в Кремле. Так и называется: „неназванный источник в Кремле“!..»

Рассказала без обиняков о подоплёке конфликта:

«…Я думаю, что люди в Администрации Президента в преддверии 2012 года хотят стабильности в своём положении…

Потому что, как мы, наверное, с вами предполагаем, есть конфликт: кто же у нас будет претендовать на роль президента в 2012 году… У нас как бы два претендента сейчас. И кто всё-таки заявит себя на роль президента в 2012 году - этот вопрос открыт. И есть люди в администрации президента, которые опасаются, что мэр при приближении выборов может занять позицию не президента Медведева, а премьера Путина. Виртуальная ситуация сама по себе. Хотя, как мы понимаем прекрасно, наверное, эти люди, раз уж они всё так закрутили, должны договориться между собой. Но люди, которые сидят на больших постах, наверное, хотят сделать эту ситуацию безальтернативной. Я, честно говоря, предполагала это ещё осенью прошлого года. Что ситуация, когда нужно дискредитировать мэра Москвы, обязательно будет в преддверии этих выборов…»

Ещё раз заявила, что никаких преференций от московских властей не получала и имеет право заниматься тем, чем занимается:

«…Есть земля, принадлежавшая чужим дядькам на рынке, которую я купила. И как любой, заметьте, любой застройщик в городе, любой владелец земли в городе, если эта территория по генеральному плану попадает под застройку, я имею право на этом месте построить жильё. Так или нет?

Если вы хотите, чтобы мне ставили более жёсткие условия, чем всем остальным, это дискриминация. В чём тогда конфликт интересов?..»

Батурина обещала и дальше судиться со всеми, кто будет пытаться бросить тень на её репутацию. Наличие планов эмигрировать из России отрицала. На вопрос о том, не боится ли в связи с эскалацией конфликта появления многочисленных уголовных дел против неё, ответила в том духе, что все под богом ходим.

Дав это интервью, жена тогда ещё мэра Лужкова перетянула на свою сторону симпатии многих. Но развитию бизнеса только навредила. Возможно, сегодня ей стоило бы себя вести менее заметно. Ведь кому, как не Батуриной, знать, насколько уязвим девелоперский бизнес. Желающим отхватить кусок от потерявшей политическое прикрытие «Интеко» не придётся далеко ходить за материалами для уголовных дел. Взять хотя бы доклад Счётной палаты о проверке МГУ. Там чёрным по белому написано: «на земельных участках, переданных МГУ в бессрочное безвозмездное пользование для осуществления уставной деятельности, без согласования с собственником (то есть Минимущества. - М.К.) осуществлено и продолжается строительство ряда объектов офисного и торгового назначения, жилья для коммерческой реализации на земельных участках общей площадью 22,8 га». И дальше все эти участки перечислены. Среди них - стройки «Интеко» на землях МГУ.

Или взять историю с землями на Минской улице, которые Батурина считает своими, а МИД - своими. Летом 2010 г. тяжба за этот участок вышла на уровень Дмитрия Медведева. Генеральный прокурор Юрий Чайка написал письмо президенту, в котором утверждал, что земли на Сетуни достались «Интеко» в результате бездеятельности московских властей. Те должны были обеспечить регистрацию этих участков в собственность МИДа, но не обеспечили. Кроме того, право собственности самого «Матвеевского» на землю в 2003 г. было оформлено с нарушениями. Документы на участки должным образом не проверялись. Генпрокурор уведомил президента, что материалы проверок уже переданы в Следственный комитет при прокуратуре по Москве. Основания для возбуждения уголовных дел против лиц, причастных к той сделке, прокуратурой, как утверждалось в письме Юрия Чайки, есть. «Ситуация неприличная. Международные обязательства Российской Федерации сорваны. Примите исчерпывающие меры, включая обращения с исками в суд», - такую резолюцию поставил на письме Медведев.

Вопрос о том, имел или не имел МГУ право самостоятельно отдавать

под застройку свои земли, наверняка непрост. Да и собственность «Интеко» на бывшие земли «Матвеевского», скорее всего, надёжно защищена с юридической точки зрения. Однако в случае с ЮКОС и Михаилом Ходорковским для организации банкротства и перехвата управления нефтяной компанией оказалось достаточно и меньших оснований. При этом стоит учесть, что российское земельное законодательство намного более запутанное, чем «нефтяное», и даёт на порядок больше возможностей для вольных трактовок норм.

Взглянем на бизнес «Интеко», каким он является сегодня. Из всех планов, заявленных Батуриной в сфере коммерческой недвижимости, реализованы пока два крупных проекта: в Хамовниках отстроен административно-жилой центр «Фьюжн-Парк» площадью около 95 тыс. кв. м. и многофункциональный комплекс «Москва-парк» площадью 75 тыс. кв. м в Астане. Ещё два объекта - «Сити Палас» в деловом центре «Москва-Сити» (общая площадь 169 тыс. кв. м, доля Батуриной - 50%) и «Ньютон-Парк» (площадь офисов 125 тыс кв. м.) на Аминьевском шоссе - достраивается. В жилой недвижимости «Интеко» строит комплекс «Доминьон» на землях МГУ, и «Чемпион Парк» на Мичуринском проспекте. Их общая площадь - около 370 тыс. кв. м. Это самые ценные из активов Батуриной. В Москве есть ещё с десяток более мелких проектов, а также проектов, не переросших «бумажную» стадию (утверждение необходимых документов). За пределами Москвы жена бывшего столичного мэра ведёт строительство в Краснодаре, Ростове, Самаре и Санкт-Петербурге. Плюс остаётся производство изделий из пластмасс, с которого и начался бизнес.

Что с этим «хозяйством» будет дальше? Ответ зависит от того, насколько будет высока оппозиционная активность Юрия Лужкова. В течение месяца после своей отставки он успел обнародовать открытое письмо Дмитрию Медведеву (там он написал, что в России нет демократии), дать интервью The New Times (заявил о намерении создать общественное движение, которое будет способствовать «выработке законов демократического общества») и телеканалу CNN (сообщил, что не планирует уезжать за границу, поскольку его политическая деятельность должна осуществляться на родине). Если так будет продолжаться и дальше, то, возможно, Лужков будет занесён в кремлёвские списки «врагов». Тогда у бизнеса «Интеко» перспектив немного - в лучшем случае достроить и продать те проекты, которые запущены. Их стоимость Forbes на весну 2009 г. оценивал в $2,9 млрд.

Дописывая эти строчки, я поймал себя на том, что испытываю к хозяйке «Интеко» едва ли не сочувствие. Всего-то и надо было - подкупающее своей искренностью интервью из австрийского Китцбюэля, открытое письмо Лужкова и некрасивые обстоятельства его отставки.

Но подождите! А как же все те без малого 20 лет, что «Интеко» росла под крылом «родственной» власти? Неужели две недели травли по центральным телеканалам искупают все предыдущие грехи?

Начнём снова с самого начала. Детство в простой рабочей семье.

Учёба в обычной школе в пролетарском районе Текстильщики. Работа на заводе и вечернее отделение в институте управления имени Орджоникидзе, не самом престижном вузе времён заката СССР.

Знакомство с Лужковым. Ночь в Белом доме. Первые пластмассовые производства, полученные от города. Калмыцкая эпопея.

Вдова Юрия Свищева и акции ДСК-3. Цементные заводы. Земли на Ходынке и вокруг МГУ. «Большая спекуляция» на акциях «Газпрома» и «Сбербанка».

Кризис. «Рабочий и колхозница». Помощь мэрии и федеральных властей. Летняя жара и смог 2010 года. Травля на федеральных телеканалах.

Стоп. «Просмотр эпизодов» завершён. Краткая биография Елены Батуриной может уложиться в шесть строк. История её бизнеса - в четыре. И лишь один эпизод связан с противостоянием федеральным властям.

Превращение небольшого производителя изделий из пластмассы в империю, активы которой стоят миллиарды долларов, состоялось в 2000-е годы. И Владимир Путин, а затем и Дмитрий Медведев, естественно, были в курсе того, что жена мэра Москвы стала чрезвычайно успешным предпринимателем на подконтрольной мужу территории. Однако никаких мер в отношении московской «семьи» не предпринималось вплоть до того момента, как понадобилось освободить кресло московского градоначальника для «своего» человека. Лужков упёрся. В Кремле были возмущены - как так? Неужели мэр Москвы не понимает очевидных для сегодняшней России вещей? Ты зарабатываешь с того, чем управляешь. А к управлению тебя подпускает вышестоящее начальство. Если при этом тебе удобнее сделать так, чтобы «доход с управления» был оформлен как успешный бизнес жены, - это твоё дело. Но главное, что надо помнить, работая в этой системе: всё отлично, пока твой начальник тебе доверяет. Нет доверия - нет и доходов. Что здесь непонятного?

Это - очевидные вещи. Зачем я трачу ваше время на них? История с «прозрением Лужкова», его открытым письмом в поддержку демократии в стране и «откровенное» интервью Батуриной - всё это, на мой взгляд, не более чем игра. Мне не верится, чтобы сверхопытный политик Лужков и не менее опытный бизнесмен Батурина не были в курсе правил, по которым Россия живёт как минимум последние пять лет. Юрий Лужков и политическая борьба за восстановление демократии? Верится слабо.

Я не вижу Лужкова и Батурину следующими по пути Михаила Ходорковского. К ситуации больше подходит аналогия с бывшим зятем президента Казахстана Рахатом Алиевым. Пока Алиев пользовался доверием Назарбаева, ему прощалась и коррупция, и устранение конкурентов (в том числе, как утверждают сегодня казахские прокуроры, и убийства). «Грехи» Рахата стали «известны» властям, лишь когда зять вышел из доверия президента.Что оставалось делать бывшему члену «семьи» Назарбаева? Стать оппозиционером. Дать несколько

шокирующих своей откровенностью интервью. Теперь Алиев живёт в Австрии. Все запросы казахских властей добиться его экстрадиции до сих были безуспешны. Возможно, в будущем в качестве постоянных соседей он обретёт в дополнение к Уралу Рахимову и чету Лужкова - Батурину.

Естественно, это крайний сценарий развития событий. Политическая активность Лужкова явно искусственна и с большой долей вероятности уже в ближайшее время сойдёт на нет. Так что по большому счёту бизнесу Батуриной в России мало что угрожает. «Интеко» скорее ждёт тихое угасание, нежели показательная порка. Меня, да, я уверен, и большинство внимательных наблюдателей за московской политикой, больше интересует другой вопрос - не появится ли в столице новая «батурина» со своим «интеко»? Будет ли это жена нового мэра? Или его «друзья»? Или «друзья» премьер-министра и президента? И не сказать, чтобы для меня это был праздный интерес. Если вы думаете, что подобного рода «семейно-государственное» партнёрство касается лишь его участников, а вам до этого и дела нет, то это большое заблуждение. Страдает и экономика города в целом, и отдельно взятые горожане.Вы сомневаетесь? В поддержку своего мнения приведу две последних на сегодня истории из жизни «Интеко» и участия в ней мэра Юрия Лужкова.

И не сказать, чтобы для меня это был праздный интерес. Если вы думаете, что подобного рода «семейно-государственное» партнёрство касается лишь его участников, а вам до этого и дела нет, то это большое заблуждение. Страдает и экономика города в целом, и отдельно взятые горожане.

Первая из них, как ни странно, касается российско-китайских отношений. Когда мы встречались с Еленой Батуриной в 2006 г. и обсуждали развитие её бизнеса за пределами Москвы, то глава «Интеко», рассказывая о проекте в Астане, мимоходом упомянула о каких-то проблемах с китайскими партнёрами. Я на это не обратил внимания. И как оказалось - напрасно.

В Астане «Интеко» строила бизнес-центр «Москва-парк». Его торжественное открытие состоялось 4 июля 2010 г. Присутствовал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и мэр Москвы Юрий Лужков. Общая площадь центра составляет 75 тыс. кв. м. Он включает в себя офисную часть - около 16 тыс. кв. м, торгово-развлекательный комплекс на 30 тыс. кв. м и гостиницу категории «четыре звезды» на 200 номеров. Сегодня это одно из лучших зданий в Астане. Его строительство обошлось «Интеко» более чем в $150 млн и заняло более четырёх лет. Хотя изначально Батурина планировала построить объект на несколько лет раньше.

В задержке хозяйка «Интеко» винит своих китайских партнёров - Всекитайскую инженерно-строительную корпорацию (ВИСК). Но ВИСК не могла долгое время начать строительство: для этого нужно было получить лицензию на работы в Казахстане. Решение вопроса затянулось, строительные материалы за это время сильно подорожали, и стоимость строительства возросла. «Интеко» не согласилась с новой сметой, и после

препирательств дело переместилось в Арбитражный институт Торговой палаты города Стокгольма. Теперь «Интеко» требует от ВИСК возместить ущерб в размере $50 млн. Разбирательства длятся до сих пор. Какое отношение проблемы «Интеко» с её китайскими партнёрами имеют к Москве? Если верить Сергею Санакоеву, председателю правления Российско-китайского центра торгово-экономического сотрудничества, - самое непосредственное. Они заблокировали крупнейший в России девелоперский проект китайских инвесторов.

Ещё летом 2007 г. вице-премьеры России и КНР торжественно заложили первый камень в основании делового центра «Парк Хуамин». Рядом с метро «Ботанический сад» планировалось построить огромное здание площадью 200 тыс. кв. м. Стоимость проекта оценивалась в $800 млн. «Парк Хуамин» должен был стать визитной карточкой КНР в России. Но последние несколько лет проект не двигается. Причина - мэрия не согласовывает изменения в генплане, необходимые для строительства офисного центра. Когда с разрешительной документацией возникли проблемы, менеджеры «Парка Хуамин» подключили китайские власти. На приёме в представительстве КНР посол Ли Хуэй прямо спросил Юрия Лужкова, в чём причина задержки строительства. Мэр страшно удивился, сказал, что не знает о проблемах, и тут же попросил помощников разобраться.А потом, как заявил Сергей Санакоев в интервью русскому Newsweek, мэр встретился с ним и прямо заявил, что проекты китайцев в Москве двигаться не будут, пока они не заплатят «Интеко» требуемую сумму. Те самые $50 млн, которые Елена Батурина потеряла в Казахстане.

То, что к казахской истории и Всекитайской инженерно-строительной корпорации «Парк Хуамин» не имеет никакого отношения, Юрия Лужкова абсолютно не смущало. «Он [Лужков] считал, что правительство Китая должно помочь ему урегулировать этот конфликт. А если правительство не поможет, значит, он вправе специально задерживать реализацию всех проектов из КНР. Поскольку это для него одно и то же - всё китайские проекты», - рассказывал один из топ-менеджеров «Парка Хуамин» в интервью Newsweek. Лужкову, как утверждал менеджер, много раз объясняли, что между ними нет ничего общего и «Парк» не в силах помочь урегулировать конфликт между «Интеко» и ВИСК, но эффекта это не возымело. В итоге китайцам удалось вывести обсуждение проекта на уровень первых лиц двух стран.

В мае 2009 г. председатель китайского парламента У Банго во время встречи с Дмитрием Медведевым посетовал на то, что деловой комплекс так и не начал строиться. У Медведева, говорят, был шок. Он вроде бы даже сказал что-то вроде «не может быть, будто из-за личного бизнеса чиновник сдерживает государственный проект». Если всё так и было, то неудивительно, что до формулировки «уволен по утрате доверия» дело в случае Лужкова дошло так быстро. Стройка у «Ботанического сада» между тем так и не началась.

И, наконец, последняя обещанная история об «Интеко» и Елене Батуриной. Весной 2010 г. к нам в редакцию приехал Леннарт Дальгрен,

первый генеральный директор IKEA в России (возглавлял её в 1999-2006 гг.). Мне до сих пор кажется, что этот человек сделал невозможное. Построить в России бизнес, настолько чётко работающий и настолько дружелюбно относящийся к клиентам, - это требует редкого таланта. Особенно учитывая тот факт, что IKEA умудрилась вести дела в России, не давая взяток. В общем, я ожидал увидеть настоящего «эффективного менеджера» - в приличном костюме, дорогих часах и непременно с модным технологичным гаджетом. Однако из лифта вышел человек лет сорока пяти в зелёном пиджаке долларов за семьдесят. За собой он катил чемодан на колёсиках с оббитыми углами. «И это тот самый Дальгрен?» - удивился я.

На «эффективного менеджера» он явно не тянул. Однако оказался самым обаятельным собеседником из тех, что я встречал за последние годы. Он был прост в общении, сыпал шутками. И вообще - мне казалось, что он просто «сделан» в фирменном стиле IKEA. По крайней мере, как я его понимаю и каким он мне нравится - интересно, доступно, надёжно. Провожая его до дверей нашего офиса и пожимая Дальгрену руку, я честно признался, что мы все - и жена, и мои многочисленные дети, и я - настоящие фанаты IKEA. Он в ответ без тени улыбки произнёс: «Я тоже», - и довольно рассмеялся. В общем, этот человек не был похож на наших девелоперов. Во всяком случае, топ-менеджер российской компании, отстроившей около 1 млн кв. м высококлассных торговых центров, чемоданами с оббитыми углами не пользуется, и понтов у него - на четыре КамАЗа с прицепом. А Дальгрен ко всему прочему, ещё и написал книжку, в которой поведал о своих приключениях в России. Чтобы рассказать о ней, он и заехал в нашу редакцию.

При чём здесь Батурина, спросите вы? Отвечаю - в книжке Дальгрена отношениям с «Интеко» уделена целая глава. В ней бывший гендиректор российской IKEA описывает одну из встреч с представителями «Интеко» - компании, которую, как пишет Дальгрен, IKEA изначально рассматривала как потенциального поставщика мебели из пластмассы и других товаров.

«…Вдруг дверь распахнулась и в комнату, где шли переговоры, без предупреждения вошла Елена Батурина. Не представившись, она сразу же заявила, что если IKEA собирается закупать продукцию одного из её предприятий, то делать это предстоит на её условиях.

Условия эти оказались за гранью разумного и были абсолютно неприемлемыми. IKEA от сотрудничества с „Интеко“ отказалась…»

«…Потом нам говорили, что это разногласие сыграло роль красной тряпки в наших последующих переговорах с её супругом о строительстве ИКЕА на Кутузовском проспекте. До сих пор не могу поверить, что это может быть правдой», - пишет Дальгрен.

Мне, впрочем, кажется, что швед и его российские издатели использовали формулировку «до сих пор не могу поверить» исключительно чтобы снизить риск подачи Батуриной судебного иска. И на самом деле Леннарт Дальгрен не стал бы рассказывать эту историю,

если бы у него были какие-то сомнения.

А факт заключается в том, что при Лужкове IKEA так и не смогла построить ни одного объекта внутри МКАД.

Так что, если вы ездите на шопинг, допустим, в «МЕГА-Химки» и регулярно стоите на Ленинградке в вечных «воскресных» пробках, то теперь вы знаете, кому стоит за это сказать большое спасибо.

Приложение. Елена Батурина: когда и деньги не спасают

http://resfed.com/article-511

Олигархи, сколотившие состояния в России «благодаря природному уму», на Западе представляют собой скопище колониальных идиотов, которых на ходу раздевают ловкие англичане, французы, австрийцы, швейцарцы и т.п. люди. Елена Батурина вбухала в австрийской отель Grand Tirolia Hotel более 100 миллионов евро и он до сих пор генерит лишь убытки.

В принципе, это подтверждает нехитрый тезис о том, что деньги в подлунном мире решают далеко не всё, тем более, что если эти деньги и не совсем твои - ведь хранятся они в чужих банках, а не банках своей страны. Поэтому экономические успехи россиянских «вундеркиндов» на Западе довольно скромные. Классический пример тому - история бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова и его супруги, гениальной «бизнес-вумен» Елены Батуриной. Напомним, что в Российской Федерации в 2010 году журнал Forbes оценивал её состояние почти в 3 миллиарда долларов.

Но спустя несколько лет, после того, как её мужу дал пинка под зад президент РФ Дмитрий Медведев, состояние Батуриной быстро сдулось до 1 миллиарда долларов. Без «административного ресурса» и посреди аквариума с пираньями капиталистического мира семейка евразийских «гениев» стремительно расставалась с деньгами. В частности, Батурина влипла в «продвижение» зелёной энергетики на Балканах (минус 10-20 миллионов евро), в Лондоне, где она проживает в Холланд Парке (Holland Park), уже давно идёт безрезультатная тяжба с россиянским «бизнесменом» Александром Чистяковым (муж певицы Глюкозы), кинувшим якобы Батурину аж на 80 миллионов евро с проектом создания гостиничной сети в Марокко.

В целом, ничего умнее, чем вбухать деньги в пафосную и убыточную недвижимость в Европе или США, россиянские «гении» не знают и не могут сделать. Иногда и вбухать деньги не получается. Как мы уже писали, вместо запланированной сети из 15 отелей Батурина за последние 5 лет создала лишь «созвездие» из 4 убыточных гостиниц, и на этом произошла закономерная «стоп-машина». Ко дну явно тянет главный «алмаз» в бизнес-империи Елены Батуриной - отель Grand Tirolia в Кицбюэле (Kitzbuehel, Австрия).

Как поведали недавно австрийские и мировые СМИ, в 2013 году совокупный убыток отеля снизился в 2 раза и составил «всего» 1,1 миллиона евро, а принадлежащего там же Батуриной гольф-клуба - «всего» 1,3 миллиона евро (итого - 2,4 миллиона евро).

В принципе, это хорошая новость, но на фоне инвестиций Елены Батуриной в этот отель и поля для гольфа вокруг него, всё это выглядит смешным. Ведь в 2006 году Батурина через компанию Saphros Beteiligungs GmbH приобрела за 25 миллионов евро поля для гольфа в Эйхенхайме (Eichenheim) и строящийся отель Grand Tirolia. После чего в эти объекты недвижимости было вложено ещё 80 миллионов евро. Сейчас отелем и гольф-клубом владеет на 99% компания Inteco Beteiligungs GmbH. В 2011-2012 годах гольф-клуб и отель принесли Батуриной убытка совокупно на 7 миллионов евро (4,3 миллионов отель и 2,7 миллиона евро гольф-клуб только в 2012 году).

В итоге, как пишут австрийские СМИ, нехватка собственного капитала в гольф-клубе составляет 10,5, а в отеле - 7,4 миллионов евро. По мнению управляющего батуринским гольф-клубом Генриха Бланка (Heinrich Blank), во всём виновата прежняя компания-оператор её недвижимости в Кицбюэле Martinez Holding AG, которая и «довела» до ручки недвижимость Елены Батуриной. По его словам, возможно, лишь в 2015 году гольф-клубу и отелю удастся добраться до зоны безубыточной работы.

Теперь остаётся лишь гадать, что наступит быстрее - частный дефолт семьи россиянских компрадоров, ограбивших Москву и Россию, или же появится отдача от их бездарных инвестиций. Судя по скромному виду и поведению экс-мэра Москвы Юрия Лужкова, таскающегося на заседания фестивального Евразийского бизнес-сообщества в Университетском колледже Лондона, где учится его дочь Елена, шансов на второе не очень много.